

Цетради по консерватизму

[№ 1 2014*]

Стенограмма семинара
«Базовые ценности консерватизма.
История и современность»
27–28 февраля 2014 года

фонд
ИСЭПИ

Институт
социально-экономических
и политических
исследований

ДЪМАНАХ

[Июнь 2014 г.]

Базовые ценности консерватизма История и современность

{ Семинар 27-28 февраля 2014 г. }

*Стенограмма семинара
в штаб-квартире
Общероссийского народного фронта*

Цетради

по консерватизму

{ № 1 2014 г. }

Москва
Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ)
2014

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Главный редактор
А.Л. Чечевичников

Т 37 **Тетради по консерватизму:** Альманах Фонда ИСЭПИ: № 1: Базовые ценности консерватизма. История и современность: Стенограмма семинара в штаб-квартире Общероссийского народного фронта, 27–28 февраля 2014 г. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2014. – 120 с.

ISBN 978-5-7646-0122-9

Предпринимаемое Фондом ИСЭПИ издание альманаха «Тетради по консерватизму» является отражением общественного запроса на ответственную политику. Новый альманах одновременно и ретроспектива консервативной мысли, и аналитическая лаборатория, и трибуна мнений.

В первом номере «Тетрадей» публикуются материалы семинара «Базовые ценности консерватизма. История и современность», состоявшегося 27–28 февраля 2014 года в штаб-квартире Общероссийского народного фронта.

УДК 321.022
ББК 66.2(2Рос)

ISBN 978-5-7646-0122-9

© Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ), 2014

{ Содержание }

Дмитрий Бадовский
К читателю
7

Олег Морозов
Основные положения социально-консервативной идеологии
9

Стенограмма семинара { 27 февраля 2014 }

Дмитрий Киселев
«Когда ничто не свято, когда ничто не сдерживает»
19

Ольга Васильева
Об истоках российского консерватизма
28

Леонид Поляков
«Шанс объединения власти и народа на одной ценностной основе»
41

Стенограмма семинара { 28 февраля 2014 }

Сергей Глазьев
Консерватизм и новая экономика
61

Абдусалам Гусейнов
«Консервативный взгляд на мир не следует превращать в “изм”»
70

Наталья Нарочницкая
«Среди западных консерваторов меняется отношение к России»
74

{ Содержание }

Карен Шахназаров
«Когда ломают статуи Ленина, в этом есть что-то антирусское»
78

Михаил Ремизов
Консерватизм как стиль мышления и политическая повестка
79

Александр Привалов
«Власть в школьном образовании принадлежит двум группам лиц»
84

Вячеслав Никонов
Россия и мир: консерватизм в российской внешней политике
88

Юрий Вяземский
*«Когда услышу “российская литература”,
тогда, пожалуй, эмигрирую»*
96

Аркадий Минаков
*«Консерватизм – это блистательное интеллектуальное
направление»*
105

Олег Морозов
«Мы – в начале пути»
112

Участники семинара
117

К читателю

Фонд ИСЭПИ представляет вашему вниманию новое серийное издание – альманах «Тетради по консерватизму».

Первый выпуск альманаха составлен на основе выступлений, прозвучавших на семинаре «Базовые ценности консерватизма. История и современность» в штаб-квартире Общероссийского народного фронта в феврале 2014 года.

Особенностью и сутью той консервативной позиции, которая была заявлена в 2013 году в ежегодном Послании Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию, является ее неидеологический и прагматичный характер. Не случайно, таким образом, обращение к наследию Николая Бердяева. Смысл консерватизма, по Бердяеву, не в том, что он препятствует движению вперед и вверх. А в том, что он препятствует движению назад и вниз. К хаотической тьме. Препятствует возврату к состоянию, предшествующему образованию государств и культур. И, напротив, слишком часто в истории именно радикально революционное движение вперед – в реальности оказывалось движением назад, культурным обрушением, цивилизационным обвалом.

Этот взгляд особенно важен для России, где – после всех исторических потрясений XX века – безусловная для будущего страны политика сбережения народа однозначно согласуется с бережным, а значит консервативным развитием.

В то же время, консерватизм сегодня проявляет себя и как глобальная тенденция. Спрос на него – то есть на ответственность, профессионализм, мораль и совесть – растет во всем мире. Это происходит, помимо прочего, потому, что консерватизм не только и не столько идеология, сколько определенный политический стиль. Как только создано нечто минимально стоящее, его нужно сохранить. Консерватизм не против перемен и реформ – он за перемены обоснованные, прагматичные, ответственные и компетентно осуществляемые. Поступательное и созидательное развитие противостоит здесь радикальным последствиям любого подрыва ценностей. Преимущество исторических эпох оппонирует отказу от собственного исторического наследия и идентичности.

Эволюционная трансформация базовых общественных и государственных институтов оберегает от революционного уничтожения устоев государства и общества.

Осмысление и обсуждение этих вопросов продолжится в последующих выпусках альманаха «Тетради по консерватизму». Так, во втором номере будут подведены итоги форума «Бердяевские чтения», проведенного Фондом ИСЭПИ в Подмоскowie в мае 2014 года. Приглашенные философы, историки, политологи обсуждали смыслы и формы современного российского консерватизма в рамках трех тематических секций: «Истоки и смысл русского консерватизма», «Консерватизм как социальная, экономическая, этическая, политическая и религиозная категория», «Мобилизационный потенциал консервативной идеи в современной России».

Надеюсь, наш альманах станет и ретроспективной консервативной мысли, и аналитической лабораторией, и трибуной мнений.

Основные положения социально-консервативной идеологии

*Выступление Первого заместителя Председателя
Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации
О.В. Морозова на семинаре с политологами 23 мая 2011 года*

В условиях современного, стремительно меняющегося мира важнейшее значение для России приобретает политическая идеология, объединяющая людей вокруг системы базовых ценностей.

Основания выбора

В XX веке Россия дважды пережила трагические надломы коренных общественных устоев. Эти тяжелые уроки истории убеждают: политический курс, основанный на безоглядном отрицании прошлого, пренебрежении общественным согласием, абсолютизации идеологических крайностей и радикализме действий, крайне опасен для общества. В историческом плане он бесперспективен и ведет в тупик.

В современной России чрезвычайно востребованы идеи социального консерватизма, носители которых объявляют:

- своей миссией – сбережение России, национального, культурного и языкового многообразия российской цивилизации, ее духовных основ;
- своей целью – национальный успех страны и благополучие ее граждан;
- своим главным лозунгом – «Сохраним и приумножим!»;
- своим методом – обеспечение консолидации общества, гражданской солидарности и национального согласия, недопущение любых форм политического радикализма.

Политическая практика в рамках такой стратегии позволила преодолеть системный кризис 90-х годов XX века, когда над страной нависла угроза потери национального суверенитета, культурной и нравственной деградации, всеобщего обнищания и экономического развала. Были успешно преодолены и последствия мирового финансово-экономического кризиса 2008–2010 годов.

Россия получила возможность прокладывать свой долгосрочный политический курс на основе идеологии, опирающейся на разделяемые большинством общества социально-консервативные ценности.

Новые вызовы

XXI век явственно продемонстрировал нарастающий поток новых вызовов, требующих от России своевременных и адекватных ответов.

Внутренние вызовы. Россия вступила в новый этап национального развития. Ближайшие годы станут определяющими для ее судьбы на десятилетия вперед.

В постсоветский период в ранее разобщенном и политически индифферентном обществе сформировался активный слой граждан, ориентированных на достижение личного успеха. Важно соединить это стремление с нацеленностью на успех всей страны.

Жизнь будущих поколений, историческая перспектива государства и нации зависят от консолидации общества, сбережения народа, многообразия его языков и культур, обустройства российских пространств. Страна достигнет своих целей, если ее народ будет единым и сплоченным, каждый гражданин будет дорожить Отечеством, а общество будет опираться на прочный фундамент национальных, культурных и духовных традиций, на тысячелетнюю историю России, на ценности, которые всегда составляли нравственную основу народной жизни.

Внешние вызовы. После разрушения мироустройства, основанного на противостоянии Запада и социалистического лагеря, миропорядок так и не приобрел необходимой устойчивости. Обостряется борьба за мировое лидерство, стремительно набирают мощь развивающиеся страны, мир движется к многополярной конфигурации.

Стремление евро-атлантической цивилизации к расширению своего глобального влияния, навязыванию остальному миру собственных ценностей и стандартов вызывает растущее сопротивление третьих стран и вненациональных сил, в том числе в таких радикальных формах, как экстремизм и терроризм. Цивилизационные противоречия приобретают глобальный характер, нарастают риски техногенных катастроф, этнических и религиозных конфликтов, военных столкновений.

Россия займет достойное место в этом сложном мире и сможет значимо влиять на создание новой системы международной безопасности, если станет одним из лидеров и центром притяжения всей Евразии, продемонстрирует миру пример стабильного и эффективного развития.

Ценности и установки социально-консервативной идеологии

Появление западной консервативной мысли стало ответом на экономические и политические кризисы, неизменно сотрясавшие страны Европы на протяжении всего Нового времени. Аналогичные истоки имел и российский консерватизм: его сторонники активно участвовали в общественно-политической жизни и формировали критическую позицию в отношении любых попыток радикально переустроить российское общество без опоры на его традиции и нравственные устои, без понимания последствий такого коренного переустройства.

Суть проблемы заключалась в том, что базовые идеологии Запада – либерализм и социализм, – провозгласившие взаимно противо-

положные ценности, в равной степени привержены вере в неуклонный и беспредельный прогресс. При этом вопрос о цене такого прогресса всегда был вторичным.

Для современного западного мышления характерно:

– сведение критериев прогресса к технологическим достижениям и экономическому росту при забвении духовных ценностей человека и общества;

– стремление к постоянному экономическому росту за счет расширенной эксплуатации человеческих и природных ресурсов, в последнее время – всё в большей степени за счет третьих стран;

– догматическое отношение к ценностям западной цивилизации, нетерпимость к альтернативным позициям и радикализм действий, неизбежно ведущие к экономическим и политическим кризисам, усугублению международных противоречий и конфликтов.

Одна из особенностей современного мира – набирающие силу процессы глобализации и усиления конкуренции за ограниченные мировые и национальные ресурсы. Это обстоятельство многократно усиливает негативные последствия абсолютизации идеи неограниченного прогресса в ее либеральной и социалистической трактовках, вплоть до угрозы существованию человечества.

Ответом российского социального консерватизма является сохранение в конфликтном и кризисном мире органического единства человека, общества и государства в их национальной идентичности, историческом контексте, природной, культурной и духовной среде. Чтобы этого добиться, необходимо объединить усилия большинства граждан, институтов гражданского общества, публичной власти, а также Русской православной церкви и других традиционных религий России.

Эта миссия определяет национально-государственные интересы, продвижение и защита которых рассматриваются и как безусловные требования к политической практике, и как критерии ее оценки.

Социальный консерватизм в общественно-политической практике означает:

– признание фундаментальной роли в развитии страны общественно-го интеллекта, национальной культуры, духовных и нравственных начал;

– взвешенную критическую оценку и обеспечение преемственности в отношении своих исторических традиций;

– эволюционный подход к общественным преобразованиям, допускающий и предполагающий модернизационные прорывы при условии, что они опираются на обоснованную систему действий, подготовленную социально-психологическую почву и не разрушают духовные традиции и национальную идентичность общества;

– выстраивание и сохранение динамического равновесия в соотношении «правого» и «левого» политических трендов;

– поддержание баланса прав, обязанностей и ответственности индивидов, социальных институтов и общества в целом;

– согласование разнонаправленных общественных интересов в целях предупреждения их антагонизмов и конфликтных ситуаций;

– предупреждающее управление кризисами и рисками, основанное на понимании объективного характера возникающих угроз и способности прогнозировать их возникновение и последствия.

Социально-консервативная повестка модернизации России

Задачи модернизации России могут быть эффективно решены только в русле социально-консервативной идеологии. Последовательное и системное реформирование социальных, экономических и политических институтов – необходимое условие существования и устойчивого развития страны в качестве самобытной цивилизации в глобальном и конкурентном мире.

Постсоветский этап в развитии России завершен, период восстановления пройден, созданы все предпосылки для движения вперед. На повестке дня – формирование и реализация стратегии национального успеха страны в XXI веке.

Прежде всего следует убрать с этого пути всё, что мешает идти вперед, завершить создание в России такой политической системы, такой структуры социальных гарантий и защиты граждан, такой модели экономики, которые, вместе взятые, составят единый и постоянно развивающийся, здоровый и устойчивый государственный организм.

Демократия и качество государства. Социальный консерватизм полностью разделяет общемировые демократические ценности: политическая власть должна выражать и защищать интересы подавляющего большинства и опираться на это большинство. Вместе с тем эффективность и качество государства должны определяться не идеологическими клише, а уровнем и качеством жизни, приростом национального богатства, ролью страны в международном сообществе, надежностью гарантий национальной безопасности и защищенности национальных интересов.

В актуальной повестке России – укрепление и развитие фундаментальных институтов демократии: гражданского общества и независимых СМИ, местного самоуправления и парламентаризма, профессиональной и независимой судебной власти. В том же списке – важнейшие демократические механизмы, обеспечивающие постоянный и конструктивный диалог власти и общества, участие граждан в формировании органов публичной власти и содержания государственной политики, общественный контроль за деятельностью органов власти и поведением властных элит.

Прозрачность власти, ее действий – основное условие взаимного доверия в обществе и действенности государственной политики.

Гарантированные права и свободы человека и гражданина – еще один императив современного российского консерватизма. Это ответ досужим рассуждениям на тему, нужна ли нашему народу свобода и готовы ли к ней российские граждане.

Подлинная демократия, строжайшая ответственность всех лиц, занимающих политические должности и должности государственной службы, создание общей атмосферы аморальности любых коррупционных проявлений – залог победы над этой системной болезнью, разъедающей общественный организм.

Партийное строительство. Существующая партийная система всё менее способна поддерживать баланс интересов правого и левого полюсов российского общества, адекватно представлять ожидания быстро растущего среднего класса, объединяющего работников бюд-

жетной сферы, военных, государственных и муниципальных служащих, активное крестьянство, инженерно-техническую и творческую интеллигенцию, квалифицированных рабочих, представителей малого и среднего бизнеса.

Настало время создания условий свободной конкуренции на политическом поле, формирования парламентской демократии на многопартийной основе.

Политическое многообразие и прямое вовлечение граждан в политические процессы сделают государство и прочнее, и эффективнее.

Социальная политика. Россия – социальное государство. Это одна из фундаментальных основ ее конституционного строя. Воплощение этого тезиса в жизнь – приоритет социального консерватизма.

Идею социального государства как общества всеобщего благоденствия следует рассматривать как некую социальную утопию, но вместе с тем необходимо здесь и сейчас последовательно решать важнейшие социальные проблемы, воплощать на практике принцип социальной справедливости.

Неотложными задачами являются:

- устранение недопустимой дифференциации уровня жизни российских граждан;

- увеличение средней продолжительности жизни за счет укрепления здоровья и снижения смертности;

- создание такой системы социальных отношений, такого нравственного климата, где главным мерилom человека, главными «социальными лифтами» являются способности, труд и профессионализм;

- изменение позиции государства в сферах образования, здравоохранения, науки, культуры и экологии: вложение государственных средств в эти сферы – это не обременение расходной части бюджета, а эффективные инвестиции в будущее страны;

- расширение и повышение эффективности адресной поддержки всех нуждающихся в ней: государство должно поощрять благотворительность, стимулировать социальную ответственность бизнеса, но не вправе устраняться от оказания социально необходимой помощи и услуг;

- создание надежных механизмов пенсионных накоплений: социальная политика – это не только периодическое повышение пособий и пенсий, но и создание работающей системы, защищающей граждан от кризисов и позволяющей планировать будущее – свое и своих детей.

Важнейшей задачей социальной политики является расширение масштабов среднего класса – сообщества людей с активной жизненной и гражданской позицией, способных и имеющих возможность собственным трудом обеспечить себе и своим близким достойный уровень и качество жизни, в том числе за счет:

- расширения и повышения эффективности профсоюзов, иных профессиональных ассоциаций, способных реально защищать трудовые права наемных работников, повышать престиж профессий, вести конструктивный диалог с работодателем;

- обеспечения для малого и среднего предпринимательства здоровой конкурентной среды и надежной защиты законно созданной собственности;

– обязательного возвращения в систему образования воспитательной функции.

Новая экономика. Новая экономика России – это социально ориентированная и диверсифицированная экономика со сбалансированной нагрузкой на природные ресурсы, с высокой производительностью труда и низкой энергоемкостью, высокооплачиваемыми и высокопроизводительными рабочими местами, развитым малым бизнесом. Экономика, в которой кроме топливно-энергетического комплекса будут развиты и другие конкурентоспособные сектора с постоянно обновляющимися технологиями.

Соотношение частной инициативы и государственного участия в экономике должно определяться их эффективностью, измеряемой устойчивостью и качеством экономического роста, а не рейтингами личных состояний.

Переход к инновационной модели развития возможен только на основе баланса спроса и предложения на прорывные технологии, что требует реиндустриализации страны, подъема науки и образования.

Решение этих вопросов открывает дорогу к созданию современной промышленности и эффективного сельского хозяйства, устойчивых к конъюнктурным перепадам, с центрами роста по всей территории страны, с опорой на мощную инфраструктуру.

Развитие села имеет стратегическую перспективу как в связи с необходимостью обеспечения аграрной безопасности России, так и в силу обострения проблемы продовольственного обеспечения в современном мире. Государство должно сохранить субсидирование сельскохозяйственных производителей, активно участвовать в развитии фермерства, крупных агропромышленных комплексов, социальной и производственной инфраструктуры сельского хозяйства.

Модернизация экономики требует тесного партнерства России с ведущими в технологическом отношении странами. России нужна более тесная экономическая интеграция со странами СНГ, с Европейским союзом, с Азиатско-Тихоокеанским регионом, странами БРИКС, с другими региональными объединениями. Россия обязана занять максимально значимое место в международном разделении труда как обладательница постоянно обновляющихся передовых технологий.

Региональная политика. Региональная политика должна рассматриваться как важнейший фактор обустройства российского национального пространства, как территориальный аспект общей политики социально-экономического развития страны.

Нынешняя разница в уровне и качестве жизни между отдельными регионами России недопустима. Должен стартовать процесс расширения ресурсной базы регионов и муниципальных образований. На соответствующие уровни власти необходимо передать дополнительные доходы, значительно расширить объем ресурсов, которыми регионы и муниципалитеты распоряжаются без излишней регламентации сверху.

Эти процессы должны быть увязаны с развитием федеративных отношений и местного самоуправления, повышением самостоятельности и ответственности региональных и местных органов власти.

Национальный вопрос. Для России с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур национальный вопрос носит фундаментальный характер. Россия – не этническое государство и не американский «плавильный котел», она возникла и веками развивалась как многонациональное государство. Гражданское и межнациональное согласие является одним из условий самого существования страны, базовой ценностью социально-консервативной идеологии.

По самому факту возникновения и существования России русский народ является государствообразующим, а русский язык – формирующим российскую культуру. Вместе с тем попытки проповедовать идеи построения русского «национального», моноэтнического государства противоречат всей тысячелетней истории России и ведут в исторический тупик.

Существует прямая зависимость между конфликтами на национальной почве и нерешенными социально-экономическими проблемами, пороками правоохранительной системы, неэффективностью и коррумпированностью власти. Государство должно учитывать эти факторы и решительно, без оглядки на чины и звания, предпринимать все необходимые меры для предупреждения, нейтрализации, ликвидации очагов межнационального напряжения.

Государству и обществу необходима стратегия национальной политики, опирающаяся на гражданский патриотизм, основанный, в свою очередь, на гордости за страну, на чувстве сопричастности ее судьбе. Необходимо дать каждому объем гуманитарного знания, абсолютно необходимый для понимания идентичности многонационального народа. Воспитывать у тех, кто приезжает в регионы с иными культурными, историческими традициями, уважительное отношение к ним. Это – гражданская задача образования и системы просвещения.

Необходимо последовательно решать миграционные проблемы: способствовать евразийской интеграции на постсоветском пространстве как реальной альтернативе неконтролируемым миграционным потокам; не допускать возникновения замкнутых, обособленных национальных анклавов, в которых перестают действовать законы; вернуть людям возможность работать и жить у себя дома, на родной земле.

Национальная безопасность России. Государство должно ориентироваться на самые современные тенденции в военном искусстве. В структурах силовых ведомств необходимо создать качественно новую, «умную» систему военного анализа и стратегического планирования, предупреждающей подготовки планов действий и их оперативной реализации. Следует также вернуть технологическое лидерство по всему спектру основных военных технологий.

Важнейшим приоритетом государственной политики останутся вопросы обеспечения динамичного развития атомной и космической промышленности, ОПК, военного образования и фундаментальной военной науки.

В Вооруженных силах должны служить люди, не только мотивированные в материальном и финансовом отношениях, но прежде всего любящие свою страну и понимающие, ради чего они поступили на военную службу.

Россия в меняющемся мире. Цели российской внешней политики имеют стратегический характер и отражают уникальное место России на мировой политической карте, ее роль в истории и развитии цивилизации.

Россия продолжит активный и созидательный курс на укрепление всеобщей безопасности, отказ от конфронтации, на эффективное противодействие таким вызовам, как распространение ядерного оружия, региональные конфликты и кризисы, терроризм и наркоугроза.

Россия намерена и далее обеспечивать свою безопасность и национальные интересы путем самого активного и конструктивного участия в мировой политике.

Социальный консерватизм и будущее России

Уходит время, когда партийные и политические системы строились на разделении и противопоставлении интересов различных социальных слоев и групп. Сегодня востребованы иные идеи – обеспечивающие единство общества, его целостность и сплоченность, способность общими усилиями противостоять новым угрозам и вызовам.

Именно такую идеологию предлагает социальный консерватизм. Стремление к балансу противоположностей, устойчивости социально-экономического и политического развития, противодействию хаосу и кризисам делает его надежным источником исторического и гуманистического оптимизма.

Заложенный в эту идеологию потенциал самообновления и совершенствования, готовности впитывать новые знания и генерировать новые идеи сообразно постоянным изменениям условий и задач определяет долгосрочную перспективу ее дальнейшего развития.

В приложении к российской почве современный социальный консерватизм способен дать ответы на «вечные» для России вопросы о выборе между традицией и модернизацией, реформой и революцией, о путях сохранения России как особого социума, обладающего исторической и национально-культурной самобытностью.

Последовательное воплощение идеологии социального консерватизма позволяет ставить и решать самые смелые задачи поступательного развития страны, закрепления за ней достойных позиций в мировом пространстве, эволюционного подъема личности и общества на новые уровни культурного, духовного и нравственного развития.

Базовые ценности консерватизма

История и современность

{ 27 февраля 2014 г. }

*Стенограмма семинара в штаб-квартире
Общероссийского народного фронта*

Дмитрий Киселев

«Когда ничто не свято, когда ничто не сдерживает»

Ольга Васильева

Об истоках российского консерватизма

Леонид Поляков

«Шанс объединения власти и народа на одной ценностной основе»

А.И. Бочаров. Уважаемые коллеги, хотел бы представить участников. Здесь присутствуют сопредседатели Центрального штаба – Станислав Сергеевич Говорухин и Ольга Викторовна Тимофеева – и двадцати двух региональных штабов. Присутствуют также наши уважаемые эксперты: Дмитрий Константинович Киселев, генеральный директор информационного агентства «Россия сегодня»; Ольга Юрьевна Васильева, доктор исторических наук, профессор; Леонид Владимирович Поляков, заместитель декана факультета прикладной политологии Высшей школы экономики.

Итак, Дмитрий Константинович, прошу вас.

С.С. Говорухин. Кстати, Дмитрий Константинович самый на сегодня отъявленный враг нашей либеральной интеллигенции. У Чехова есть рассказ «Именины». Там один персонаж говорит: «У нас такой порядок, что вы можете неодобрительно отзываться о солнце, о луне, о чем угодно, но храни вас Бог трогать либералов! Боже вас сохрани! Либерал – это тот самый поганый сухой гриб, который, если вы нечаянно дотронетесь до него пальцем, обдаст вас облаком пыли».

**«Когда ничто не свято,
когда ничто не сдерживает»**

России нужны и либералы, и консерваторы. Проблема в том, что наши либералы либералами не являются, а только прикидываются ими. В любой стране мира есть либералы и консерваторы – они лишь называются по-разному. В Соединенных Штатах, например, это республиканская и демократическая партии. Демократы борются против консерваторов, а консерваторы борются против демократов. А наши либералы борются против собственной страны. Для них чем хуже, тем лучше. Они могут назвать российскую армию вражеской, что, например, прозвучало из уст журналистки Латыниной на «Эхе Москвы» в 2008 году, когда наша армия была вынуждена отвечать на грузинскую агрессию. И, как это бывает в неудавшихся семейных парах, люди проходят три фазы: сначала борются друг за друга, потом – друг с другом, наконец, друг против друга. Они уже начинают бороться против государства, против Отечества. Скажем, Шендерович, который представляется либералом, полагает, что правомерно ставит на одну доску нашу фигуристку, олимпийскую чемпионку Юлию Липницкую и нацистского преступника, карателя, чемпиона Олимпиады тридцать шестого года Ганса Отто Вёльке, убитого белорусскими партизанами под Хатынью в сорок третьем году. И обвиняет ее в том, что гениальная девочка с каждым прыжком увлекает с собой рейтинг Путина.

Ничего подобного ни в одной другой стране мира нет – мы здесь уникальны, диапазон разброса наших ценностей прямо по Достоевскому: бездна внизу и бездна вверх. Эти «либералы» отпугивают людей от самого понятия «либерализм». Поэтому у нас нет даже понятия о либерально-патриотической партии. Убежден, Россия должна иметь разные политические крылья, но все они должны быть патриотическими. У нас сейчас и патриотизм используют как ругательное слово. Например, журналистка Ксения Ларина заявляет, что ее «от патриотизма тошнит червяками».

Вновь повторю: я против таких либералов, но не против либеральных взглядов. Надо четко различать либеральные взгляды и подрывную деятельность, которой эти люди занимаются. А если не очень получается подрывная, то изображают из себя жертву, норовят сесть в автозак и попозировать.

Но сегодня я хочу говорить на другую тему – ту, на которую многие говорить стесняются. Нам нужны аргументы, чтобы защищать традиционную семью. Без нее Россия не выживет. Если мы потеряем семью,

человека нигде будет воспитывать. Такая попытка уже была после семнадцатого года – отказаться от семьи. Тогда пришлось налаживать всё железной рукой, с большим количеством жертв. Очень не хотелось бы к этому возвращаться.

Поэтому сегодня важно вслух обсуждать тему навязывания большинству ценностей меньшинства. Нам говорят: запрещая гей-парады, вы преследуете людей нетрадиционной ориентации, вы – гомофобы, вы – несовременные люди. Многие из вас в своей общественной деятельности сталкивались с ситуациями, когда какие-то люди приходят и говорят, что у вас принят гомофобский закон, поэтому давайте от него откажемся...

Я вынужден был разбираться в этой теме. Мне приходилось полемизировать с Николаем Сванидзе в программе «Исторический процесс», делать репортажи в программе «Вести недели». К тому же у меня нормальная семья – четверо детей, и надо как-то им объяснять, откуда эти геи взялись. Кто-то говорит: «Я таким родился». Другой: «Это мой выбор, зачем вы нам мешаете?». Если перед вами стоит гей, ни вы, ни он, никто не может знать, почему он гей. Он таким родился или он стал таким? К сожалению, в нашей стране нет достаточно глубоких исследований, таких, какие есть в Соединенных Штатах или в Западной Европе. Есть профессиональные организации, которые занимаются этой темой достаточно глубоко, например «Американская ассоциация психиатрии». Если вы посмотрите слово «гомосексуализм» в англоязычной «Википедии», то там сказано, что это «сочетание» – гомосексуализм – является результатом сложного сочетания биологических и социальных факторов. То есть часть людей действительно предрасположена генетически, и таких около одного-полутора процентов. Другая часть выбрала нестандартную ориентацию под влиянием социальных факторов, то есть под влиянием среды. По Фрейду, человек рождается бисексуальным. У младенца как бы нет пола, он его не ощущает. Лишь в период полового созревания происходит психологический выбор. Шаткий человек склонен к экспериментам. Какой-то процент – допустим, два-три процента – можно качнуть в другую сторону. И число гомосексуалистов в обществе увеличится за счет привлечения неокрепших душ. Если взрослый человек ему скажет: «Это нормально, ничего страшного нет, это классно – давай попробуем». И пробуют, и кому-то нравится. Так у нас растет количество геев.

Что происходит дальше? Дальше человек – осознанно или нет – вступает на этот путь. Есть статистика. Слово «гей» считается неполиткорректным и не проходит в западной медицинской статистике, но есть такая аббревиатура «MSM» (Men who have sex with men). Есть исследования, проведенные в Голландии, в Бельгии, в странах, где геев не преследуют, где господствует другая социальная норма.

Здесь позволю себе небольшое отступление. Моя идея – рассказать вам о том, что это не здорово и не здорово. Поэтому надо прояснить вопрос о социальной норме. Мы не можем называть это болезнью, поскольку это нигде болезнью не признано. Тем не менее в каждой стране есть своя социальная норма – в Соединенных Штатах, в Китае, Японии, России, во Франции. И они разные. Если французский президент заводит себе любовницу, то у него рейтинг растет. Как это было с Олландом,

когда он расстался с женой, любовницу бросил и завел себе третью женщину. Общество приветствует это. Такая во Франции социальная норма. Если же президент Соединенных Штатов, например Клинтон, заводит себе любовницу в Белом доме, то его рейтинг падает вплоть до импичмента. То есть в Америке социальная норма другая. Почему же России отказывают в том, чтобы мы имели свою социальную норму. Я выступаю за право России иметь свою социальную норму. И советую вам пользоваться этим термином. Именно к социальной норме апеллирует Путин, когда говорит: «Подождите, у нас это не принято, у нас народ это не поймет». С иронией, с самоиронией, в свойственном ему стиле, он тем не менее ссылается на социальную норму. И если мы откажемся вообще от этого понятия, то нас не будет. Теперь вернемся к MSM.

Я против того, чтобы мои дети были гомосексуалистами. У меня трое сыновей и одна дочь. В однополый любви случаи насилия имеют место статистически чаще. Отношения там грубее. Средняя продолжительность жизни примерно на шесть лет ниже. Это зона риска, где СПИД, различные формы гепатита, злокачественные опухоли, которые сопутствуют СПИДу. Там чаще депрессии, чаще обращения к психиатрам, значительно больше самоубийств. Но мы этого как бы не видим – говорить об этом считается некорректным. Нам предлагают гей-парады, где они все-все в перьях, весело хохочут, показывают, какая красивая у них жизнь. Но в действительности это всего лишь прикрытие анонимного секса. Там значительно реже возникает человеческая привязанность. Однополый любви сопутствует одиночество, особенно в преклонном возрасте. Всё это делает их жизнь не слишком счастливой. Они лишены родительского счастья, родительских радостей. Они, так или иначе, чувствуют себя гонимыми. То есть живут с постоянными комплексами. Обостряется проблема самоидентификации: «Кто я?». Я сталкивался с исследованиями, которые предлагают ввести в норму разные сексуальные девиации. Допустим, транссексуалы, геи, лесбиянки. Кто-то уже предлагает и педофилию признать сексуальной ориентацией. Я находил списки, где сексуальных ориентаций – пятьдесят! Ответить на вопрос «Кто я?» становится всё труднее.

В программе «Исторический процесс» я как-то высказался за то, чтобы сжигать сердца геев. Это был провокационный пассаж, который теперь широко цитируется. Сжигать сердца либо закапывать их в землю в случае автомобильной катастрофы как непригодные для продолжения чьей-либо жизни. В России этого нет, а в Соединенных Штатах Америки – обычная практика. Начиная с 1977 года, с момента начала продолжающейся и поныне эпидемии СПИДа, геям официально запрещено быть донорами. Им запрещено сдавать кровь, органы, жидкости, роговицу глаза. Кто им это запретил? Организация, которая называется FDA (Food and Drug Administration), аналог нашего Роспотребнадзора. Это всесильная организация, которая ворочает триллионами, которая определяет, что из пищи и лекарств здоровое, а что нездоровое для Соединенных Штатов.

Почему запрещено донорство? Человек, которому в автокатастрофе отрывает голову, но выясняется, что он гей, не рассматривается как донор – его кремируют, либо закапывают вместе с сердцем. Или человек приходит сдать кровь. Его спрашивают: «Вы гей?» – «Да, я гей». – «Извините, вам нельзя». Если же он обманул, то преследуется уголовно за обман.

На сайте FDA можно прочитать, что гей является представителем зоны риска, где статистически СПИД присутствует гораздо чаще. Является ли это дискриминацией? Говорят, что нет, не является – потому что государство не может брать на себя риск заражения таким заболеванием.

То же самое имеет место в Великобритании, Японии, Австралии, Новой Зеландии, Израиле. В других странах устанавливают сроки с момента последнего контакта. В Канаде, например, пять лет со дня последнего контакта. Но у геев очень часты контакты, в среднем – по пятьсот сексуальных партнеров за жизнь, бывает до полутора тысяч.

Я две недели назад был в Израиле. В числе других членов клуба главных редакторов СНГ пришел на аудиенцию к президенту Пересу. Зная о том, что в Израиле на эту тему прошла дискуссия, спросил его: «Господин президент, чем вы мотивируете сохранение данного запрета? Нам очень интересен израильский опыт – не только в сферах борьбы с терроризмом, уважения к старшим, уважения к детям, но и в этой специфической сфере». Он ответил: «У нас нет такого запрета». И прочел мне пятнадцатиминутную лекцию про равноправие, недопустимость дискриминации, про то, что дискриминация только в Иране, где этих геев вешают. В программе «Вести недели» я продемонстрировал «Правила донорства в Израиле», где имеет место прямой запрет. Более того, в Израиле запрещено сдавать кровь не только геям, но и неевреям.

Впрочем, сейчас мы говорим о геях. В России такого запрета нет. И поэтому я выступаю за то, чтобы выработать международные стандарты донорства. Народный фронт может выступить за международный стандарт донорства.

У нас государство странным образом берет на себя этот риск. С какой стати? Я этого не понимаю. Или у нас такие удивительные методы, что мы можем стопроцентно определить СПИД? Тогда давайте поделимся этим секретом с Соединенными Штатами, и пусть они отменят свой запрет. Когда кто-то говорит: «Это ерунда», – я предлагаю ему рискнуть самому: вот тебе две банки крови, одна от гея, другая не от гея. Какую выберешь? Добровольно. То есть тут необходимо формулирование в России государственной позиции.

Пойдем дальше. Для чего проводятся гей-парады? Для того чтобы предстать в заманчивом образе и отбивать от семей детей, подростков. Сами геи не могут же себя воспроизводить. Для этого и нужны гей-парады. Фактически это акт агрессии по отношению к обществу. Поэтому у нас гей-парады запрещены. Они не соответствуют нашей социальной норме. Согласно нашей социальной норме, это считается презренным. Кроме того, у нас не принято интимные отношения выпячивать напоказ. Мы романтизируем интимные отношения. Почему мы должны отказываться от романтики, от традиций, от романтических традиций русского эроса. Или отказываться от другой традиции, мусульманской? С какой стати? Если мы начнем себя менять, то потеряем семью, детей и, в конечном счете, страну, Россию.

Убежден, европейцы находятся в нисходящем тренде, продавая свои храмы мусульманам или сдавая их в аренду. Они терпят крах. И ответ на их самоликвидацию обретает самые brutальные формы. Брейвик убил 72 человека. За что он их убил? Если вы почитаете его речь на судебном процессе (она есть в русском переводе), то увидите, что у него

совершенно логичная философия. Сразу оговорюсь: я против таких методов! Жестко против. Не надо никого убивать. Но давайте попробуем отделить его методы от его идей. Он говорит: «К 2040 году количество мусульман в Норвегии превысит число коренных норвежцев». Разве в Норвегии проводили референдум о готовности к самоликвидации? Кто решил за страну, за народ, который живет там тысячу лет, со времен викингов, что следует прекратить собственное существование? Кто так решил?! Он убивал этих норвежцев в молодежном лагере Рабочей партии как предателей и потом говорил об этом: «Не каждая жестокость является несправедливой». Это brutальный, дикий ответ. Но это ответ на предательство традиционных ценностей. Что будет на следующем этапе – фашизм? Здесь имеет место определенный риск: либо Европа сдастся, либо такой ответ вновь будет звучать. И то, и другое – плохо.

Может быть, не следует доводить до этого? Иначе появится много «маленьких брейвиков». Вот объявили Брейвика сумасшедшим, приписали ему шизофрению. Я знаю норвежский язык, я окончил норвежское отделение кафедры скандинавистики Ленинградского университета. Я следил за этим делом, переписывался с коллегой-журналистом с норвежского телевидения. Задавал ему вопрос: как можно за три дня поставить такой диагноз? Мы в России пережили опыт советской карательной психиатрии, и сейчас у наших психиатров действует неписаное правило: диагноз «шизофрения» можно ставить только через полгода наблюдений. Как же ваши психиатры справились за три дня? Их следует поздравить со столь ярким использованием опыта советской психиатрии. Коллега попросил разрешения опубликовать мой e-mail в норвежской прессе. Я согласился. Они опубликовали с соответствующим комментарием. Возникла дискуссия, и они ему отменили диагноз.

Но идеологического ответа внутри Норвегии так и не было дано. Не было найдено идеологического противоядия. Потому что тогда они должны предать собственную политкорректность, в которой они очень далеко зашли, и перестроить все свое общество. Но они не знают как. Это трагедия. И поэтому есть силы в Европе и в Соединенных Штатах, которые рассматривают Россию и Путина персонально как своего рода ресурс, нравственный ресурс для восстановления традиционных ценностей в Европе и в Америке, как некую точку опоры. И это справедливо. Россия пока не двинулась в том направлении, не начала разлагаться, она сохраняет свою силу. Впрочем, и здесь имеется опасность. Среди консерваторов есть совсем дикие, фашиствующие, в том числе в Соединенных Штатах. Кое-кто хотел бы уложить Путина в одну постель с ними, как пишут в американских СМИ. Поэтому нужно сохранять чувство меры.

Есть такой писатель – Виктор Ерофеев, мой друг. Мы с ним разных взглядов, но давно знаем друг друга и время от времени общаемся. У него есть хороший рассказ. Идет по лесу человек и всё повторяет, используя ненормативную лексику: «Манька у меня дрянь, дети дрянь, соседи дрянь, начальник дрянь, коллеги еще большая дрянь». Думает, кого же он забыл назвать? О! Страна – дрянь. Потом посмотрел вверх: и Господь Бог тоже дрянь. Сел мужик на пенек, огляделся сиротливо. Смеркалось... С кем он остался?

Если мы будем отказываться от того, что является нашей точкой опоры, мы окажемся нигде. Мы будем недостойны нашей страны. Вот вы

подходите к глобусу или к карте, и американцы тоже каждый день подходят, в том числе генералы американские, смотрят на карту и каждый раз грустно от нее отходят, потому что Россия – вот такая! Нам ее оставили наши предки, которым было значительно сложнее. Ермак пошел в Сибирь без мобильного телефона. У нас сегодня есть всё. И мы сейчас будем спускать такую страну?! Ради чего?

Есть Нью-Йорк, где все такие прикольные и удивительные. Есть Вашингтон, я там был пару лет назад. Поехал туда на семинар, организованный Пентагоном. Там все ходят в галстуках, в глаженных брюках. Там никто не спорит по поводу базовых ценностей страны. «Патриотизм», у них это «национализм», – святое слово. Они показывают нам пример сплоченности элит, которые могут думать как демократы или как консерваторы, но базовые национальные интересы страны для них все равно святы. Если же мы будем ставить под сомнение, нужна ли нам Сибирь, как Женя Альбац говорит: «С удовольствием бы отдала Сибирь»... Если кто-то хочет отдать Кавказ... Если Чубайс в ответ на вопрос, жалеете ли вы, что развалился Советский Союз, говорит: «Разве Таджикистан – моя Родина? Или Туркмения?»... Хорошо, но где тогда остановиться? А Татарстан – твоя Родина? Новгородская область – твоя Родина? Мы с чем останемся?

Нам нужно иметь абсолютно четкое представление об иерархии ценностей. Ценности эти начинаются с семьи и детей. Но в наших реалиях дети перестали быть ценностью. У нас миллионы аборт в стране. У нас беспризорников миллион...

Консерватизм – это условие развития. Это не значит, что мы должны идти назад. Но мы должны сохранять условия движения вперед. Сохранять точки опоры. Иначе мы провалимся. Путин, излагая мысли Бердяева, говорит, что смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотичной тьме, к первобытному состоянию. Я абсолютно с ним согласен. Вот что писал Бердяев в работе «Духовные основы русской революции»: «Вдумываясь в причины наших несчастий и неблагообразий, приходится признать, что почти полное отсутствие в русском обществе идейного консерватизма было роковым для нашего развития. Мы развиваемся более болезненно и катастрофично, чем народы Запада. У нас совсем как будто бы нет традиций, нет дорогих воспоминаний прошлого, нет почитания могил предков. Мы начинаем свою историю сначала, с *tabula rasa*, как народ, не имевший истории. В нашей революции как будто бы совсем порывается связь времен. Русские гордятся той легкостью, с которой они (жесткие слова, посмотрите!) с которой они совершают революционный разрыв с прошлым. Эту свободу свою они противопоставляют западной “буржуазности”. Русскому ничего не стоит радикально порвать с родиной, с церковью, с государством, с семьей, с моралью, с наукой и искусством»¹.

Бердяев писал эти строки в состоянии ужаса, когда Россия проваливалась в тартарары. Она проваливалась потому, что легкость была необыкновенной, потому, что были у нас и свои террористы, и револю-

¹ Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Опыты 1917–1918 гг. // Собр. соч. Париж: YMCA-Press, 1990. Т. 4. С. 321.

ционеры из либералов, которые могли стрелять в человека, в губернатора, во власть. Их не пугала большая кровь, они сшибали кресты с храмов. Они пришли в Киево-Печерскую лавру и вывели за ворота митрополита Владимира (Богоявленского). Матросы расстреляли его разрывными пулями, а потом еще тело штыком прокололи несколько раз. Вот в таком состоянии Бердяев это писал – когда уже ничто не свято, когда ничто не сдерживает. Ну, давайте докатимся до этого снова...

Вот еще одна цитата из Бердяева: «Мы быстро впадаем в революционный маразм. Наша “революционная демократия” потеряла связь с истоками жизни. Она занята исключительно словоизвержением, и все слова ее выветрились и потеряли всякое живое содержание. Нам нужны слова с большим весом и реальным содержанием. А для этого нужно перестать жить на поверхности и кипеть в пустоте. Нужно связать себя с реальностями, непреходящими и вечными»¹.

В России уже отказывались от семьи. У нас сексуальная революция произошла раньше, чем на Западе. После революции были всяческие браки и всевозможные формы ориентации. Всё это мы уже проходили. И детей сдавали. Ну, давайте еще раз...

Нет у нас другого выхода, кроме как сохранить нашу большую страну.

Быть может, у меня получилось не слишком академично. Какие-то фрагменты собственного мировоззрения я изложил, что называется, как есть. Надеюсь, Ольга Юрьевна [Васильева. – *Ред.*] дополнит.

¹ Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. С. 329.

С.С. Говорухин. Я догадывался, что лекция о консерватизме будет такой интересной... Есть вопросы Дмитрию Константиновичу? Пожалуйста, Анатолий Федорович Соломаха.

А.Ф. Соломаха. Господин Киселев, ваши коллеги этот вопрос не любят. Говорить по телевидению о такой проблеме, как гомосексуализм или традиционная семья, очень сложно. Любой профессионал легче сделает картинку из какого-нибудь гей-клуба, с гей-парада. Или же просто даст репортаж о традиционной семье. Вот недавно Pussy Riot были в Сочи, а их по нашим каналам не показали, потому что, показав их, мы делаем им рекламу. Не кажется ли вам, что наши медиа часто делают рекламу гей-сообществу?

С.С. Говорухин. Вы думаете, что о хорошей, порядочной, интересной семье нельзя интересно рассказать? Хотя это уже давно известно: «А нынче все умы в тумане, Мораль на нас наводит сон, Порок любезен...». Это Пушкин. Но все зависит от таланта. Вот четыре дня назад я в сотый раз смотрел картину «Большая семья» по роману «Журбины». Вот от чего оторваться нельзя! Так что все зависит от степени таланта. Но вопрос-то совсем к другому человеку. Пожалуйста, Дмитрий Константинович.

Д.К. Киселев. Как говорится, есть способность дать, а есть способность взять. Мы регулярно показываем многодетные семьи, семьи военных, семьи спортсменов-олимпийцев – как они за своих болеют, семьи разных народов нашей страны. Мы показываем и детей. В наших программах семья постоянно присутствует. Вам кажется, что мало?..

Л.В. Поляков. Мне кажется, коллега имеет в виду, что зло более привлекательно,

чем добро. И апеллировать к способности самого потребителя картинки или к его неспособности в этом случае сложно. Надо придумать формат привлекательности добра. Вот вы говорите о том, что показывают семьи, семьи, семьи. Но эта картинка не цепляет. Вот в чем проблема. Это реальная проблема. Я говорю как телезритель, и в этом смысле с Анатолием Федоровичем солидарен.

Д.К. Киселев. Абсолютно не согласен, что такая форма не найдена, она найдена. Например, наша программа «Вести недели», где я рассказываю, в том числе и многих вещах, о которых сейчас говорил. По опросам фонда «Общественное мнение», с минувшего телевизионного сезона среди аналитических еженедельных программ наша программа занимает первое место по узнаваемости, по популярности, по смотримости (извините за это слово), по уровню доверия. Люди считают эту программу точкой опоры. У нас огромная аудитория. Доля аудитории в прошлое воскресенье была 21% – такого вообще не бывает.

Т.В. Метёлкина. Здесь присутствуют представители региональных СМИ. Сегодня их общий тираж существенно превышает тираж СМИ федеральных. У идеологии, в том числе консервативной, должны быть носители. Независимых СМИ не бывает, каждому СМИ кто-то платит.

Если речь идет о поддержке традиционных ценностей, то почему нельзя прямо заявить о поддержке государственных СМИ, которые являются опорой консерватизма? Почему мы не можем это прямо сказать? Я говорю про газеты. Например, в Польше, по соседству с нами, спрашиваю у коллег: «Ребята, у вас есть запреты? О чем нельзя писать?». Отвечают: «Конечно, есть. О ЕС и о костеле». А всё остальное можно.

Они могут критиковать свое государство, но при этом они обязаны поддерживать тему ЕС и тему католицизма. Может быть, и мы, наконец, определимся и не будем стесняться сказать вслух, что мы поддерживаем? Потому что государственные СМИ сохраняют традиционную культуру, сохраняют русский язык. Почему мы этого стесняемся? Может быть, наконец, перестанем заигрывать?

Д.К. Киселев. А никто и не заигрывает. Я говорю «в моей программе», потому что у меня авторская программа на государственном канале. Кто стесняется? Я не стесняюсь, я говорю, что у нас государственное телевидение. Я с гордостью говорю, что работаю на государственном телевидении. Государственное телевидение есть в Норвегии, во Франции, в других странах. Я точно без комплексов. Меня взяли на эту работу, потому что у меня такая позиция. А не наоборот. Свобода журналиста в современном мире – это свобода выбрать себе главного редактора, издателя.

О.В. Тимофеева. У меня еще вопрос к выступающему. Нас, депутатов, особенно тех, кто работает в ПАСЕ, очень сильно «прессуют». Практически все страны, в том числе страны бывшего соцлагеря, сегодня открыто выступают за нетрадиционные ценности, и наши депутаты в шоке. Но при этом – в чем нас обвиняют внутри России? Когда мы предлагаем запретить пропаганду порнофильмов среди детей и еще что-то подобное, нас начинают обвинять в том, что, ставя это в повестку, мы еще больше разжигаем тему и даем этим людям карт-бланш.

Д.К. Киселев. В любом случае нужно опираться на нашу социальную норму и, используя ее, стоять, как кремень,

абсолютно. Ею аргументировать: у вас разрешены легкие наркотики, а у нас нет, потому что у нас такая страна. Использование социальной нормы как аргумента будет работать стопроцентно.

С.Р. Баталова. У нас воспитание детей во многом идет на мультиках. Ребятишки с удовольствием смотрят и «Смешариков», и «Лунтика», сейчас еще «Маша и медведь» появились. Хорошо, что у Лунтика бабушка и дедушка есть, а то неизвестно, где его нашли, в какой капусте. (Лунтик родился на Луне, потом попал на Землю, и здесь его приютили старички-пчелы. – *Ред.*) Получается, что родителей там нет и семейных ценностей мы не воспитываем. То есть у ребенка на подсознательном уровне это не формируется. В «Смешариках» вообще дети-одиночки. И получается, что хорошие слова говорятся, а семьи нет. «Маша и медведь» и вовсе, как волк с зайцем в «Ну, погоди!», друг над другом издеваются. Дети двадцать первого века они другие, они эгоистичны, много неуважения к старшим. Вот такие мультфильмы, как «Гора самоцветов», действительно формировали традиционные ценности. Хорошо бы Общероссийскому народному фронту как-то участвовать в определении госзаказа на детскую кинопродукцию и на книги. Наши дети и внуки сегодня воспитываются уже на Гарри Поттере и на чем-то еще, но не на отечественных произведениях.

Д.К. Киселев. Согласен, Народный фронт должен занять здесь определенную позицию.

Об истоках российского консерватизма

Уважаемые коллеги, в своем сообщении я не могу охватить всего объема истории российского консерватизма и тем более консерватизма вообще. Я намерена остановиться на тех мыслителях-консерваторах, которые и по сей день вызывают споры, но тем не менее остаются столпами консерватизма.

Консерватизм – это общественно-политическое течение, основоположником которого является английский мыслитель и общественный деятель Эдмунд Бёрк. Бёрк изложил свои взгляды в книге «Размышления о Французской революции». Книга не утратила актуальности и по сей день. Она стала ответом на события, которые всколыхнули Европу, бросили вызов уходящей эпохе.

Почему большинство философов считают Бёрка основоположником консерватизма? Потому что ядром его воззрений стал традиционализм. По Бёрку, соблюдать традиции означает существовать в соответствии с естественным ходом вещей, который, безусловно, сопрягается с изменениями. Он считал, что только постепенная эволюция сочетается с принципом сохранения, и очень резко высказывался о пренебрежении традиционными ценностями, которое как раз и привело французское общество к радикализму, к той страшной революции, которую Бёрк критиковал всегда. Его политическое и социальное учение зиждется на христианском мировоззрении, хотя сам Бёрк никогда не подчеркивал, не акцентировал свое религиозное «я». Многие философы полагают, что на него оказало огромное влияние творчество Фомы Аквинского, который считал, что вся жизнь во Вселенной подчинена установленному свыше универсальному закону, действующему как в природе, так и в обществе. И когда Бёрк рассуждает о государстве, он, несомненно, опирается на Фому Аквинского. В его философии приоритет государства над интересами личности очевиден. Бёрк высказывает убежденность, что действия индивидуума могут увенчаться успехом только в одном случае – когда они не противоречат объективному и заданному свыше ходу вещей. Соответственно постичь установленные свыше закономерности жизни человеку в полной мере не дано, но получить общее представление о принципах бытия – реально и необходимо. И здесь Бёрк говорит о коллективном разуме народа. Он полагает, что поколение за поколением нации накапливают знания, воплощают их в традициях и нравах. Наследие всех поколений и каждого в отдельности нужно хранить и оберегать.

Эта мысль прямо противоположна либеральной идее Просвещения о том, что следует заключить так называемый общественный договор, согласно которому в результате целенаправленных усилий отдельных индивидуумов можно заложить основы нового общества и нового государства. По Бёрку же, государство – это достояние всех поколений его граждан. Он отстаивает преемственность в политике и в экономике, отвергая критерий разумности, выдвинутый мыслителями Просвещения для оценки всех социальных явлений. Бёрк никоим образом не отвергал возможность реформ – но каждая реформа, по его мнению, должна носить сугубо частный и прагматический характер. Бёрк никогда не идеализировал государственный строй старой Франции, называл ее плохо упорядоченной монархией, но при этом полагал, что французы напрасно пошли на ниспровержение государства, а не по пути постепенных реформ. Он считал французскую революцию первой в истории человечества попыткой переустройства социальной действительности по абстрактной философской схеме. Таких попыток, как известно, будет не одна. Бёрк говорил: вот вы создали якобинскую республику, она полностью отвечает вашим философским представлениям; я вижу прямую связь между вашей утопической идеологией и теми принципами, которые вы навязываете гражданам. Для того чтобы ваша якобинская структура существовала, вы прибегаете к революционному насилию, а условием существования вашего государства являются тотальный контроль и жестокость. Пройдут годы, и следующая попытка новых якобинцев окажется столь же трагической.

Итак: традиции, приоритет государственных интересов, прагматизм, здравый смысл, постепенность, осторожность процесса социальных изменений, преемственность в развитии, историческое единство прошлого, настоящего и будущего – вот те основы, которые Бёрк заложил и на которых в XIX веке был возведен комплекс классических консервативных идей и ценностей.

Теперь обратимся к российской истории. Опираясь на выводы и достижения Бёрка, российские мыслители сыграли важную роль в становлении философии консерватизма. Российский консерватизм проявился прежде всего в стремлении нашего общества осмыслить то, что произошло в период правления Петра I, в результате его реформ, а также то, что произошло в первый период правления Александра I. Постоянным мотивом отечественной общественно-политической мысли оставалось осмысление самобытности пути России. Русских мыслителей волновала и судьба Русской православной церкви – после окончания наполеоновских войн и деклараций учрежденного тогда Священного союза о создании общего христианского государства. Всё это следовало осмыслить. Масштабы вызовов были очень серьезны – они порождали консервативную реакцию, стремление защитить традиционные ценности. Главными ценностями были православие, централизованное государство и имперский патриотизм.

В первые десятилетия XIX века главную роль в становлении русско-го консерватизма сыграл выдающийся историк и общественный деятель Николай Михайлович Карамзин. Среди его неблизкого окружения – людей, которые с ним пересекались, – были также Александр Семенович

Шишков и Сергей Николаевич Глинка. Автор знаменитой «Истории государства Российского», автор знаменитой «Записки о древней и новой России», он всю свою жизнь посвятил изучению самобытности нашего государства. Если в какой-то точке мира возникает философский и исторический спор о роли России в мировой цивилизации, спор на тему «Россия и Запад», там незримо присутствует тень Николая Михайловича Карамзина. Начав полемизировать со Сперанским, он определил основы охранительного течения отечественной консервативной мысли. Что он под этим понимал? Противостояние российского государства революционному натиску; священность гражданского порядка даже в самых местных и случайных его недостатках; власть есть для народа не тиранство, а защита от тиранства. Часто цитируют слова Карамзина о том, что «самое турецкое правление лучше анархии, которая всегда бывает следствием государственных потрясений». Это из его статьи в «Вестнике Европы».

Как известно, с 1802 года Карамзин становится издателем этого журнала, ставшего заметным явлением российской общественной жизни. Николай Михайлович выступал в нем в роли публициста, редактора, писателя и международного обозревателя. Он резко критиковал подражательство Западу, и следующая его цитата также осталась в истории: «Народ унижается, когда для воспитания имеет нужду в чужом разуме». Для него вся система государственных общественных институтов является только изливанием монаршей власти. Для него совестью самодержавия есть и будет Русская православная церковь.

Для меня как для историка очень важно, что именно Карамзин подчеркивал: нравственным ориентиром Русская церковь была как в стабильные, так и в смутные времена. Про смутные времена так всегда и писали, а вот то, что в стабильные она остается таким ориентиром, – это первым констатировал именно Николай Михайлович Карамзин. Для него вера является основной и особенной силой Российского государства.

Безусловно, православие оказывает решающее влияние на становление российского консерватизма. Если было бы достаточно времени, я говорила бы о митрополите Иннокентии (Смирнове), о митрополите Серафиме (Глаголевском), об архимандрите Фотии (Спасском) и, конечно, о тогда еще архимандрите, а впоследствии митрополите Московском Филарете (Дроздове). Весь XIX век России связан с митрополитом Филаретом. К концу его земной жизни в 1867 году не было ни одного чиновника в стране, не исключая и дипломатического корпуса, который не приехал бы в Лавру к Филарету, чтобы поговорить со святителем и попросить его благословения на то или иное деяние. Это был удивительный человек. К слову сказать, Манифест об освобождении крестьян был писан его рукой. Именно эти люди оказывали существенное влияние на императора Александра Павловича во второй период его правления.

Консерватизм и Александр I – казалось бы, какая здесь связь? Александр – первый из русских государей, который задумался о том, что необходима основательная идеология для всего российского общества. Начиная с 1816 года к государю были близки перечисленные выше дея-

тели Церкви, которых мы относим к религиозному крылу российского консерватизма. Именно под их влиянием, особенно архимандрита Фотия, государь принимает решения об отставке обер-прокурора Голицына и о запрещении тайных обществ и масонских лож.

Младший брат Александра I, государь Николай Павлович, с первых дней своего царствования выступает инициатором разработки идеологии, которая позже войдет в историю как государственный консерватизм. В тот момент он сделал правильный выбор – сделал ставку на Сергея Семеновича Уварова, которого все мы знаем как министра народного просвещения Российской империи. Еще в 1818 году Уваров становится президентом Императорской Академии наук и остается им до самой смерти в 1855-м. Он был человеком, который по праву считался одним из самых образованных людей своего времени. С его именем связано то, что мы сегодня называем «теорией официальной народности» с ее знаменитой триадой – православие, самодержавие, народность.

Интересно, что никаких философских трактатов на эту тему Уваров не писал. Его теория развернута в записках и отчетах. Первая записка – 1832 года. Государь попросил его посмотреть внимательнее, как и чем живет Московский университет. А спустя десять лет на торжественном акте десятилетия Министерства просвещения Уваров выступает с большим докладом, где фактически подводит итог формулирования триады. Согласно Уварову, именно православие обеспечивает связь поколений, преемственность традиций: «Без любви к вере предков, народ, как и частный человек, должен погибнуть. Русский, преданный отечеству, столь же мало согласится (красивая метафора! – *О.В.*) на утрату одного из догматов нашего православия, сколь и на похищение одного перла из венца Мономахова». По Уварову, православие осуществляет прежде всего охранительную функцию – защищает умы от разрушительных, губительных идей, выступает своего рода мировоззренческим островом, ослабление которого может привести народ к падению на низшую моральную ступень в его политическом предназначении. «Самодержавие составляет главное условие политического существования России. Русский колосс опирается на нем, как на краеугольном камне своего величия», – констатирует Уваров. Он искренне убежден, что любой подданный Российской империи, независимо от социального статуса и образования, осуждает губительность реформирования института самодержавия. Конституционное устройство европейских стран как идеал могут воспринимать лишь те люди, которые не знают Россию с ее нуждами и желаниями. Что же касается народности, то это сложный и противоречивый элемент триады: «Наряду с сими двумя национальными началами, находится и третье, не менее важное, не менее сильное: народность. Вопрос о народности не имеет того единства, как предыдущий; но тот и другой проистекают из одного источника и связуются на каждой странице истории Русского Царства». Суть народности – в единстве народа и государства, которое достигается путем тысячелетнего развития. А все затруднения заключаются только в соглашении древних и новых понятий.

Свою политическую доктрину Уваров выразил такими словами: «Мы, то есть люди девятнадцатого века, в затруднительном положении:

мы живем среди бурь и волнений политических. Народы изменяют свой быт, обновляются, волнуются, идут вперед. Никто здесь не может предписывать своих законов. Но Россия еще юна, девственна и не должна вкусить, по крайней мере теперь еще, сих кровавых тревог. Надобно продлить ее юность и тем временем воспитать ее. Вот моя политическая система. Я знаю, что хотят наши либералы, наши журналисты и их клеветы: Греч, Полевой, Сенковский и проч. Но им не удастся бросить своих семян на ниву, на которой я сею и которой я состою стражем, – нет, не удастся. Мое дело не только блюсти за просвещением, но и блюсти за духом поколения. Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно». Тут созвучность с Бёрком совершенно очевидна – Уваров, как никто другой, понимал сложность и важность охранения именно от революционных теорий.

Уваровская теория была подхвачена таким ярким человеком, как Михаил Петрович Погодин. Это сложная, неоднозначная фигура. Сын крепостного, выкупившего вольную, с отличием окончил Московскую губернскую гимназию, с золотой медалью – тогдашнее словесное отделение Московского университета, соответствующее будущему историко-филологическому факультету. Погодин был прекрасным знатоком русских летописей. Наверное, никто из историков XIX века не знал их так основательно. Изучая летописи, он приходит к выводу, что ход русской истории отличен от европейской. Впервые он встречается с Уваровым 8 сентября 1832 года на своей лекции в университете. Эта лекция окажет сильное влияние на воззрения Уварова. Погодин констатирует, что у России отсутствуют многие законодательные акты, имеющиеся в Европе. Но всякое постановление должно иметь свое семя, свой корень. Пересаживать чужие растения, как бы они ни были пышны и блистательны, не всегда бывает возможно, а более того – полезно. Российская история, по мнению Погодина, должна сделаться охранительницей, блюстительницей общественного спокойствия. История для него промыслительна. К высокой цели нашу страну ведет перст Божий. Погодин всегда с воодушевлением, и на той лекции в том числе, говорил о великой роли и великом будущем России: «Отразив победоносно такое нападение, освободив Европу от такого врага, низложив его с такой высоты, обладая такими средствами, не нуждаясь ни в ком и нужная всем, может ли чего-нибудь опасаться Россия? Кто осмелится оспаривать ее первенство, кто помешает ей решать судьбу Европы и судьбу всего человечества?».

У Погодина было немало оппонентов – и Николай Иванович Костомаров, и Дмитрий Иванович Иловайский, и Степан Александрович Гедеонов – все они оппонировали ему, уважая при этом его как личность. Острые их критики было направлено на тезис Погодина о «русской своенародности».

Консервативная идеология уберегала Россию от революционных потрясений, которые имели место в Европе. Тогдашняя революционная волна не преодолела российских границ. В 1848 году, после отречения от престола французского короля Луи-Филиппа I и провозглашения Второй республики, другой наш соотечественник – блистательный поэт и дипломат Федор Иванович Тютчев – пишет свое эссе «Россия и рево-

люция». Он убежден, что в мире осталось две силы – это европейская революция и Россия: «Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества». Для поэта революционные движения носят исключительно антихристианский характер. Он убежден, что Россия не воспринимает их в силу своей глубокой веры.

Мне очень хотелось бы разделить взгляды Федора Ивановича Тютчева, но историческая судьба России пошла по иному пути. Вторая половина XIX века трагична и горька. Самая большая армия Европы терпит поражение на своей территории. Я говорю о Крымской войне. И правительство, и общество после поражения в той войне сознавали, что нужно восстановить человеческие и материальные ресурсы, а для этого требуются реформы, главная из которых – освобождение крестьянства, а затем – самоуправление, судебная и военная реформы. Все происходившее тогда не могло не затронуть консервативную мысль российского общества.

Кроме Крымского поражения еще одна беда пришла в Россию. Она ударила по молодежи, прежде всего студенческой. В 1860-х годах получили распространение радикальные идеи, радикальные формы поведения. Нигилизм, зафиксированный Иваном Сергеевичем Тургеневым в романе «Отцы и дети», становится характеристикой той части молодежи, которая требовала разрушения традиционных ценностей. Гуру тогдашней молодежи становится будущий критик и совсем еще юный Дмитрий Писарев. Что говорит этот юноша, этот «властитель дум»? Процитирую его слова, ставшие знаменем для многих: «Что можно разбить, то и нужно разбивать, что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам, во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть».

В 1866 году происходит первое покушение на Александра II, царя-реформатора, совершенное Дмитрием Каракозовым и открывшее череду покушений и терактов. В 1881 году император гибнет от руки террориста. Хочу обратить ваше внимание на то обстоятельство, что год спустя после выстрела Каракозова, в 1867 году, состоялось первое «хождение в народ» нескольких сотен студентов, стремившихся поднять крестьянство на восстание. Эти их попытки потерпели крах, но вернувшиеся из «хождения» создали организацию, которая сделала политический террор единственным способом своей борьбы. Я говорю о «Народной воле». Всё это так же являлось предметом размышлений русских консерваторов.

Одной из значительных фигур пореформенной эпохи стал Михаил Никифорович Катков. Он был главным редактором «Московских ведомостей», выпускал журнал «Русский вестник». В начале 1860-х годов он полемизировал с журналом «Современник», который вносил нигилистические идеи в умы молодых людей. В получившей большую известность статье «К какой мы принадлежим партии» Катков формулирует охранительные начала. Он убежден, что прогресс есть «улучшение на основании существующего», что охранять надо не формы, а сами «зихдитель-

ные начала человеческой жизни». Катков пророчески предупреждает: «Вырвите с корнем монархическое начало... уничтожьте естественный аристократический элемент в обществе, и место его не останется пусто, оно будет занято или бюрократами, или демагогами, олигархией самого дурного свойства».

Поначалу Катков энергично поддерживал реформы Александра II. Он резко осудил польское восстание 1863–1864 годов, последовательно отстаивая национальные интересы России. Это восстание еще более укрепило Каткова в том, что радикальные идеи никогда не принесут блага и их нельзя использовать для переустройства России. Процитирую его яркое выступление на страницах «Московских ведомостей»: «В непосредственных исполнителях заключается корень зла, нужны такие люди, которые бы стояли на твердой почве, которые бы чувствовали потребности, которые отражают быт и намерения нашего народа». Михаил Никифорович верит в то, что у нас есть такие люди: «Богатства наши массою лежат в недрах и на поверхности нашей земли, нетронутые и неразработанные... Силы в нас много, так много, что вовсе не ценим и растрачиваем ее самым бессмысленным образом».

Но в конце 1860-х годов уверенность в необходимости реформ начинает гаснуть. Катков всё чаще выступает с резкой критикой реформ политических институтов. Он считает, что они не укрепляют, а подтачивают устои самодержавной монархии. Вот характерная цитата 1871 года: «Общество, привыкшее к мраку и духоте, было сразу охвачено свежим воздухом свободы. Вчерашние сны сегодня переходили в явь и гнали старый порядок... Людьюми овладевает состояние крайнего возбуждения, голова идет кругом, под ногами уходит земля... Растление человеческих душ начинается чуть ли не с первого лепета. На смену безбородым социалистам идут двенадцатилетние коммунисты».

В декабре 1886 года, за семь месяцев до своей кончины, Катков написал резкие и горькие слова, как бы подытожив свое мировоззрение: «Говорят, что Россия полностью лишена политической свободы, говорят, что хотя русским подданным и предоставлена законная гражданская свобода, но что они не имеют прав политических. Русские подданные имеют нечто большее, чем права политические, они имеют политические обязанности. Каждый из русских обязан стоять на страже прав верховной власти, заботиться о пользе государства, каждый не только имеет право принимать участие в государственной жизни и заботиться о ее пользе, но призывается к тому долгом верноподданного. Вот, на мой взгляд, наша конституция».

Этим он и определяет свою роль как политика. Допустить стихию, уничтожающую всё на своем пути, нельзя. Следует выдержать и поддержать то народное чувство, которое способствует укреплению российской государственности.

Еще один яркий пример российского консерватора – Константин Петрович Победоносцев, с которым связана вся отечественная история второй половины XIX века. Наверное, я не буду одинока, если скажу, что среди современников не было человека, который влиял бы на верховную власть более, чем Константин Петрович. Это был государственный деятель, публицист, правовед очень жестких бескомпро-

миссных убеждений. Он был воспитан в благочестивой семье, как он сам говорил, преданной царю, отечеству, очень трудолюбивой. Он – внук священника, одиннадцатый сын в семье профессора Московского университета. Его батюшка преподавал гражданское право. И он так же поначалу читал гражданское право в университете, но с 1861 года становится наставником великого князя Александра Александровича, будущего государя Александра III, который тогда еще, до кончины в 1865 году своего старшего брата Николая Александровича, не являлся наследником-цесаревичем.

Константин Петрович занимал все возможные в Российской империи посты. Он был сенатором, был членом Государственного совета, а с 1880 по 1905 год – бессменным обер-прокурором Святейшего Синода. Что происходит после 1 марта 1881 года? Царь-реформатор убит. Самое парадоксальное в нашей истории: государь возвращался в Зимний дворец, для того чтобы подписать указ о созыве Земского собора...

Впрочем, Победоносцев был против этого нововведения. Уже 6 марта он обращается к преемнику с письмом: «Если Вам будут петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступать так называемому общественному мнению, – о, ради Бога, не верьте, Ваше Величество, не слушайте. Это будет гибель России и Ваша, это для меня ясно как день. Безопасность Ваша этим не оградится, а еще уменьшится. Безумные злодеи, погубившие родителя Вашего, не удовлетворятся никакой уступкой и только рассвирепеют. Их можно унять, злое семя можно вырвать только борьбой с ними на живот и на смерть, железом и кровью. Хотя бы погибнуть в борьбе, лишь бы победить. Победить не трудно: до сих пор все хотели избегать борьбы и обманывали покойного государя, Вас, самих себя, всех и всё на свете, потому что то были не люди разума, силы и сердца, а дряблые евнухи и фокусники.

Нет, Ваше Величество: один только и есть верный, прямой путь – встать на ноги и начать, не засыпая ни на минуту, борьбу, самую святую, какая только бывала в России. Весь народ ждет Вашего властного на это решения и, как только почует державную волю, всё поднимется, всё оживится, и в воздухе посвежеет».

Александр III внимает советам наставника и 29 апреля 1881 года – это важно для истории российского консерватизма – объявляет о том, что решает сохранять полновластное самодержавие. Не случайно многие из противников Победоносцева назовут его идейным вдохновителем так называемой контрреформы. Еще раз повторю, Александр II был убит в день подписания указа о Земском соборе. Впоследствии указ этот не был подписан в немалой степени благодаря Константину Петровичу Победоносцеву. Он до конца оставался защитником самодержавия, но при этом неоднократно критиковал власть и весьма жестко. Власть, по Победоносцеву, бывает плохой, но без власти гораздо хуже, самодержавие же – это идеал, который вырабатывает тысячелетняя русская история. Доверие народа к правителям основано на вере, а также на простой уверенности в том, что и правительство имеет веру и действует соответственно ей. Государство обязано охранять общественную жизнь, используя при этом не только правовые механизмы. Основной механизм государ-

ственного воздействия – это власть. Она органична душевной природе человека – за потребностью взаимного общения глубоко таится потребность во власти, не только признанной держать всё под контролем, но и обеспечивать всеобщую справедливость.

Победоносцев считал, что функции контроля и обеспечения справедливости самодержавие может исполнять лучше западных либеральных институтов. Оппоненты Победоносцева никогда не упоминают о принципиальном элементе его политической философии. Победоносцев много писал о жертвенности власти, причем не только российской, а вообще государственной власти: «Если б они знали, что значит быть государственным человеком, они никогда бы не приняли на себя страшного звания: везде оно страшно, особенно у нас в России. Ведь это значит – не утешаться своим величием, не веселиться удобствами, а принести себя в жертву, которая сжигает человека, отдавать каждый час свой с утра и до ночи, быть в живом общении с живыми людьми, а не с бумагами только» (из письма наследнику-цесаревичу от 17 мая 1879 года).

Самодержавие – великое служение. Наши самодержцы готовились с рождения к своему предназначению. И ограничение деспотизма власти, по Победоносцеву, заключается не в народном представительстве, а в религиозной нравственной норме самого государя. Для меня как историка особенно важно, что за десять первых лет своего обер-прокурорства Победоносцев провел семнадцать религиозно-общественных акций общенародного значения – тысячелетие кончины святителя Мефодия, архиепископа Моравского, девятисотлетие крещения Руси, пятисотлетие кончины Сергия Радонежского...

Много внимания уделял он церковно-приходским школам. К 1917 году в России было свыше 30 тысяч таких школ. Победоносцев считал, что это надежное средство воспитания, потому что церковь близка народу, и, получая от нее знания, дети узнают свою страну, воспринимают ее как большую и справедливую семью. Вообще семья для Победоносцева священна, в ней он видел основу государства, с трепетом говорил о своей семье и считал, что семья – источник любви и верности старине.

И по сей день Победоносцев остается одним из столпов русского консерватизма, несмотря на скепсис его оппонентов, тогдашних и нынешних.

Почему я выбрала именно эти фигуры? Наверное, из-за того, что они являлись яркими представителями русской общественной мысли наряду с другим, более известным нашим современником. Последним, кого мне сегодня хотелось бы упомянуть, – Николай Александрович Бердяев, которого консерватором, конечно, назвать нельзя. Думаю, Леонид Владимирович (Поляков. – *Ред.*) будет о нем говорить. Именно пятое письмо Бердяева о консерватизме приводилось в послании президента Федеральному Собранию. В марте исполняется 140 лет со дня его рождения. Он родился в Киеве. В иных обстоятельствах, конечно, там была бы проведена большая конференция, общественные чтения в честь этой годовщины. Но нынешние события на Украине тому препятствуют. Поэтому единственное собрание, которое будет, состоится семнадцатого марта в Институте философии Российской Академии наук. Завтра директор этого института академик Гусейнов будет здесь, с нами.

В чем наследие Николая Александровича Бердяева созвучно тем людям, о которых я сегодня говорила? Неприятием той разрушительной силы революционного радикализма, о которой говорил выступавший до меня Дмитрий Константинович (Киселев. – *Ред.*). Я не буду вновь приводить те слова, которые были в послании. Напомню другие слова Бердяева: «Печать поверхностности лежит на всех революционных идеологиях. Консерватизм же имеет духовную глубину, он обращен к древним истокам жизни, он связывает себя с корнями. Он верит в существование нетленной и неистребимой глубины. У великих гениев и творцов был этот консерватизм глубины. Никогда не могли они держаться на революционной поверхности». По мнению Бердяева, без консервативных сил невозможно нормальное, здоровое существование и развитие общества. Консерватизм поддерживает связь времен. Консерватизм не даст возможности построить рай на земле, но он бережет от ада на земле – это то, о чем говорил Николай Александрович Бердяев.

Завершаю выступление извечным вопросом: как быть? куда идти? Ответить на него сегодня невозможно без обретения консервативной интеллектуальной стратегии. Это прежде всего уважение отечественных культурных традиций, которые скрепляют ткань нашего бытия, сообщают нам историческую целостность и преемство. Консерватизм во всех его формах – правовой, религиозной, политической – актуален сегодня более, чем в XIX веке. Нам есть что сохранять, и мы должны это сделать. Консервативная позиция должна присутствовать в нашем общественном сознании, в нашей жизни.

Так получилось, что в современном русском языке слово «консерватизм» обрело негативный оттенок. Нас учили, что Николай I – это «Николай Палкин», который подавил революционное движение в 1848 году. Нам никто не рассказывал, что он был верен тем актам Священного союза, которые принимал его брат Александр I. Нам внушали, что консерватизм есть нечто закостенелое. Бердяев говорил в связи с этим, что есть понятие замерзания, которое может называться закостенелостью, а есть понятие консерватизма, которое основывается на глубинных исторических ценностях. Не знаю, согласитесь ли вы со мной, но мне представляется, что консерватизму, ассоциируемому нами с традиционными ценностями, должно быть сегодня предпослано некое прилагательное, указывающее на позитивность.

О.Х. Авдыш. Здесь имеет место пересечение психологии и традиции. Современная психология говорит, что все основные интроекты мы получаем до двенадцати лет, то есть в семье и в начальной школе.

О.Ю. Васильева. Абсолютно с вами согласна. Наверное, вы как психолог подтвердите мой непрофессиональный тезис о том, что мы два поколения потеряли, ведь поколенческая основа это двенадцать и двенадцать лет. Теперь нам важно не потерять следующие поколения. В этом направлении многое делается. Возможно, вы читали, – в «Известиях» были разумные статьи, посвященные экспертной оценке учебников. Надеюсь, с вашим участием, потому что прежде всего Народный фронт должен контролировать выполнение декабрьских поручений. Здесь важно, что мы работаем вместе с Любовью Николаевной Духаниной и тем направлением Народного фронта, которое отвечает за образование и культуру. Мне представляется, что и господин Мединский должен плотнее общаться с Народным фронтом, потому что информационное поле, прежде всего интернет-ресурсы, нам отследить очень сложно. Здесь очень многое зависит от родителей. Но, к сожалению, это те самые родители, которым сейчас по тридцать лет с небольшим.

О.А. Каштанов. Я поставил на поиск в Яндексе понятие «консерватизм», и первое, что выходит, это определение из Большой советской энциклопедии: консерватизм – это приверженность всему устаревшему и т.д., и т.п.

О.Ю. Васильева. Это для нас не новость, поэтому и беседа наша сегодня носит такой полуакадемический характер. Многое зависит и от вашей деятельности. Если мы сейчас будем «вбрасывать» в общественное

сознание хорошие выступления, хорошие «круглые столы», хорошие передачи... И, может быть, появится то прилагательное, над которым стоит подумать всем нам, потому что стереотипы восприятия слов очень устойчивы.

О.А. Каштанов. Я изучал историю на историческом факультете, и, действительно, консерватизм нам толковали как что-то антипрогрессивное.

С.П. Локтионов. Знакомы ли вы с манифестом просвещенного консерватизма Михалкова?

О.Ю. Васильева. Прилагательное «просвещенный» предполагает наличие и некоего непросвещенного консерватизма. Соответственно, возникает вопрос... Это ведь уже третья с 1991 года попытка вернуться к консервативным основам, пока морально-этическим, не политическим.

С.П. Локтионов. Уверен, что во всех областях есть какие-то русские лаборатории, русские школы, которые занимаются этим. Вот, допустим, у нас в Курске уже давно, с 1996 года, существует лаборатория русской школы при педагогическом университете. Именно в ней в том же 1996 году было принято решение впервые в России об изучении православной культуры. Именно в Курске это возникло и потом пошло по всей России. Проводились эксперименты, и сейчас в Курской области почти 98% родителей выбрали изучение этого предмета. Во всех школах он преподается не в четвертом классе, как это принято, а с первого по одиннадцатый.

О.Ю. Васильева. Таких регионов, как ваш, двадцать два, где подобная практика существует, очень хорошая, надежная практика. Никогда не следует забывать о том, что мы как огромное государство

формировались как многонациональное и многоконфессиональное. У нас есть регионы, где 92% изучают основы исламской культуры, в Калмыкии – основы буддистской культуры. Русская культура, которая впитала всё лучшее из культур других народов, является мировоззренческим стержнем для всех живущих в нашей стране.

С.П. Локтионов. Я хотел сказать не о том проекте. Содружество православной молодежи – это отдельная тема, я о ней сейчас не хочу поднимать вопрос. Хотел сказать о другом – о том, что в каждом регионе есть подобные инициативы.

Вот я сейчас вернулся из Австралии. Был там десять дней по приглашению Зарубежной церкви по случаю 90-летия первого построенного в Австралии православного храма. Меня интересовал вопрос: как за все эти десятилетия они смогли сохранить себя? Мы затронули эту тему в русской школе в Брисбене. Было, наверное, человек семьдесят... Они в очередной раз повторили, что за эти десятилетия, переезжая в Китай, уезжая в Австралию, Южную Америку, возвращаясь из Америки обратно в Австралию, они смогли сохранить два важных качества. Разводов у них почти нет. Живут они долго, дружат между собой, знают русский язык очень хорошо, традиции знают, танцы, песни и так далее. Я всего этого не знаю, как они. Причем ни разу в России не были. И вот я думаю: ведь есть уже эта практика – практика выживания.

Так вот, у меня дети ходят в Православную гимназию, трое сыновей. Если начинается Великий пост, мы телевизор не смотрим. Если нужно воздержаться от вечерних мероприятий – нет проблем, и дети согласны с этим. У меня дети любят армию, они хотят идти в армию, они мечтают, кем стать. Мы порой даже запрещаем

использовать мобильные телефоны. Меня многие критикуют – говорят, зачем ты это делаешь, ребятам не даешь жить. Но они сами хотят этого. Они в воскресенье по утрам не спят, идут в храм и молятся. И существует много подобных примеров.

О.Ю. Васильева. Чего не должно быть, по моему мнению, как педагога с многолетним опытом? Сейчас страшное время, понятия добра и зла размыты. Как человек верующий вы это понимаете. Молодой человек живет в мире, в котором нет ясности. Мы с вами можем определять, что хорошо – этому нас учили с самого рождения, у нас есть опыт. Сейчас же получается, что родители, которых они имеют, из того самого поколения 1990-х. В первый год, когда были введены основы православной культуры и светской этики, у нас очень многие выбрали именно основы светской этики. Когда провели исследование, оказалось, что молодые родители, которым по двадцать девять – тридцать лет, считают, что это основы этикета. У них и мысли не было, что этика – это не этикет. У нас резко упал уровень образования, его надо поднимать, причем во всех сферах жизни.

Поэтому очень важно, что у нас есть такие общественные движения, причем с пассионарными лидерами. Это залог того, что результаты будут. Не сразу. Работа в гуманитарной сфере не дает скорых результатов.

С.П. Локтионов. В нашей структуре имеет место явное притеснение духовной культуры. Это было три года назад. До того, как мы с Никитой Сергеевичем Михалковым отстояли и забрали себе один из самых больших кинотеатров в Курске, памятник федерального значения. Это театральное здание возведено еще во времена Щепкина. Мы создали там Киноцентр духовной культуры. И только спустя три года, при постоянной работе, разъяснении, мы

начинаем понимать, что школьников начали интересовать история, патриотизм. Люди перестали заходить просто так. Мы единственные пока в России, больше такого нигде нет. В Союзе кинематографистов хотят рассмотреть вопрос о том, чтобы таких кинозалов было как можно больше.

И еще такой вопрос. Вы верите, что будет создана платформа, которая будет принята у нас в России, что народ примет и пойдет по этому пути?

О.Ю. Васильева. Спасибо за этот вопрос. Отвечу коротко и, наверное, постараюсь вас убедить. Без стратегии нам двигаться сложно. Это первое.

Второе. Время собирать камни уже пришло, пришло давно. Движение вперед необходимо. Я верю. Если бы я не верила, я здесь сейчас не находилась

бы. Я только два года как чиновник, до этого у меня была совершенно другая жизнь – заведовала кафедрой, занималась наукой, преподаванием, всё было хорошо. В смысле – в тогдашней моей жизни.

Я верю: то, что мы делаем – правильно. Конечно, будет сложно, потому что любая деятельность должна носить системный характер. Если есть хорошие школы, их опыт надо применять по всей стране, сделать системным. Вот первая ласточка – как бы ко мне мои коллеги ни относились – единая концепция преподавания истории России, от Калининграда до Владивостока. Учитель может в углубленной версии акцентировать те или иные тенденции и позиции. Но не должно быть так, что генерал Власов является защитником и борцом, а о генерале Карбышеве школьники даже не имеют понятия.

«Шанс объединения власти и народа на одной ценностной основе»

Хотел бы поделиться с вами соображениями по поводу консерватизма и его политической своевременности. И расширил бы тему даже до его исторической суверенности. Столь фундаментальный обзор, который Ольга Юрьевна (Васильева. – *Ред.*) нам представила по XIX веку, по XX веку сделать невозможно. Что означал «консерватизм» в Советском Союзе, мы знаем из уже упомянутой энциклопедии. Вопрос заключается в том, насколько уместен, насколько важен и насколько своевремен консерватизм в постсоветской России, особенно сегодня, на третьем десятилетии существования нового демократического Российского государства.

В кулуарах звучал вопрос: «Где консерватизм украинский?». После распада Советского Союза происходит то, что по-английски называется *nation building* – «строительство национальных государств». Как показывает исторический опыт, начиная с XIX века никакого другого идеологического обеспечения для построения нового государства кроме национализма нет. То есть национализм – это естественный мировоззренческий, идеологический ресурс, который помогает народу, строящему свою государственность и превращающемуся в государственную нацию.

Единственным исключением был Советский Союз, в котором реализовывался идеологический проект коммунизма. Хочу напомнить, что коммунизм в России строили не потому, что хотели строить, а потому что не получилась мировая революция. Все, кто изучал историю КПСС, знают, что знаменитый конфликт Троцкого со Сталиным в том и состоял. Троцкий хотел перманентной революции и не хотел индустриализации, потому что смешно вбухивать ресурсы в страну, которую завоевали просто как площадку для мирового пожара. На что Сталин сказал: «Мировая революция подождет. Давайте сначала укрепимся здесь». Можно обвинять его в том, что он хотел властвовать, а можно предположить, что Сталин – один из тех, кого можно причислить к традиции российского консерватизма. Но это так – для парадокса.

Вот поэтому на Украине консерватизма быть не может, там есть только агрессивный национализм. Есть слабенький либерализм – слабенький практически везде на постсоветском пространстве, в силу того, что первый либеральный прорыв (или порыв) 1990-х годов, захлестнувший в том числе и Россию, на выходе дал обескураживающие результаты. Экономически шоковая терапия и радикальная перестройка всех

принципов хозяйствования целесообразны – если вынести за скобки, что в результате страдают миллионы конкретных людей. В результате либералы практически везде, в том числе и на Украине (за исключением периода «оранжевой революции»), не могли удержать власть достаточно долго.

Есть три идеологические силы, которые могут предложить свои проекты и конкурировать между собой, – национализм, либерализм и коммунизм. Их мы наблюдаем и в нынешнем российском идеологическом раскладе. Именно в ОНФ я вижу ту силу, которая способна внести консерватизм в политику всерьез и надолго, как мировоззрение, как политическую философию и как политическую идеологию.

Сегодня говорят о консервативной волне. Уже Дмитрий Константинович обозначил очевидный факт посягательств на традиционные ценности и взамен предложения новых ориентаций во всем – в отношениях между полами, в отношениях внутри семьи, в отношении художественного вкуса. В ответ Государственная Дума принимает набор решений, защищая традиционные ценности, решений, получивших наименование консервативной волны.

Некоторые мои коллеги-аналитики, в частности Игорь Михайлович Бунин, убеждают общественность и власть в том, что ставка на консервативную волну контрпродуктивна, потому что креативный класс в России находится в меньшинстве. Соответственно, выступая против него, подавляя его, мы тем самым блокируем возможность для России прорваться в будущее. Вот тезис наших либералов. Игорь Михайлович не стесняется – даже среди, казалось бы, объективных аналитиков-экспертов, чья задача не вставать ни на чью идейную сторону, всё равно существует группа четко маркированная. Есть, так сказать, либеральные эксперты, есть коммунистические эксперты, есть консервативные эксперты, к числу которых я себя не стесняюсь относить.

Встает вполне конкретный, прикладной вопрос – как с этим считаться? Это ведь вывод довольно серьезной аналитической группы. Я уж не говорю о том, что делал Институт современного развития три-четыре года назад, публикуя свои доклады, где прямо провозглашалась именно точка зрения, согласно которой креативный класс, или, как тогда говорили, «модернизационное меньшинство», спасет Россию. А всё остальное, типа Уралвагонзавода, это невежественное большинство – оно должно выступить в роли ресурса, в роли тех, кого нужно будет убеждать. А если убедить не удастся, то можно по схемам 1990-х годов осуществить ту самую модернизацию, мечтой о которой российские либералы живут более ста пятидесяти лет.

В этом смысле я солидарен с Ольгой Юрьевной, которая отметила, что название «просвещенный консерватизм» немедленно отсылает к антониму «непросвещенный консерватизм». Политическая лингвистика – важная вещь. В США изучают тончайшие повороты языка и показывают, как в политическом языке реализуется пропаганда. Вот «политическая корректность» – инструментальное понятие. Одно дело, когда вы говорите «инвалид», по-английски *physically disabled*. И совсем другое – *person with alternative capacities*, то есть личность с другими возможностями. В основе политкорректности лежит идея, в соответствии с которой язык является оружием, с помощью которого можно убить. Поэтому не нужно

убивать, особенно в таком обществе, как Соединенные Штаты, где расовая вражда вмонтирована непосредственно в фундамент. И «чёрные» этого – буду говорить прямо, поскольку мы не в Америке, – никогда не забудут и не простят, даже если Обама – президент.

Но! В самом политически корректном языке, поскольку это инструмент либералов, заложена и возможность господствовать. Вы правильно приводите примеры того, что всё потеряно и что молодые поколения не с нами. Почему? А потому что нет языка, посредством которого можно достичь ушей молодого поколения. И дело не в контенте.

Впрочем, в контенте тоже. Быть может, кто-то из вас слышал, что в 2007–2008 годах, по просьбе Администрации, я осуществил проект по радикальному переформатированию обществознания для старших классов. Мы издали двухтомник: для одиннадцатого класса том назывался «Глобальный мир в XXI веке», для десятого – «Человек в глобальном мире». Отзывы были великолепными. Мы прошли тесты во всех семи округах, объездили всю Россию, общались с преподавателями, с учениками. Не пошло. В той же учительской среде, где традиционное обществознание преподавалось, одна из первых рецензий была – «консервативный откат». На книгу, которая рассказывала о самом современном с позиции российских национальных интересов! А другие учителя писали восторженные отзывы, потому что впервые получили возможность не бубнить сухие формулы одиннадцатиклассникам, а обсуждать самые острые проблемы современности. Что такое Россия? Кто ее враги? Кто ее союзники? Почему у нас такая экономика? Не пошло.

Поэтому прошу вас очень серьезно отнестись к просьбе Ольги Юрьевны найти эпитет к существительному «консерватизм», чтобы очистить его от негативных коннотаций. В середине 2000-х годов на одном из больших семинаров с активом «Единой России» я уже попадал в подобную ситуацию. Мы издали трехтомник, посвященный консерватизму. В кулуарах я напрямую спрашивал: «Ну, почему вы стесняетесь называть себя консерваторами?». Они говорили: «Если мы в Башкирии, в Татарстане, в Иркутске скажем, что мы – консерваторы, всё – народ будет смотреть на нас как на ретроградов, на людей, которые ничего не хотят менять». То есть термин скомпрометирован.

И это не только наша проблема. В 1980-х годах Рейгану удалось возродить консерватизм. Почему пошла консервативная волна? Потому что рейганисты придумали термин *compassioned conservatives*, то есть *compassion* – «сострадание». И не потому, что хотели блеснуть словом. Они исходили из реальной потребности страны, пережившей молодежную революцию, главными лозунгами которой были секс, наркотики, рок-н-ролл. Пусть молодежь повзрослела, но она осталась либеральной. И был придуман этот термин. К тому же все было замешано на крутом антисоветизме. Рейган выдал фразу «Мы боремся с империей зла» – *evil empire*. И это тоже дало мощный стимул.

Не знаю, есть ли у нас ресурсы для того, чтобы наш консерватизм позиционировать как борющийся с каким-то мировым злом. Когда Путин говорил о том, что идет наступление на традиционные, фундаментальные ценности Европы, на христианские ценности, – здесь есть указание на Зло. И когда Дмитрий Константинович вспоминал казус Брейвика, который в такой чудовищной форме протестует, то это тоже серьезно.

Не исключаю, что в смысловых подтекстах нашего консерватизма может присутствовать разворот, аналогичный тому, что позволил американцам победить Советский Союз.

Тот консерватизм, который проявляется в законодательстве и определяется как консервативная волна (и который, согласно интерпретации либералов, является губительным, поскольку блокирует возможность модернизации через ставку на меньшинство, на «креативный класс»), как показывает опыт всех европейских государств, Великобритании в первую очередь, этот консерватизм можно рассматривать как показатель национального выздоровления.

Почему к консерватизму всегда предъявляются претензии? Почему он всегда выступает как ответ? Почему он не наступателен? Почему инициатива всегда на стороне то либералов, то коммунистов? Дело в том, что консерватор по природе своей ценит то, что есть. Бердяевская мысль, согласно которой задача не в том, чтобы построить рай на земле, а в том, чтобы защититься от установления ада, – указывает на главную особенность, на которой базируется консерватизм. На суждении о существующем не как о плохом в сравнении с тем, что где-то или когда-то может быть лучше. На суждении не по принципу «там хорошо, где нас нет». Консерватор смотрит на существующее не с позиции будущего во времени или же другого места, где хорошо, а как на достижение перед угрозой того, что всегда маячит перед нами. И Украина сегодня – убедительный тому пример. Вот что бывает, когда нет консерватизма, – нет консерваторов, и страна рассыпается в прах.

Люди не ценят то, что есть. Им кажется, что так, как они живут, – хуже некуда. Эта черта неприятия очень условна. Нужно долго объяснять человеку, что у него всё же кое-что есть. Но если у него в голове яркий образ совсем иного, с этим уже ничего не поделаешь. Советский Союз распался, потому что мы хотели не один вид колбасы, а триста. И потому что нам показывали по телевизору, как безработные в дубленках приезжают на своих машинах на биржу труда. Вспомните 1990-е годы, перестройку и уверенность в том, что всё решается простым переходом к частной собственности. Это и есть знаменитая революция ожиданий. Люди ждут большего, и ничего с этим не поделаешь. И поэтому просто сказать, что консерватизм – это утверждение ценности настоящего – недостаточно. Это на лекции можно объяснить студентам, что вот это и есть смысл консерватизма: ценить настоящее, потому что есть угроза хаоса. В конкретной же ситуации всегда есть та мера, которая заряжает людей отрицанием настоящего во имя чего-то иного.

Мне кажется, у нас есть серьезный ресурс – историческая память. Говорят, что мы должны гордиться своей историей. Это немножко из другой оперы. По поводу осуждать или гордиться – этим пусть немцы занимаются. Вечно они нам на всех семинарах рассказывают одно и то же: «Вот, смотрите, как хорошо: мы покаяться, и у нас всё замечательно, у нас много колбасы, все богатые и никаких конфликтов». На это я обычно говорю: «У нас другая история, и потому не учите нас жить». Кстати, это один из принципов консерватизма. Невозможно перенести социальные нормы, культурные традиции, иерархию ценностей из одного культурного сообщества в другое. Невозможно. Об этом писал еще наш непризнанный гений геополитики и политической философии Ни-

колай Яковлевич Данилевский. В 1861 году мальчик Дмитрий Иванович Писарев опубликовал свою статью, которую цитировала Ольга Юрьевна, «Схоластика XIX века», где призывал: «Бей направо и налево. Всё, что развалится, не нужно, а что устоит – вот это и есть». И потому сапоги у него выше Пушкина. А всего через восемь лет не такой уж старый Николай Яковлевич Данилевский – между прочим, член кружка Петрашевского, прошедший процесс вместе с Достоевским, – написал книгу «Россия и Европа», в которой одно из важнейших теоретических положений заключается именно в невозможности переноса традиций, культурных ценностей и норм из одной цивилизации, или культурно-исторического типа, как он говорил, – в другую.

Теперь о современности консерватизма. Наша более чем тысячелетняя история представляет собою череду фундаментальных самоотказов. Из этого Владимир Сергеевич Соловьев, наш гениальный философ XIX века, сделал вывод, что это и есть субстанциальное свойство России и русскости вообще. Самоотречение. Можно, конечно, и так смотреть. Но я смотрю с точки зрения прагматики консерватизма. Давайте вспомним. 988 год. Мы берем чужую веру. Не важно, какие последствия. Был народ, который имел своих богов. Появляется власть, которая принуждает народ принять другие ценности. Первые христиане у нас – святые равноапостольные князь Владимир и княгиня Ольга (в монашестве Елена). То есть «инноватор» сам разделяет новые ценности. Но принцип – такой: «Приношу чужое и чем угодно, в том числе силой, внедряю в данную культурную среду». Дальше я пропускаю период существования Руси в составе Золотой Орды – ордынцы не посягали на традиционный ценностный код, в том числе на православие, к тому времени уже ставшее почти натурализованным. Затем Петр I и его предшественники, которые начали бороться с расколом. На каком основании? Опять на основании сравнения с образцом где-то там в Греции, у константинопольского патриарха. То есть вновь берется чужой образец. Свое рассматривается как неправильное и ненужное, требующее уничтожения. В результате единый русский народ, который только-только сложился в результате всех драм и трагедий XVI века, раскалывается пополам. Часть русского народа, и не только русского, потому что и другие народы были православными и хранили традиции старообрядчества, – уходит в подполье и сжигается. Самосжигается. Приходит Петр и делает еще больше. Начинает рубить бороды. В Европе есть великое Просвещение, оно ходит по всему миру, пришло и к нам. Поэтому забудем наши традиции, выйдем из своих горниц, будем носить декольте на ассамблеях, пить кофе и курить трубку. А все прежнее – забыть как страшный сон. И чем закончила Российская империя. В 1914 году – война, в 1917-м Николай II в три дня превращается в гражданина Романова, которого даже родственники в Великобритании не захотели спасать. Оставили на растерзание. Затем 1991 год. Государство, по выражению Василия Васильевича Розанова, «слиняло в три дня». Никто не вышел защищать СССР, кроме условных путчистов и ребят, которые на танках ездили по Москве, по Садовому кольцу.

О чем все это говорит? Механизм российской истории построен таким образом, что социальные новации осуществляются через заимствование. И ладно бы просто заимствование, но ведь всегда против

чего-то, что признается неправильным. И чтобы заставить многих отказаться, нужно их ломать через колено.

Отсюда вопрос: где брать поддержку для модернизации (назовем это все модернизацией), если вы – враждебная среда, если все сопротивляются. Значит, вы должны импортировать кого-то или внутри найти тех, кто является как бы внутренним иностранцем. То есть узость круга модернизаторов – это неизбежность. Вспомните ленинскую фразу: «Страшно далеки они от народа» – она про революционеров, про всех российских модернизаторов. Какой механизм может быть использован для внедрения чужих ценностей? Только насилие. Сначала в виде самодержавной власти. В чем особенность русского абсолютизма в сравнении с западноевропейским? И почему русская история идет как бы в противоход западной? Западная история, становление абсолютизма вели к постепенному расширению пространства политической свободы, начиная с нидерландской и английской революций. Потому что люди развивались на своей основе. Им не надо было ничего ломать. А у нас, поскольку внедрялись чужие идеалы, ценности и нормы, приходилось завинчивать и закручивать, делать власть все сильнее, сильнее, сильнее.

Читайте «Красное колесо» Солженицына. Совет, конечно, абстрактный. Потому что там десять томов. А в нашем мире все смотрят клипы по тридцать секунд. В этой книге, написанной на замечательном, фантастическом русском языке, все объяснено. Почему и как пало царство.

Все время с нашим консерватизмом что-то не получалось. Почему? Потому что консерватор ценит настоящее и, соответственно, ту власть, которая это настоящее удерживает. Но что приходилось делать русским консерваторам? Тому же Победоносцеву, который Александра III убеждал не следовать пути отца. Русским консерваторам все время приходилось поддерживать власть, которая была заряжена антиконсервативно, на радикальные перемены. Разве консерватор настоящий может так действовать? Нет, конечно. Поэтому консерватизм в России так и не сложился в реальную силу, и все русские консерваторы чувствовали трагизм отрыва от власти. Скажем, Лев Александрович Тихомиров – последний великий русский консерватор, который начинал как боевик «Народной воли». Он, слава Богу, никого не убивал. Поэтому Александр III его простил и вернул в Россию. Но эта была личная трагедия человека. Сейчас изданы многие его тома. Вся эта бездна учености и страсть настоящего русского патриота ушли в никуда.

Возвращаюсь в сегодняшний день. В чем смысл, ценность, значимость и важность консервативного курса? Не консервативной волны только – как реакции на эксцессы типа плясок в храме и гей-прайдов. Хотел бы сделать небольшое уточнение. В русском языке утвердилось понятие «гей-парад». Нет никаких гей-парадов. Это шествие представителей ЛГБТ, то есть лесбиянок, геев, бисексуалов и *bisexual transgender*, то есть трансгендеров, людей, поменявших пол. Шествие, которое у нас именуют парадами, называется «гей-прайд», демонстрацией гордости тем, что они такие, какие есть. Парад по-русски – это немножко другое, слово не передает смысл. Гей-прайд это вызов. Не просто «мы есть», а каждый участник говорит: «я горд, что я такой».

Потому консервативная волна, которая идет от народа, от традиционного большинства, должна быть и уже подхватывается идущим сверху предложением консервативного курса. Путин не зря себя позиционирует как прагматик с консервативным уклоном. Он не говорит «я – консерватор», он не привязывает себя к идейным консерваторам. И это правильно. По нашей Конституции, президент – глава государства, его задача объединять, а не выступать лидером одной из партий, как в США, например. Прагматик с консервативным уклоном это означает, что власть не просто посматривает со стороны на Думу, на Мизулину, которую либеральные круги стремятся уничтожить. Слава Богу – не физически, у нас пока еще не Майдан. Впрочем, интеллектуально Майдан никуда не делся из России. Тот же Дмитрий Константинович (Киселев. – *Ред.*) – это просто Савонарола, человек, который отчаянно, бесстрашно идет на бастионы. Нужно быть мужественным человеком, чтобы все это выдерживать.

Предложение консервативной стратегии в ответ на консервативную волну из парламента, от вас – от ОНФ, просто от людей, которые никоим образом политически и организационно не мотивированы, такое предложение имеет исторический смысл, потому что впервые в российской истории для нас открывается шанс объединения власти и народа на одной ценностной основе. Путин себя не позиционирует как человек, который сейчас принесет нам какие-то не известные нам ценности и институты, нормы и правила. Ничего подобного! Он говорит: «Я ценю то, что заложено в нашей с вами истории, то, на чем мы сегодня живем, то, на чем мы с вами воспитаны, на чем воспитываем новое поколение». Это важнейшее признание, когда власть говорит не «я – умная, сейчас научу вас, как жить», а «я хочу вашему традиционному, консервативному уму придать энергетику преобразующей власти, власти, реализующей консервативный социально-политический проект».

(Я оставляю в стороне экономику. Сегодня уже никто не ведет дебаты о необходимости рыночной экономики, кроме самых радикальных коммунистов. Все понимают, что в современном мире иначе невозможно. Либо мы должны строить страну по схеме чучхе, то есть Северную Корею, либо вписываться в глобальный мир, где принципы рыночной экономики неотменяемы.)

Этот консервативный социально-политический проект базирования на наших традиционных ценностях вместо импорта чужих является абсолютной новацией власти. Это персональная заслуга Путина. Ельцин действовал в прежней парадигме. Он пришел как модернизатор, как человек, который откроет России дорогу в светлое будущее. Предполагалось, что власть знает, как лучше. И финал этого всего был показательным – слава Богу, государство не развалилось в 1999-м, хотя было на грани. Все помнят Чечню, все помнят взрывы в Москве. И не только в Москве. Все готовилось к тому, чтобы Россия рухнула.

В чем историческая своевременность консерватизма помимо его политической востребованности? Опыт прежних социальных инноваций в России показывает, что само историческое выживание России нужно интерпретировать как чудо. В логике описанного выше механизма, это государство должно было самоуничтожиться несколько раз. Потому что

у него не было поддержки. Но, странным образом, в войну 1812 года все встали – казалось бы, забытые крепостные, которые не понимали своих бар, говоривших на чужом языке и живших в совершенно другом мире. Это – поразительная вещь. В самые критические моменты власть получала поддержку. Это говорит о том, что здоровое ядро русской нации удерживало государственность вопреки историческому механизму социальных инноваций. Вопреки! В отличие от Запада, который работал вперед, на драйве. Классовая вражда – ерунда. Нации шли вперед. Запад обыграл нас, потому что там был консерватизм.

Если мы этот исторический шанс формирования консерватизма как единой народно-властной платформы упустим, то... смотрите в прошлое. В кризисной ситуации, когда нужно будет выйти на защиту государства, никто не выйдет, потому что государство не будут считать своим. В XIX веке придумали триаду. Какую сегодня триаду придумаем? Это вопрос к вам. Кроме вас, активного консервативного класса – говорю так в противовес классу креативному, – никого просто нет. Только в вашем круге не стесняются говорить вещи, которые в соцсетях и либеральных кругах считаются дикостью, средневековьем, невежеством. Вопреки мнению моего коллеги Игоря Михайловича Бунина уверен, что шанс России не в креативном классе, не в меньшинстве, которое выведет нас в светлое будущее. О креативном классе можно не беспокоиться. Эти ребята замечательно устраиваются где угодно – в Лондоне, в Кремниевой долине... Мы же думаем о нас и о стране. Россию не унесешь. И опыт наших предков показывает, что мы выживали даже в самых страшных ситуациях.

Таков мой взгляд на уместность, своевременность и современность российского консерватизма. Должна заработать сцепка естественной консервативной волны снизу и консервативного курса сверху – рациональная линия, а не пиар-стратегия. Только в этом случае возможно обеспечить три контура защиты государственности, чего не было до сих пор и почему все государственности наши раньше падали.

Первый – контур моральной защиты. Если власть и общество разделяют одни и те же моральные установки, то существует моральная потребность в случае угрозы государству встать на его защиту как гаранта того, что мне не навяжут чужие ценности.

Второй – идеологический. Если государство идеологически нейтрально и если интерпретировать часть 2 статьи 13 Конституции как абсолютный запрет на любое идеологическое проявление власти, тогда все имеют право быть идеологическими, – ТНТ, НТВ и прочие, они могут быть либеральными, коммунистическими, любыми другими, только государственный канал не имеет право быть каким-либо. Но никто не ссылается на эту статью по-настоящему. Вопрос в том, что консерватизм как идеология не может родиться в пробирке, в ученом кабинете. Идеология не рождается в кабинете. Идеология – это то, что движет массовыми движениями. Других, кроме вас, массовых движений я не знаю. Может быть, я вам льщу, тогда извините. Я обзираю российский ландшафт и другого массового движения не вижу. Следовательно, это вызов вам. Прежде чем стать политической идеологией, консерватизм должен выразиться в какой-то общеприемлемой, общенациональной форме. Дис-

куссия о консерватизме не должна остаться семинаром раз в три года. Вы ничего не добьетесь, если не будете объединены четкой и понятной идеологией. Но не по учебникам. Не надо читать книги, чтобы понять, почему вы консерваторы. Объясните своим языком тем, кто живет рядом с вами, кто считает вас лидерами общественного мнения, почему вы консерваторы.

Третий контур – политический, небывало благоприятная ситуация, заключающаяся в том, что у нас с вами демократия. Российская власть всегда была авторитарна, вплоть до Ельцина. Сегодняшняя власть – демократична, потому что она поддержана народным большинством. Это уникальная ситуация в российской истории, когда власть пользуется такой поддержкой. Даже личные враги Путина признают, что он был избран честно. А консерватизм жизнеспособен только в демократической среде. Только в ней возможно зафиксировать свободный выбор большинства. То есть политический контур, который защищает государственность, задан именно тем, что Путин – демократический президент.

Итак, моральный и политический контуры налицо. Задача – создать идеологический контур защиты государства, защиты будущего. Бисмарк сказал, что прусский учитель выиграл битву при Садовой в 1866 году, когда в борьбе с Австро-Венгерской империей создавалось национальное государство Германия. Не штыки выиграла Германию, а школьный учитель, который правильно учил и воспитал германскую нацию. И для нас это сегодня – ключевая задача.

С.П. Локтионов. Леонид Владимирович! Все, что вы говорили сегодня, мне по душе. Но есть один момент, который меня не удовлетворил. Приводя примеры, вы начали с князя Владимира, а закончили советским периодом. Но князь Владимир принимал веру в помощь государству, в обретение смысла и основы жизни. В советский же период сменялся строй, как и при Петре I. Если Горбачев или Ельцин сказали бы, что мы возвращаемся к православной вере, тогда такое сравнение было бы уместно.

Л.В. Поляков. Я анализировал ситуацию как прагматик, то есть препарировал логически. Мне показалось, это убедительное объяснение того, что с нами происходило и что нужно делать сегодня. Но сказанное мною ни в коем случае не есть что-то подобное «Краткому курсу». Вы как член ОНФ и как верующий человек, убежденный в том, что в основании России – вера в Бога, можете и должны свидетельствовать об этом. В ОНФ христианские и вообще религиозные ценности – это один из краеугольных камней. Ваш взгляд на российскую историю как сотворенную Богом, при участии Божественной воли, ни в коей мере не противоречит той схеме, которую я предложил. Это ваши личные убеждения, разделяемые тысячами, сотнями тысяч верующих христиан, для которых Россия и Божественная воля связаны непосредственно.

Ваша вера это не просто ваше право, но и ваш долг. В Западной Европе верующих христиан преследуют, социально дискриминируют. Был чудовищный случай, когда в Великобритании семья не получила ребенка, которого хотела усыновить. Его отдали в другую, гомосексуальную, семью, с приговором суда, что, к сожалению, эта семья слишком христианская. То есть судья

решил, что воспитание в христианской семье будет слишком ангажированным.

О.А. Каштанов. Если я правильно понял, главный смысл вашего выступления заключается в том, что мы на основе идеологии консерватизма можем объединить власть и общество. Идея замечательная. Но, как мне кажется, есть проблема в ее восприятии обществом. Вы рассказали о неуспешной истории консерватизма в России. Это многих будет отпугивать. И еще один момент. История России – это история корневых ломок и модернизаций. Наше поколение воспринимало такие ломки как позитив – идею ускоренной коллективизации, идею ускоренной индустриализации, научно-технического прогресса, перехода от атомной бомбы к запуску ракет. Здесь имеется связь между экономикой и политикой. Мы ратуем за консерватизм в политике, но этого ли мы хотим в экономике? В экономике мы ратуем за инновации.

Л.В. Поляков. Олег Александрович, возможно, вы упустили, но я об этом говорил специально. Я исключаю экономическую сферу из борьбы за консерватизм.

О.А. Каштанов. Мне кажется, у людей будет именно такое восприятие. С одной стороны – консерватизм в политике, а с другой – инновации в экономике. Когда мы говорим о консерватизме, об идеологии, об ожиданиях людей, о том, готов ли гражданин защищать власть, следует помнить о таком понятии, как справедливость. В России чувство справедливости всегда было обостренным. И если человек чувствует несправедливость, он не будет эту власть поддерживать. Поэтому в нашей дискуссии о консерватизме нужно говорить и о справедливости.

Здесь уже отмечали, что консерватизм может восприниматься как оборонительная стратегия. А вы говорили о необходимости наступательной. В советской системе был этот заряд наступательности. И мы ощущали тогда, что наша идеология справедливая. И потому были успехи.

Л.В. Поляков. Олег Александрович, коммунизм предлагал проект будущего на основе разрушенного до основания старого мира. У коммунизма такая установка – все плохо. Потому храм Христа Спасителя сносили, всех уничтожали, кто не коммунист. Читайте романы Андрея Платонова, гениального писателя, который отобразил ментальность наших предков. Это люди действительно верили, что космическую революцию совершили. А консерватизм не может предложить космическую революцию.

Вы подметили некую технологически-логическую проблему. С одной стороны, я утверждаю, что консерватизм реакционен, в смысле его реактивности. Консерватизм реагирует на угрозы, а пока всё спокойно – спит. Классики консерватизма говорят: если консерватизм спит, то значит всё – слава Богу. Если же он появляется, это симптом нездоровья. И если консерватизм сильный, значит, организм здоровый, реагирует на воспаление. С другой стороны, я говорю, что нужно как-то наступать, перестать быть обороняющейся стороной. Еще раз повторю: сегодня мы имеем уникальный шанс трансформировать консерватизм, который всегда приходил поздно и всегда защищал власть, которая делала не то, что хочет большинство, – в консерватизм, который работает на единство общества и власти и создает три защитных контура российской государственности. В этом смысле наступательность. А не в том, что мы будем предлагать какие-то заоблачные проекты. Наоборот, вызов еще и в том,

чтобы переосмыслить нашу историю. Что же касается вашего замечания, что это пойдет вразрез с традиционной установкой на величие нашей истории, то давайте видеть в этом нашу технологию, которая помогает выработать идеологию. Я могу такую историю преподавать интеллектуалам. Но в школьный учебник истории закладывать такое понимание не обязательно, потому что это понимание с точки зрения истории консерватизма. Но возможен и другой подход. Сергей Павлович (Локтионов. – *Ред.*) может говорить о русской истории как о том или ином проявлении Божественного промысла.

Т.В. Метелкина. С чем мы можем столкнуться при определении современной «триады», которая звучала раньше «за веру, царя и Отечество», а потом «самодержавие, православие, народность». Давайте называть вещи своими именами. То, что вы подаете как историю катастроф, есть история выживания вопреки. То, что вы называете поражением, можно трактовать как победу. Если в Москве какие-то слова непросто произносить, то вне Москвы все свободно говорят то, что думают, у нас других практически нет.

Л.В. Поляков. Я брал самый пессимистичный сценарий.

Т.В. Метелкина. Но на экранах только Москва. Людям, которые исповедуют либеральную идеологию, дают площадку. А когда вы говорите, что мы здесь рассуждаем только о политике, то возникает вопрос о справедливости, которая с экономикой связана теснейшим образом. Если в экономике у нас будут те бонусы руководителей госкомпаний, которые есть сейчас... Сегодня был разговор с водителем такси. Он говорит: «Видите, машина едет? Знаете, сколько она стоит? Вот эта девять

миллионов, эта – шестнадцать. Ни я, ни моя мать, которая работала главврачом больницы, никто из нас не в состоянии на такую машину заработать честным путем...». Мы тему справедливости не обойдем никак.

И второе, очень опасный момент. Мировоззрение верующего человека – это мировоззрение по треугольнику. То есть мы всегда включаем в треугольник Господа Бога, и наш мир он в треугольнике, у нас не 2D-, а 3D-мировоззрение. То есть мы действуем не один напротив другого, а через помощь Божию. У всех верующих людей, будь то мусульмане, иудеи и исповедующие прочие религии, у них у всех такое мировоззрение. Но есть огромное количество людей... Вот вы сказали, что как ученый не могли это включить в свою логику. Многие ученые уже не сомневаются в том, откуда эта частица, бозон Хиггса. По всем законам, ее не может быть. Как об этом говорить, чтобы не оттолкнуть людей, чтобы не возникало ощущения насилия над их ценностями? То же и со словом «реакция». Приходится заменять его на «иммунитет» как реакцию организма.

Л.В. Поляков. Татьяна Вячеславовна, вы подняли очень важный вопрос, значит, я говорил не впустую, – отшатнется ли часть верующих. Это скорее Сергей Павлович (Локтионов. – *Ред.*) может сказать, насколько это опасно с точки зрения раскола, насколько можно акцентировать свою религиозность и насколько реакция других, кто не считает себя связанным той или иной верой, будет отстраняющей. Найти формат взаимодействия – это крайне важно. И вы уже вторая, кто поднимает вопрос о справедливости. Я предлагаю на ваше обсуждение формулировку российского консерватизма как консерватизма справедливого. К тому же справедливость

уже была позиционирована как актуальная ценность номер один на конференции ОНФ в Ростове-на-Дону в минувшем году.

С.Р. Баталова. Хотела бы предложить свой вариант преподнесения российского консерватизма. Мы живем на плодородной земле, на ней растут деревья, много деревьев, все устойчивые, с крепкими корнями. А экономика – это вода и удобрения, которые подпитывают это консервативное дерево. И нам дай Бог избежать тех генно-модифицированных продуктов, которые из Европы на прививки присылают. Консерватизм – это сад, где есть и экономика с инновациями, и наши ценности-корни. И все мы в этом саду живем, и никому на этой земле не тесно.

Л.В. Поляков. Сажидя Растамовна, я в восхищении, почти по формуле из «Мастера и Маргариты». Вы знаете тех, к кому вы можете обратиться, и вы находите тот язык, который будет людям понятен. Это крайне важно, чтобы в разных регионах России идея консерватизма была представлена в соответствии с конкретным культурно-историческим контекстом, и через яркие образы.

С.Р. Баталова. Насчет религии. Я – верующая мусульманка. Бог у нас один, един. И различия наши – не самая важная проблема, когда мы будем объяснять что-то людям. Но вот три ценности современного консерватизма, которые мы должны найти, это, наверное, тема будущих наших дискуссий.

О.Х. Авдыш. Разрешите присоединиться к дискуссии по поводу веры и неверия. Как психолог могу сказать, что неверующих людей не существует: одни верят в Бога, другие верят в то, что они в Него не верят. Человек без веры не

существует. Коммунизм строили верующие люди, просто они верили в другое.

И либерализм строят верующие люди, причем они, как сектанты, слышат только то, во что верят. Раз в каждом человеке присутствует какая-то вера, мы можем это должным образом учитывать, чтобы никого не оттолкнуть.

По поводу экономики и традиций в экономике. Говорят, что экономика требует инноваций. Но когда берем немецкое пиво, там написано, что оно сварено в соответствии с баварским законом о чистоте пива 1516 года. Экономика любит традицию, потому что традиция – это знак качества. Если я пятьсот лет выпускаю этот продукт, то он, конечно, востребован рынком. Традиция и в экономике является позитивом.

Мне очень понравилось то, что сказала Сажида Растамовна, и я хотел бы сразу термин предложить – коренной консерватизм, или корневой. Вот у Сергея Павловича (Локтионова. – *Ред.*) Коренная пустынь в Курской области. И если, как вы говорите, Россию не раз ломали через колено, чтобы внедрить в нее какие-то ценности, а она все-таки осталась, то почему она осталась? Потому что есть такие коренные вещи. Господь Бог Россию всегда спасал. И это тот самый коренной консерватизм, который из любой бури Россию, как птицу Феникс, выводит обновленной.

Л.В. Поляков. Справедливость взывает к проблемам сегодняшнего дня, а эпитет «коренной» отсылает к чему-то более глубинному...

С.П. Локтионов. Справедливость – это коренная черта русского народа, из-за которой все ломки и были. И Никита Сергеевич Михалков в слово

«просвещенный» как раз и вкладывал обращение к корневой основе человека...

Л.В. Поляков. Все правильно, манифест его называется «Право и правда». Вы предлагаете своего рода тендер идей. И так, у нас есть уже три варианта: справедливый консерватизм, корневой и коренной.

Н.Г. Куликовских. Одно маленькое замечание. Человек по своей сути консервативен. Вот я в своей деятельности очень много езжу по маленьким, забытым деревням. Там живут бабушки, дедушки – люди, которые чтут традиции. Я бываю в их домах, беседую с ними, не очень грамотными, не знающими никаких течений, не читающими Бердяева. Но они соблюдают те традиции, берегут ценности, которые впитали с молоком матери, из поколения в поколение, из рода в род. А человек верующий – он особо консервативен, потому что Библия, Коран – это незываемые ценности, которые не зависят от того, в космос мы полетели или, наоборот, в микромир проникли. Но есть основа всего мироздания – те самые десять заповедей, ничего нового мы не изобретем. И потому из-за консерватизма бояться раскола, по-моему, не надо.

Л.В. Поляков. Согласен, тем более что есть примеры американских консерваторов, которые включают очень разные фракции. Но в самом сообществе американских консерваторов есть и те, кого считают религиозными фундаменталистами. Хотя там вся нация верующая, и президент Соединенных Штатов всегда клянется на Библии и, не стесняясь, ходит в воскресенье в церковь. Если бы наш президент клялся на Библии, я представляю, какой поднялся бы шум. Так что проблемы я тоже здесь не вижу. Но если опасения есть, то все эти моменты необходимо проговорить.

Т.В. Метелкина. У нас здесь разговор о вере возник до некоторой степени случайно, и многие искренне не готовы к этому, не принимают. Например, у меня в редакции прошло только сочетание «разумный консерватизм», потому что это добавляет инновации, добавляет движение вперед. Но у части граждан, воспитанных атеистами в Советском Союзе, упоминание веры вызывает негативную реакцию.

Л.В. Поляков. Скажу как технолог: большинство никогда не создает идейные конструкты, их создает активная часть населения – не импортированные модернизаторы, а национальная элита, запрос на которую уже есть. И вы как национальная элита, которая не боится себя позиционировать как национальная, только и можете это сделать...

О.Х. Авдыш. Принятие чего-то нового идет через репозиционирование по одному градусу в день – средства массовой информации начинают, и через 180 дней происходит разворот на 180 градусов.

Л.В. Поляков. Совершенно верно, людей можно убедить в прямо противоположном.

А.Н. Атласова. Хотела бы сказать по поводу того, как привязать консерватизм к современности. В том мире, который нас окружает, очень много новизны. Мы тоже должны быть современными, мы должны преподносить традиционные ценности так, чтобы достучаться до наших детей, так, чтобы звучало современно...

Л.В. Поляков. Алёна Николаевна поставила ключевой вопрос. Я говорил о современности, но не говорил о том, как этот консерватизм вписать в поколенческий формат. Мы с вами люди давно уже взрослые, а наши дети и внуки

живут в несколько иной реальности. Есть знаменитая фраза, приписываемая Черчиллю: кто в молодости не был либералом, у того нет сердца, кто в зрелости не стал консерватором, у того нет ума. Предполагается, что молодость – это либерализм. То есть задача вовлечения молодежи объективно сложна. Эту задачу эффективно не решил ни один консерватизм, ни в Америке, ни в Англии, ни в Германии, о Франции вообще говорить нечего – там консерватизма в принципе нет. Нерешаемая задача. Таков наш род человеческий.

А.В. Будяк. Мы все прекрасно понимаем, о чем идет речь, и, наверное, не столь важно, какой термин мы сегодня найдем. Будет это русский консерватизм, коренной или еще какой-то – неважно. Мы все здесь патриоты нашей Родины, и для нас самое главное, чтобы у России было будущее и будущее это было процветающим. Мы говорим о том, что сегодня делать с нашими любимыми детьми, с теми, которые каждый день включают телевизор, которые каждый день слышат своих родителей и которые это все транслируют в своем кругу общения, в школе или где-то еще. Наступила точка невозврата, когда уже президент Российской Федерации обратился к учительству. К тем, кто – спасибо нашим чиновникам! – за последние четверть века превратился в продающих знания оказателей услуг. Мы начали продавать образование, и сегодня это уже не стыдно. Мы благодарны президенту за то, что он сказал: «Так, стоп!». Наше учительство – это форпост духовности и нравственности. Нужно, чтобы с самого малолетства наши дети понимали, что такое Родина и как бьется ее сердце, как пахнет ее земля. Вот сегодня моему сыну четыре года, мы с ним смотрим «Новости», и я обсуждаю с ним проблемы Украины. Конечно, он мало что понимает, но это делать нужно. Я работаю директором школы, и продукт

работы в семьях вижу каждый Божий день. Сегодняшнее поколение родителей – это та молодежь, чье личностное формирование пришлось на 1990-е годы. Они не могут вложить в своих детей то, что мы называем традициями, фундаментом. Это должны сделать мы, в борьбе с той негативной информированностью, которую нашим детям обеспечивают Интернет и средства массовой информации.

Мы, наверное, завтра выступим с предложением, которое сегодня уже звучало. Коллеги, давайте пригласим на следующую встречу министра культуры. Чтобы задать ему вопрос: до каких пор наши дети будут, включая телевизор, смотреть там мультики, которые пропагандируют суицид? Я на кухне после работы слышу: в комнате ребенок смотрит мультик о том, как какой-то мультипликационный герой достиг горы самоубийц, победил, понимаете... Я влетаю в комнату, выключаю телевизор, блокирую этот канал. Но далеко не все это видят и понимают, о чем вообще идет речь.

Сегодня у нас идет подмена понятий. Самое главное не то, какое слово найдем, – мы все понимаем, что делать, мы знаем, как делать, нас много, и мы в состоянии со всем этим справиться. Главное – не забывать, что Россия – это особое государство, ведь еще в Евангелии от Матфея сказано: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6:19–21).

Именно это давало силы русскому народу жить, выжить и быть тем особенным, ни на кого абсолютно не похожим. Что делать с нашими детьми? Любить их,

воспитывать любовью, личным примером и конечно воспитывать любовь к Родине. Спасибо.

Л.В. Поляков. Уже понятно, что есть один маленький параграф идейной платформы ОНФ, того будущего консервативного манифеста, который мы сейчас пытаемся готовить...

Н.П. Ильянова. У нас было увековечивание памяти героя Дмитрия Маковкина, который в Волгограде закрыл собой людей, присвоение его имени школе. Собралось около тысячи человек в небольшом районном центре, из которого большинство жителей уехали на заработки и остались только старики и дети. Очень многие приехали из Волгограда, сослуживцы в основном. Сейчас часто говорят о преемственности поколений. Так вот эта преемственность там была. Пришли старики, пришли ветераны афганской войны, чеченской войны. Говорили, каким он парнем был. Родители – простые труженики. Вот наше воспитание, наша идеология. Их никто не учил, никаких они институтов не кончали, но они этих маленьких детишек, которые стояли там на линейке, собственным примером воспитывали. Перед началом мы разговаривали с директором школы Александрой Владимировной. Она говорит, что бюджет школы нищенский, не сходится баланс, но главное даже не в этом. Мы не можем научить уму-разуму детей, которые сегодня приходят в школу, потому что мы упустили уже их родителей. Конечно, сейчас власть стала больше заниматься воспитанием, но как сопредседатель Народного фронта считаю, что нам надо больше сил тратить на связь поколений. Только примером учится наша молодежь, наши дети.

Л.В. Поляков. Надежда Павловна, вы говорите прямо как отец-основатель консерватизма Эдмунд Бёрк. Нация – это те, кто уже умерли, те, кто живет сейчас, и те, кто еще не родился. Вот краеугольный взгляд консерватора на нацию. Не мы, которые сегодня можем делать что хотим, а мы как наследники наших отцов и мы как родители наших детей. Поэтому для консерватизма первое – не права на что угодно, а ответственность. Только потому мы имеем права, что мы имеем обязанности.

Н.П. Ильянова. Вот мы говорим о религии. Я советскую школу окончила и советский институт. Мы – атеисты. Нас воспитывали атеистами. Но вера есть у каждого внутри, потому что без веры никуда не пойдешь, даже в ОНФ. Правильно Ольга Юрьевна сказала: «Если бы не верила, я бы здесь не была». Так и мы, если бы не верили в ОНФ, мы бы здесь не были. Лично я ни в какую партию никогда не входила. А здесь я верю в то, что действительно нужны воля, сила и энергия наши. Люди нуждаются в этом. Раньше на все большие праздники были народные гулянья. Сегодня этого нет. А люди хотят выговориться, хотят общения. Люди хотят быть услышанными. Правильно Владимир Владимирович говорит, что нужно быть с народом. И у нас в Калмыкии это получается, нас слышат.

А.Ф. Соломаха. У меня вопрос технологический. Я часто вижу Путина, такого одинокого всадника, не хочу сказать Дон Кихота. Есть ли у меня шансы услышать завтра, когда будет много выступающих, что это не одинокая линия нашего лидера, а у него будет поддержка информационная, его министров, политтехнологов?

Мы можем рассуждать коренной или молочный, мы не любим слов «консервы», «консерватизм». Консерватор в русском

языке, советском – это ругательное слово. Мы пришли к мысли, что мы традиционалисты, за традицию, уважительное такое слово. Я понимаю, что не оно пойдет, но консерватором тоже быть тяжело.

Л.В. Поляков. А вы, Анатолий Федорович, за какую традицию? Инновации через колено? Я рассказывал про русскую историю. Вы за эту традицию?

А.Ф. Соломаха. Нет.

Л.В. Поляков. Консерватор – не традиционалист. Это разные позиции, традиционалист – он, как слепой, он повторяет то, что было когда-то.

А.Ф. Соломаха. Даже в нашей дискуссии десяток человек употребили слово «традиция». В абсолютной логической связке с консерватизмом.

Л.В. Поляков. Выбор между двумя терминами однозначный. Традиционалист, во-первых, не выговаривается, во-вторых, означает другое, а в-третьих, вас поймают на этом. Вы за какую традицию? Ну, за какую? Ну, вот и...

А.Ф. Соломаха. Нет, я хотел ответить, но боялся, что получится напыщенно...

Л.В. Поляков. Ответьте.

А.И. Бочаров. Коллеги, разрешите мне вмешаться в диалог. А для чего тогда ОНФ, Анатолий Федорович?

А.Ф. Соломаха. Народный фронт – это движение, которое создано в поддержку единственного человека из крупных политиков, которому народ доверяет, на которого есть надежда, может быть, одна из последних надежд нашей истории.

А.И. Бочаров. Ну вот, вы сами ответили на вопрос. Зачем вам ждать, что будут говорить министры. Сегодня здесь собрался костяк людей, которые хотят вырабатывать идеологическую платформу, людей, которые поддерживают президента. С другой стороны, вопрос уже к вам, к исполнительному органу движения, обеспечить, чтобы все участники имели возможность транслировать эту позицию, позицию президента, через СМИ, через общение с людьми в регионах. А ждать, что министры начнут что-то транслировать... Если бы было так хорошо, то ОНФ был бы не нужен. Президент поставил задачу четко: он должен знать, чем живут люди. Нужен прямой диалог между президентом и обществом. И вы, уважаемые коллеги, этот диалог обеспечиваете, снизу вверх и сверху вниз. Мы с вами последний рубеж. Мы должны двигаться вперед, отступить некуда. Я со многими министрами не согласен по их решениям, действиям, по тому, как они транслируют позицию президента. Не уповайте на министров, на СМИ – это инструмент...

А.Ф. Соломаха. Андрей Иванович, извините, что перебил. Объясняю суть своего выступления. Про нас многое тут говорили, что мы – соль земли, представители чего-то нового, идейного... Я просил, чтобы руководство ОНФ именно в таком ключе, как вы сейчас, формулировало нам задачи. Чтобы это понимание дошло до мест.

А.И. Бочаров. Коллеги, будем чаще встречаться. Мы во Фронте хорошо взаимодействуем и друг друга понимаем. Но без серьезной идеологической подготовки, без таких профессионалов, как Леонид Владимирович (Поляков. – *Ред.*), Ольга Юрьевна (Васильева. – *Ред.*), нам невозможно. Нужно спорить, доказывать, аргументировать, объяснять. Вы – ядро той

системы, через которую будет проводиться идеология президента. Мы ее называем консерватизмом.

С.Р. Баталова. Почему бы нам не подумать еще о прилагательных? Предлагаю варианты: созидающий консерватизм и конструктивный консерватизм. Теперь по поводу поколенческого формата. В прошлый раз, когда мы собирались, я говорила, что нам нужна детская общественная организация, детское общественное движение. Я отправила Андрею Ивановичу (Бочарову. – *Ред.*) в исполком идею организации «Орлята России». Если бы мы их со второго класса вели, тогда смогли бы через проекты работать с детьми по военно-патриотическому воспитанию, по духовно-нравственному, оздоровительному, творческому и так далее.

А.И. Бочаров. Уважаемые коллеги, мы эту тему обсуждали еще в прошлый раз. Воспитание наших детей, наших внуков зависит от нас. Мы понимаем, что это надо делать, но как? Раньше, в Советском Союзе, было все понятно. Сейчас время изменилось, институты изменились. Как это сейчас сделать? Думаю, надо создать группу, которая начнет по этой теме работать и даст свои предложения.

М.В. Михайлов. Еще вопрос. Консерватизм как платформа взаимодействия власти и общества может столкнуться с препятствиями при распространении и в направлении власти. Как правильно было сегодня сказано, один президент не сможет быть носителем этой идеи, если она не будет подкреплена всеми другими уровнями власти. Тем более что в последние годы власть активно демонстрировала реформаторский зуд. Не получится ли так, что распространение

идеи консерватизма станет причиной, наоборот, дальнейшего отчуждения власти и общества? И второй вопрос. Может ли консерватизм быть прогрессивным?

Л.В. Поляков. Первое – что делала власть и насколько перспективна возможность появления консерватизма как идеологии, освоенной властью. Это проблема, которая не может быть заранее решена, до того как вы сформулируете четкую и ясную консервативную платформу. Необходимо, чтобы политическая сила, например, в лице «Единой России», освоила консервативную идеологию и, наконец, заработала как ваш политический представитель, или вы вместе с ней, если учитывать модель будущих выборов. Предполагается, что значительная часть депутатов должна быть и от Фронта, ведь от хорошего не отказываются. Это хороший формат, он плодотворен: мы видим, что представители Фронта в Думе – самые яркие там люди.

Бояться можно, но до тех пор, пока вы не предложите привлекательный продукт. Ведь политики озабочены чем? Электоратом. Если вы предлагаете им товар, который повышает их рейтинг, никто не откажется. Пока ваш лидер четко и внятно на вашей стороне. Он не стесняется говорить о своих консервативных взглядах. Идеологическая работа – сложная. Политик не всегда идеолог.

Насчет прогрессивного консерватизма. Я сегодня уже говорил о том, что прогрессивным принято считать не наше.

Но на деле это никакой не прогресс. Ломка не может быть прогрессом. Это все равно, что ребенку каждый раз ломать ногу и говорить: вот теперь ты вырастешь нормальным человеком. Вы очень хороший вопрос задали. Это одна из тем, над которыми нужно думать. Почему Запад нас обыграл? Потому что там есть консерватизм. А мы связываем с Западом понятие прогресса – все самое прогрессивное там. Если нет консерватизма, никакого прогресса не будет. Будут очередная ломка и очередное заимствование. Петр Яковлевич Чаадаев, первый русский западник в религиозном смысле, сказал страшную и горькую правду, за что русское общество его осудило, а Николай Павлович его спас, назвав сумасшедшим, иначе его посадили бы. Чаадаев первым сказал про нашу беду: мы растем не созревая, мы все время заимствуем, мы отбрасываем вчерашний день ради будущего. Это традиционное понимание прогресса как заимствованного у кого-то, так называемая догоняющая модернизация. Консервативное понимание прогресса – важнейший пункт в идеологии, которую вы должны предложить политическим силам и прежде всего президенту.

А.И. Бочаров. Леонид Владимирович, большое спасибо. Рад, что вы тоже подпитались идеями Народного фронта.

Базовые ценности консерватизма

История и современность

[28 февраля 2014 г.]

Сергей Глазьев
Консерватизм и новая экономика

Абдусалам Гусейнов
«Консервативный взгляд на мир не следует превращать в “изм”»

Наталия Нарочницкая
«Среди западных консерваторов меняется отношение к России»

Карен Шахназаров
«Когда ломают статуи Ленина, в этом есть что-то антирусское»

Михаил Ремизов
Консерватизм как стиль мышления и политическая повестка

Александр Привалов
«Власть в школьном образовании принадлежит двум группам лиц»

Вячеслав Никонов
Россия и мир: консерватизм в российской внешней политике

Юрий Вяземский
«Когда услышу “российская литература”, тогда, пожалуй, эмигрирую»

Аркадий Минаков
«Консерватизм – это блистательное интеллектуальное направление»

Олег Морозов
«Мы – в начале пути»

С.С. Говорухин. *Добрый день, продолжаем наш семинар. Я застал вчера только первую половину. Было очень интересно. Я узнал много нового, вооружился аргументами, о которых не подозревал. Продолжим.*

О.Ю. Васильева. *Уважаемые коллеги, сегодня у нас в гостях удивительные эксперты, нам очень повезло, что такой сонм специалистов мы можем собрать в одном месте. Сергей Юрьевич, пожалуйста, ваше выступление.*

Консерватизм и новая экономика

Хотел бы начать свое выступление с некоторых утверждений, которые, как мне кажется, являются смыслообразующими. Как нам трактовать консерватизм в его экономическом измерении? Считается, что экономика во многом определяет сознание людей – нас раньше марксистские теоретики учили, что бытие определяет сознание. Но в действительности всё намного сложнее. И если говорить о взаимодействии экономики и смыслообразующих ценностей, в том числе в хозяйственном поведении, то легко доказать, что влияние этих ценностей на экономику намного больше, чем обычно кажется. И наоборот.

Думаю, ни у кого не вызывает сомнения, что в основе нашей традиционной мировоззренческой культуры лежит императив социальной справедливости. Это вытекает из нашей духовной культуры, из православной системы ценностей, православного взгляда на жизнь. Императив социальной справедливости, как бы его ни пытались искоренить в разные эпохи, проявляет себя в течение столетий. И требование социальной справедливости, несмотря на то что мы много лет живем в состоянии ужасающего социального неравенства и открытого попрания принципов социальной справедливости на всех уровнях, тем не менее во всех соцопросах императивно проявляется.

Другим таким императивом, вытекающим из нашей духовной культуры, является требование правды. То есть люди хотят жить по-честному, по правде. Справедливость и правда – две глубочайшие ценности, которые определяли смыслообразование и во многом поведение в экономике в течение столетий. Очень важно, что даже в период социализма, когда нас учили, что бытие определяет сознание, на самом деле первенство духовного над материальным себя проявляло повсеместно – во многих решениях партии, во многих программах. Цели, которые ставились тогда в социально-экономическом развитии страны, получали видимость научного обоснования и целеполагания, исходя из каких-то высших, не сводящихся к экономике приоритетов.

К смыслообразующим ценностям я добавил бы «всемирную отзывчивость», как говорил Достоевский, нашего народа. В отличие от империй западных, высасывавших из колоний все соки и уходивших, оставляя их в удручающем состоянии, мы в наши окраины вкладывали гигантские ресурсы, искренне старались не на словах, а на деле поднимать уровень жизни окраин, в том числе населенных нерусскими этносами, до уровня развития центра. С точки зрения рационального экономического мыш-

ления это некий абсурд. Из Центральной России, которая даже в эпоху развитого социализма представляла собой социально-проблемную зону, мы огромные ресурсы вкладывали в окраины. И когда мы оставили бывшие союзные республики, они по многим позициям выглядели намного лучше, чем Центральная Россия.

И, конечно же, коллективизм и соборность, стремление к взаимовыручке, коллективная ответственность за всё – это тоже ценности, которые очень глубоко проникли в мышление, в мировоззрение наших людей, и отражаются в их реакции на события, происходящие в обществе.

Надо сказать, что коммунистическая идеология очень хорошо легла на эту духовно-ценностную матрицу, благодаря чему и продержалась достаточно длительное время. Как говорил наш Патриарх Кирилл, в советское время люди жили без Бога, но по-божески. Сейчас вроде бы строятся церкви и монастыри, но в то же время культ насилия и разврата, деградация духовной культуры кардинальным образом меняют стереотипы поведения нашей молодежи, которая начинает все дальше отходить от тех ценностных императивов, о которых я сказал.

Возникает вопрос: как нам оценивать эту ситуацию и пытаться направлять социально-экономическое развитие в новых условиях? В этих новых условиях, как известно, мы уже двадцать лет живем, исходя из идеологии радикального либерализма, которая кардинально противоречит перечисленным мною ценностям. Идеология радикального либерализма – это, по сути, культ «золотого тельца». Даже если вы посмотрите экономико-математические модели, которые дают якобы научное обоснование проводимым экономическим реформам (так называемые математические модели рыночного равновесия), то увидите, что это квинтэссенция философии «золотого тельца». Экономисты, которые формируют нынешнюю экономическую политику, исходят из того, что рынок – это оптимальное устройство экономического механизма, и чем меньше государство участвует в рыночном регулировании, тем, с их точки зрения, лучше, потому что невмешательство государства в свободную игру рыночных сил обеспечивает оптимизацию экономического поведения. Математические модели, которые под это дело выстроены, говорят о том, что хозяйствующие субъекты стремятся к максимизации прибыли, и если государство не будет особо донимать их регулированием, то, стремясь к максимизации прибыли, они приведут рынок в состояние равновесия, когда достигается максимально эффективное использование ресурсов. При этом прибыль каждого участника стремится к нулю. То есть формально все получается красиво и изящно, но эти модели совершенно неадекватны реальности.

Об этом много писалось и пишется в экономической литературе. Ни одна из теоретических предпосылок, лежащих в основе моделей совершенного рынка, не отвечает реалиям. Скажем, аксиома о том, что все фирмы стремятся к максимизации прибыли, не соответствует теории и практике менеджмента, потому что фирмы имеют многоцелевую ориентацию и в первую очередь стремятся к выживанию на рынке. Хозяйствующие субъекты никогда не знают всего набора технологических возможностей – особенно в современную эпоху научно-технического прогресса, когда появляются всё новые и новые технологии. Огромная

разница существует между фирмами в уровне технического развития. И оптимизировать использование ресурсов они не могут, потому что просто не знают всё то поле возможностей, которое существует на настоящий момент. И, наконец, у них нет полной информации для принятия объективных, оптимальных решений. Поэтому вся теория рыночного равновесия, на которой основана, в свою очередь, идеология радикального либерализма, не соответствует экономической реальности.

В основе экономики сегодня лежит научно-технический прогресс, получение новых знаний. 90% экономического роста объясняется внедрением новых технологий. Но в моделях рыночного равновесия научно-технический прогресс отсутствует. И удивительным образом теория и практика современного менеджмента, которым обучают людей в школах менеджмента, идет вразрез с базовой экономической теорией рыночного равновесия. Это происходит потому, что с помощью данной теории нельзя управлять хозяйством. Она несет исключительно идеологическую нагрузку. Идеологическая функция, которую эта теория обеспечивает, и философия, которая подпитывает идеологию радикального либерализма, заключаются в простой вещи: государство не должно вмешиваться в экономику.

Кому это нужно? Экономическую теорию нельзя расценивать в отрыве от экономических интересов. Понятно, что это нужно крупному бизнесу, который монополизировал рынки и подавляет их в своих интересах. Собственно говоря, вся теория экономического либерализма и основанная на ней политика в экономике служат интересам крупного капитала, который действительно в государственном регулировании особо не нуждается, подминая рынок под себя и оправдывая свое монополистическое поведение и хищническое отношение к природным ресурсам и обществу ссылками на то, что государству не нужно вмешиваться, потому что, как им кажется, ничего, кроме вреда, государство принести не может. Это – ложная теория. Но идеология радикального либерализма – это, к сожалению, наша повседневная экономическая политика, которая проводится весьма настойчиво и последовательно.

Впрочем, это не означает, что нельзя выстроить нормальную экономическую модель, которая опиралась бы на рыночные отношения. В свое время в Патриархии разработали Свод нравственных принципов и правил хозяйствования. Это целостный, законченный, документ. Хочу зачитать лишь главные тезисы, для того чтобы было понятно, как смыслообразующие ценности нашей духовной культуры могут быть воплощены в принципах экономической политики.

Пункт первый. «Не забывая о хлебе насущном, нужно помнить о духовном смысле жизни. Не забывая о личном благе, нужно заботиться о благе ближнего, благе общества и Отчизны». Казалось бы, банальная вещь. Но радикальная либеральная теория это отвергает напрочь. В то же время хозяйственная практика многих стран следует этому принципу. Каждая страна обладает своей духовной матрицей. Она ложится на экономическое регулирование.

Принцип «не забывая о личном благе, нужно заботиться о благе ближнего, благе общества и Отечества», как ни странно, теория менеджмента современных форм организации компаний абсолютно реализует. Возь-

мите японскую школу менеджмента – она точно следует этому принципу. И продвинутые школы менеджмента, которые комбинируют американскую и японскую школы, работают даже во многих американских корпорациях. Возьмем, к примеру, корпорацию «Локхид», работающую в наукоемкой сфере. Корпорация управляется коллективом специалистов, там нет ни одного собственника, который имел бы больше двух процентов акций. И это закреплено в уставе корпорации. Она работает в интересах государства, потому что обеспечивает американский оборонный комплекс современными средствами авиационной и космической техники. Она очень тесно связана с государством. Она, по сути дела, принадлежит коллективу специалистов и работников и соответствующим образом управляется.

Пункт второй. «Богатство – не самоцель. Оно должно служить созиданию достойной жизни человека и народа». Вспомним, как вели себя русские купцы и какова была купеческая этика, на которой основывалась экономика Российской империи. Они во многом следовали этой логике. Они огромную часть своих богатств вкладывали в благотворительность – в больницы, в картинные галереи, отдавали государству, во время Первой мировой войны собирали деньги на поддержку армии.

Пункт третий. «Культура деловых отношений, верность данному слову, помогать стать лучше и человеку, и экономике» – это основа деловой этики.

Пункт четвертый. «Человек – не “постоянно работающий механизм”. Ему нужно время для отдыха, духовной жизни, творческого развития». Тоже, казалось бы, банальность. И современная школа менеджмента реализует эти схемы в школе человеческих отношений при управлении предприятием. Но посмотрите, как управляются наши корпорации сегодня. То, что мы сегодня имеем в управлении российскими корпорациями, это полная противоположность тому, что заложено в своде нравственных принципов и правил в экономике и современной теории менеджмента. Это, в свою очередь, проистекает из законодательства, регулирующего отношения собственности. Наш Гражданский кодекс и организация предприятий основаны на принципе ограниченной ответственности и на классическом древнеримском понимании собственности – распоряжение, владение, пользование. Но дело в том, что древнеримское понимание собственности сегодня абсолютно не адекватно нашей сложной действительности. Во всех странах имеет место сложносоставное понятие собственности, когда собственника ограничивает огромное количество требований со стороны общества, государства, трудового коллектива, со стороны местных властей. Именно сложносоставное представление о собственности сегодня везде доминирует.

В нашем же законодательстве доминирует архаичное представление о собственности. То есть если я собственник, то делаю, что хочу. Хочу – эксплуатирую людей, издеваюсь над ними, хочу – загаживаю окружающую среду, если мне позволяет законодательство это делать, хочу – вывожу капитал в оффшорные зоны, не плачу налоги. В общем, что хочу, то и делаю. Вот понимание собственности у нас, и оно, к сожалению, закреплено законодательно. У нас практически все корпорации построены на принципе ограниченной ответственности, то есть собственник имеет все права, но при этом ни за что не отвечает. Огромное количество слу-

чаев, когда именно собственники разоряли предприятия. Это в полной мере проявило себя во время приватизации по Чубайсу, когда случайно появившиеся собственники, зачастую из криминальных кругов, захватывая предприятия, присваивали оборотный капитал, выжимали все соки из наемного персонала, затем брали на предприятие кредиты и в конце концов бросали развалившееся производство, демонтировали станки, продавали их куда угодно и превращали предприятие в склады. Это происходило повсеместно, оттого что собственник в нашем законодательстве не был никак и ничем ограничен.

Архаичное древнеримское понимание собственности, заложенное в наших законах, порождает безответственное, хищническое поведение людей, которые тем или иным путем стали собственниками. Я не говорю, что это всех касается, – есть примеры грамотного менеджмента, ответственного управления, но доминирует именно хищническое поведение. И до сих пор наше законодательство его стимулирует, потому что если ты добросовестный собственник и наряду с соблюдением закона заботишься о трудовом коллективе, платишь хорошую зарплату – «белую», а не в конвертах, платишь налоги, не уходишь в оффшорные зоны, то, как это ни печально, ты неконкурентоспособен. Потому что те, кто этого не делает, а, наоборот, нарушает законы, уходит от налогов и издевается над трудовым коллективом, несет меньшие издержки и имеет конкурентное преимущество.

Повторю: современная, уже сложившаяся в Европе, частично в Америке, в Японии и даже в Китае правовая система ограничивает права собственников. В Европе повсеместно закреплены права коллективов. В Германии, например, половина мест в советах директоров отдается представителям трудовых коллективов. 85% европейских предприятий являются участниками программ коллективной собственности. В Америке тысячи хозяйствующих субъектов – это народные предприятия, принадлежащие трудовым коллективам. А наша страна, которая исповедует принципы духовной культуры, социальной справедливости, правды, коллективизма и общей ответственности за всё, имеет прямо противоположную духовным императивам хозяйствующую модель, которая разрушает и общество, и культуру.

Пункт пятый. «Государство, общество, бизнес должны вместе заботиться о достойной жизни тружеников, а тем более о тех, кто не может заработать себе на хлеб. Хозяйствование – это социально ответственный вид деятельности».

Пункт шестой. «Работа не должна убивать и калечить человека». Казалось бы, просто, но в приложении к нашей повседневной практике, с нашим Трудовым кодексом, который совершенно не защищает работников и в трудовых отношениях закрепляет доминирование собственника, этот принцип не соблюдается. А между тем, если мы живем в эпоху знаний, научно-технического прогресса и если к человеку на предприятии относятся как к рабочей скотине, какие могут быть отдача, производительность, творчество?!

Западный мир пошел по пути привлечения трудящихся к управлению предприятием не потому, что они добрые, не потому, что это было заложено в ментальной подкорке, а потому, что так было нужно, для

того чтобы человек был включен в процесс принятия решений. Он себя чувствует участником не только трудовых отношений, но и управления предприятием. А если он себя чувствует сохозяином – у него возникает совсем другая мотивация. Только тогда можно раскрыть человеческий капитал, доля которого в совокупных инвестициях в развитых странах намного превышает долю вложения в машины и оборудование. Сегодня две трети совокупных инвестиций, которые имеются в передовых странах, – это вложения в человека: в его образование, в науку, культуру. И лишь одна треть – это вложения в машины и оборудование.

Пункт седьмой. «Политическая власть и власть экономическая должны быть разделены». Важный принцип, который наш президент, когда был избран, реализовал – в значительной степени отделил олигархат, эту оффшорную олигархию, от процессов управления государственными механизмами. Участие бизнеса в политике, его воздействие на общество должно быть только прозрачным и открытым.

Пункт восьмой. «Присваивая чужое имущество, пренебрегая имуществом общим, не воздавая работникам за труд, обманывая партнера, человек преступает нравственный закон, вредит обществу и себе».

Пункт девятый. «В конкурентной борьбе нельзя употреблять ложь и оскорбления, эксплуатировать порок и инстинкты».

Пункт десятый. «Нужно уважать институт собственности, право владеть и распоряжаться имуществом. Безнравственно завидовать благополучию ближнего, посягать на его собственность».

Вот десять принципов, они, казалось бы, банальны и просты, но все они грубейшим образом нарушаются в нашей повседневной хозяйственной практике. И потому мы никак не можем построить конкурентную экономику.

Возвращаюсь к тому, с чего я начал: в основе современной экономики лежат знания, интеллект, наука и техническое творчество. Если мы хотим быть передовой страной, нам не нужно переносить на нашу почву архаичное отношение к собственности, которое сложилось в Римской империи, где собственники действительно были рабовладельцами. Но, тем не менее, эту рабовладельческую модель мы перенесли в свою хозяйственную сферу и в свою правовую систему. Наша правовая система порождает хищнические мотивации, которые убивают общество каждый день. Они раскалывают общество на антагонистические группы. С одной стороны, мы имеем огромное море бесправных работников, которые получают жалкие гроши за свою работу, а с другой – оффшорную аристократию, которая плевать хотела и на работников, и на государство, и на общество.

Мы провели расчеты, согласно которым получается, что из страны вывезен примерно один триллион долларов капитала. Половина этой суммы, полтриллиона, сегодня официально зарегистрирована в оффшорах. Они из оффшоров возвращаются к нам. 85% так называемых иностранных инвестиций, направляемых нам, – это оффшорные инвестиции наших же собственников. Наша экономика вошла в самоедский механизм воспроизводства, когда находящаяся в оффшорах бизнес-аристократия вытаскивает из страны деньги, не выплачивая налоги. Их накапливают за границей на оффшорных счетах, затем возвращают

к нам, зачастую в качестве кредитов, за которые мы платим, затем без уплаты налогов вывозят прибыль, потому что они якобы иностранные инвесторы. И получается, что на этом кругообороте между оффшорной олигархией и нашей хозяйственной системой страна теряет ежегодно до ста миллиардов долларов и до одного триллиона рублей чистых налогов в бюджет. Эта самоедская экономика стала порождением той экономики, которую мы импортировали из-за границы, вместо того чтобы создавать свою.

Я убежден в том, что мы вполне способны воплотить в законодательстве наши нравственные нормы. Если мы это сделаем, если вернем людям нормальное понимание права на труд, творчество, на самореализацию, создадим для этого соответствующие механизмы юридической защиты, приведем в соответствие с этим идеологию и требования к ведению бизнеса, в том числе проведем комплекс мероприятий по деоффшоризации экономики, мы существенно поднимем конкурентоспособность нашей экономики. Потому что принципы, лежащие в основе нашей духовной культуры, – первенство духовного над материальным, стремление к правде, справедливость и коллективная ответственность – это те принципы, на которых организована современная наука.

Успешные примеры в передовых отраслях – это небольшие группы людей, которые, осваивая прорывные продукты, превращают свои научные лаборатории в эффективные корпорации. Я сам видел примеры таких успехов, когда 10–15 человек, будучи инженерами, научными сотрудниками, организуют компанию, и через несколько лет – это уже крупная корпорация, осваивающая передовые направления, получающая сверхприбыли. Эти люди вкладывают прибыль в научные исследования, в школы вокруг своих предприятий. Такие примеры экономического успеха убеждают в том, что если мы вплетем наши нравственные, духовные принципы в матрицу правовой системы, то мы создадим механизм, в котором особенности нашей духовной культуры заработают как колоссальный двигатель экономического развития.

Наше мощнейшее конкурентное преимущество в том, что наши духовные качества соответствуют требованиям общества знания и научно-технического прогресса. Если мы всё это соединим, то получим своего рода взрыв в самореализации людей и обеспечим тем самым реальный экономический подъем. А пока мы продолжаем убивать все хорошее ради «золотого тельца».

Л.В. Поляков. Услышал ошеломляющие цифры. Сто миллиардов долларов ежегодно российская экономика теряет и один триллион рублей налогов. Учитывая, что ОНФ имеет своих представителей во фракции большинства, в каком состоянии находится разработка законопроектов, которые могут это пресечь буквально завтра?

С.Ю. Глазьев. Понимаете, в нашей политической системе, к сожалению, роль парламента постоянно падала. Вот, например, в первой Думе, где я работал, парламент давал 80% законов. В предпоследней, из которой я уходил, – процентов пять. Все остальное замкнула на себя исполнительная власть. Я считаю, что это неправильно. Народному фронту, пользуясь своим влиянием, нужно инициировать подготовку законопроектов, их обсуждение, внесение. И здесь следует быть более настойчивыми. У нас есть все возможности для этого.

А.Ф. Соломаха. Вопрос дилетанта-историка, дилетанта-политика и, тем паче, дилетанта-экономиста. У меня периодически возникает интуитивное ощущение напряженности, ощущение риска для России. Мне кажется, что наша страна во многих отношениях входит в 1913 год. В тот год, когда Россия формально была в восходящем тренде, когда формировался в большом количестве средний класс, который сейчас многие экономисты и политики называют основой стабильности. И этот большой средний класс терял традиционные российские нравственные принципы, приобретая какие-то западные оттенки. И возникала, на мой взгляд, парадоксальная вещь. При большом и материально благополучном среднем классе существовала такая же большая часть общества, которая жила в бедности. Мне

кажется, когда эти части общества стали сопоставимы, на уровне человеческой зависти, человеческой ревности, возникло мощное разрушительное движение, гораздо более мощное, чем это имело место, когда 97% народа были нищими.

Нет ли у вас – или, может быть, Наталия Алексеевна (Нарочницкая. – *Ред.*) ответит, я ее поклонник – ощущения, что у нас сейчас наличествуют многие элементы той ситуации 1913 года? В обществе возникла ситуация, когда есть кому-то завидовать, кого-то презирать, на кого-то злиться в реальном, визуальном смысле. Не какому-то Биллу Гейтсу завидовать, а моему соседу – удачливому предпринимателю, моему однокласснику... Нет ли таких ощущений?

С.Ю. Глазьев. Думаю, Наталия Алексеевна лучше меня ответит, я лишь выскажу свое мнение.

Есть определенные признаки сходства, но глубинные процессы абсолютно разные. Россия тогда находилась сразу в нескольких фазах ломки структуры. Общинная структура ломалась капитализмом с выбрасыванием в рабочие казармы огромного числа обезземеленных крестьян. Эта гигантская масса пролетариата, на Юге особенно, была в какой-то степени асоциальна. Что касается образования российского среднего класса, этот процесс шел. Но это был здоровый средний класс – купечество, фермеры, крестьянские хозяйства, интеллигенция. Они не несли никакого разрушительного заряда.

Большой разрушительный заряд дала индустриализация в зоне оседлости. Она вытолкнула огромное количество не только русского общинного населения, но и национальных меньшинств, включая активное еврейское население, жившее в замкнутых гетто, вытолкнула на российский рынок труда, политики и прочего. То есть

образовалось огромное количество взрывного элемента, но это был не средний класс. Средний класс, с моей точки зрения, был как раз относительно консервативным.

Ломка технологической структуры. Россия была на экономическом подъеме. И она, если бы не революция и война, к тридцатым годам стала бы мировой сверхдержавой, потому что западные страны опустили в «великую депрессию», а мы шли на подъеме. У нас в 1914 году были заложены четыре крупнейших автомобильных завода. Русская авиация тогда была лидером. Развивалась химическая промышленность.

Сейчас мы совсем в другой ситуации. Мы находимся в состоянии технологического спада. У нас деградация экономики.

Мы стали сырьевой державой.

Высокотехнологичные отрасли практически полностью развалились, кроме военно-промышленного комплекса.

Экономический подъем, который имел место в нулевых годах, породил позитивные

настроения и формировал заряд ожиданий. Главная опасность сегодня не в том, что у нас кто-то кому-то завидует, а в том, что эти ожидания дальнейшего роста благополучия, занятости, экономического развития окажутся неоправданными. Если в Российской империи была проблема взрыва социальной энергии, который экономика не успевала освоить, то у нас сегодня экономика остановилась – по последним сводкам, промышленное производство идет уже в минус. Торможение экономики не то чтобы какие-то отношения конкуренции порождает, оно порождает страх того, что развитие закончилось. Люди, которые думали, что страна будет дальше развиваться и с этим связывали рост своего благополучия, сегодня в растерянности. Мало того что прекратился экономический рост, так еще банковский кризис назревает, валюта начала «гулять». То есть опять возникло ощущение нестабильности. Это пугает. Но это совсем другие факторы, чем те, что были тогда.

«Консервативный взгляд на мир не следует превращать в “изм”»

Уважаемые коллеги, я специально не занимаюсь проблемами консерватизма. Тем не менее хочу поделиться своими мыслями, отталкиваясь от того представления о консерватизме, которое господствует в общественном сознании. На уровне обыденного сознания, на уровне общественного предрассудка, консерватизм понимается как охранительная идеология, как апология существующего порядка, как ностальгия по прошлому, идеализация прошлого. Конечно, такое представление является как минимум поверхностным и односторонним. Таким консерватизм стремятся представить его противники. Ошибочность подобного взгляда состоит в том, что консерватизм рассматривается как некая идеология, как если бы это было нечто подобное, скажем, либерализму или коммунизму, как идеология, которая имеет собственный общественный идеал. Можем ли мы считать консерватизм идеологией? На этот вопрос нам нужно дать ответ или, во всяком случае, сформулировать его как предмет для дискуссии.

Первое, что нужно зафиксировать: консерватизм возник как ответная реакция и в таковом качестве он имеет вторичную природу. Это была реакция на теории и практики, которые имели целью насильственное разрушение существующих порядков во имя некоего общественного идеала, заранее сформулированного, теоретически оформленного и т.д. То есть это была критика идеологически мотивированного насилия над обществом. Так возникает консерватизм. В Европе он возникает как реакция на Французскую революцию, ее разрушительный характер, разрушительное действие, отголоски которого, как известно, дошли и до нас в виде вторжения Наполеона. Консерватизм был попыткой осмыслить этот тяжелый опыт и сделать выводы для понимания человека и общества. И в России консерватизм возник как реакция на бездумное, безоглядное движение в сторону Запада, на отрицание отечественных устоев. Наш коллега, к сожалению, уже покойный, Юрий Мефодьевич Бородай весьма продуктивно высказывался по этим вопросам, называя такое безоглядное движение чужебесием. Раболепие перед Западом он квалифицировал именно как чужебесие.

Сам же консерватизм не выдвигает какого-то законченного общественного идеала, в свете которого стоило бы кроить и перекраивать существующие порядки. Это не универсальная доктрина, и в этом смысле это не идеология. Мне кажется, что консерватизм можно рассматривать

как противовес в рамках любой идеологии – говорят же о консервативном либерализме. С какими-то поправками и натяжками можно говорить о консервативных тенденциях даже в рамках социалистической идеологии и практики, имея в виду, скажем, размежевание между национально ориентированным социализмом и космополитически ориентированным социализмом. Так что консерватизм – это некая доминанта, которая может пронизывать все идеологии. И поэтому, если вести речь не о каких-то академических спорах, то на такой общественной площадке разговор о консерватизме не может быть доктринальным и вряд ли его нужно вести, отталкиваясь от каких-то понятий, текстов и т.д. Это должен быть конкретный разговор, который отталкивается от реальных общественных проблем. То есть движение должно идти в другом направлении.

Один из принципов консерватизма, в той мере, в какой вообще можно говорить о его принципах, состоит в том, что в общественных действиях надо исходить из опыта, а не из абстрактных теоретических схем. И этот принцип, конечно, следует обернуть и на сам консерватизм, на его понимание. А если так, то не очень продуктивно говорить об определении консерватизма, а нужно принять и признать, что существуют многочисленные исторические опыты консерватизма. Если говорить упрощенно, консервативный взгляд на мир не следует превращать в «изм». А следует вести речь о консервативном взгляде на тот или иной вопрос. Говорят же в обиходе: в этом вопросе я консерватор, имея в виду определенное отношение к сложившимся устоям, традициям и т.д. Существуют важные общественные вопросы, осмысление которых требует именно консервативного взгляда. Консервативный подход к ним может оказаться продуктивным, может стать точкой консолидации общества.

Какие вопросы? Во-первых, это отношение к будущему, инновациям, прогрессу в целом. Конечно, нельзя думать, что будущее всегда лучше, чем прошлое, мы хорошо это знаем из опыта нашей личной жизни, из исторического опыта. И нужно различать инновации, прогресс применительно, скажем, к технике, науке и то же самое применительно к области культуры.

Элементарный пример. Если взять средства передвижения, то очевидно, что сегодня средства передвижения во всех отношениях лучше, чем это было двести лет назад. А если мы возьмем литературу, поэзию – разве нынешние литераторы лучше, чем были двести лет назад? Это, кстати, практический вопрос, который прямо связан с нашими учебниками, – что изучать в школе? Есть какие-то сферы, в которых надо быть ретроградом, – там, где верность традиции является более предпочтительной позицией, чем стремление к новому. В условиях глобализации мир становится единым, и это, конечно, здорово – потому что речь идет о новых информационных технологиях, об обмене товарами... А в том, что касается культуры, национальных традиций, языка? В духовных аспектах человеческого существования? Конечно, здесь глобализация – это смерть. И вектор здесь должен быть направлен в другую сторону, в сторону верности традициям, и, соответственно, консервативная позиция будет более продуктивной. То, что сегодня называется диалогом культур, – также можно рассматривать как конкретизацию принципов консерватизма.

Или другой вопрос – отношение к революциям, насильственным, нелегальным способам изменения общественных порядков. Известно, что консерватизм – противник революций. Но в каком смысле противник? Не только в том смысле, что он осуждает революции. Императив консерватизма состоит в том, что не надо доводить дело до этого. А надо вовремя осуществлять необходимые изменения. Конечно, Майдан – плохо, Арабская весна – плохо. Но то, что довело до этого, и те силы, что это сделали, – они были, возможно, еще хуже. Бердяев, когда с консервативных позиций анализировал и критиковал Октябрьскую революцию, писал, что в революции искупаются грехи прошлого: «Сверху не происходило творческого развития, не излучался свет, и потому прорвалась тьма снизу». Осуждая революцию всеми средствами, он одновременно осуждал те ошибки, которые к ней привели. В том числе со стороны господствующих классов.

Еще вопрос – отношение к прошлому. И здесь консервативный подход очень важен как уважительное, бережное отношение к прошлому. Это не исключает критику прошлого, но исключает глумление над ним. Прошлое нельзя выбросить, в этом проблема. Никто не может бывшее сделать небывшим. Консерватизм требует такого подхода: каким бы ни было прошлое жестоким, варварским, надо помнить, что это наше прошлое. Не чужое, а наше, и мы с ним связаны. И в этом смысле историческое беспамятство – страшная вещь. Мы в философии с этим столкнулись. Речь идет об огромном фрагменте нашей истории, когда русская философия, значительная и лучшая часть русской философии, оказалась за рубежом. И целое поколение философов, философская жизнь в стране были оторваны от нашего прошлого, от значительной части нашего философского прошлого, которая существовала где-то рядом, в параллельном мире. Бердяев сокрушался: меня знают во всем мире, а в России – нет. В конце 1980-х годов эта философия «серебряного века» начала возвращаться, и к настоящему моменту в своих основных именах и достижениях она уже к нам вернулась. Интеллектуальное освоение этого прошлого является для нас исключительно важной задачей.

Хотел бы указать на пример, как мне кажется, правильного отношения к прошлому. У нас недавно вышла 21-томная серия исследовательских книг, посвященных философии России второй половины XX века, важнейшим достижениям, именам в философии, которые имели место здесь, в СССР, в России, во второй половине XX века. А сейчас мы реализуем другой большой проект, более 40 томов, – «Философия России первой половины XX века». Эта серия продолжается, издано около 20 книг, и в недалеком будущем мы этот проект завершим. Конечно, в этой серии достойное место нашли и консерваторы. То есть наша задача – собрать воедино философский двадцатый век России, который был трагически разорван. И мы надеемся, что такая сборка нашей интеллектуальной истории будет происходить и в содержательном смысле.

Здесь есть очень важный аспект. Когда мы говорим о консерватизме, о важности консервативного взгляда, нельзя понимать это так, что мы теперь в наших теоретических работах, в нашем публично значимом мышлении должны ориентироваться по преимуществу на тех мыслителей, которые как бы клишированы в качестве консерваторов – на Леон-

тьева, Победоносцева, Розанова... С них необходимо снять, да фактически уже снято имеющееся клеймо реакционных мыслителей, они должны стать предметом внимательного изучения. Но это не должно быть перекосом в другую сторону, когда их идейные оппоненты окажутся ниспровергнутыми, заклеяменными, а они – победителями и единственными носителями истины. Вообще следует заметить: апелляция к консерватизму оправдана в той мере, в какой это позволяет разнородные, исторически противостоявшие друг другу идейные течения и общественные движения осмыслить как моменты (аспекты, формы) нашего национального бытия, в какой это помогает нам всем, какими бы разными мы ни были, объединиться в рамках, говоря опять словами Бердяева, «национальной поруки».

И последнее, что я хотел бы сказать. Консерватизм нельзя трактовать просто как *status quo*. Такое толкование консерватизма очень опасно, так как из него следует, что консерватизм закрывает перспективу развития. При таком понимании в общественном смысле консерватизм не будет иметь перспектив. Леонтьев, конечно, говорил о подогревании старого и подмораживании нового. Подморозить то, что есть, это в некоторой степени свойственно консерватизму. Как кто-то из русских консерваторов сказал: правда консерватизма в реальности. Его правда – именно в исторической реальности. Но реальность многообразна. В самой реальности идет борьба нового со старым. И здесь вы не всегда можете провести границу, отличить одно от другого.

Возьмем реальность нашего сегодняшнего дня, как один из примеров. Вот Конституция – она входит в эту реальность, она входит в состав тех элементов, которые следовало бы подморозить, если воспользоваться этой не совсем удачной метафорой? А если входит, то мы увидим, что там есть идея России как социального государства, идея России как правового государства. Это не столько констатация факта, сколько некая перспектива, задача, идеал. И хотя консервативный взгляд на мир не может быть интерпретирован как идеология и не формулирует законченного идеала, в свете которого стоило бы всё крушить и перерабатывать, но тем не менее он сохраняет, задает, не исключает духовную, идеальную перспективу развития, в том числе применительно к традициям в различных сферах нашего общества. Мне кажется, это тоже очень важный момент: правильно понятый консерватизм не исключает движения вперед, не исключает совершенствования общественных форм жизни.

«Среди западных консерваторов меняется отношение к России»

Сам факт проведения таких семинаров – это целая новая эпоха в становлении политически активного слоя в нашей стране. Если мы заинтересовались глубинными основами общественно-политического сознания и категориями, на которых строится любая, в том числе экономическая, доктрина, значит, мы на правильном пути.

Я согласна с предыдущими докладчиками, в особенности с академиком Гусейновым, в том, что востребованность нового осмысления консервативной философии, консервативного мировоззрения и консервативной идеологии объясняется невиданным вызовом со стороны постмодернистской идеологии, которая сейчас перешла в наступление на Западе. Она касается и нашего общества, но у нас есть больше оснований, возможностей и шансов противопоставить ей серьезно проработанную, основанную на глубинных категориях, присущих каждому человеку, идеологию.

Если обсуждать консерватизм в прикладном смысле, то начать надо с вопроса об отношениях личности и государства, с вопроса «что есть нация?». Ответ заключается или в доведенном до постмодернистской крайности ее руссоистском понимании – как совокупности индивидов с отметкой в паспорте. Или в том, что нация – это единый, преемственно живущий организм с общими историческими переживаниями, общими ценностями, мирозерцанием, общими представлениями о Добре и Зле. Что ставит и вопрос о национальной солидарности, а значит, преодолении того чудовищного социального неравенства, которое подрывает такое единство.

Мы должны развеять и некие мифы, что, скажем, социальное государство – прерогатива лишь левых теорий и философий, хотя даже понятия «левые» и «правые» родилось вовсе не из рассадки фракций в Национальном собрании Франции после революции, а из 25-й главы Евангелия от Матфея, где по правую сторону на Страшном суде Господь поместил овец, а по левую – козлищ. За что же наградил Господь праведников? «Алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня... так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25: 35–40). То есть ответственность сильного за слабого, государства за общество и всех обездоленных – это изначальная христианская заповедь, а не прерогатива марксизма.

Мы должны также развеять миф о том, что консерватор – это обязательно славянофил, при этом этакий воинствующий антизападник, готовый закрыться от всего. А либерал, значит, это обязательно западник. Даже русская политическая действительность второй половины XIX века являет нам такую пестроту в рамках консервативного поведения и такую пестроту в рамках либерального политического мировоззрения! Пожалуйста, Катков – западник, но консерватор. Данилевский – антизападник, но он гораздо либеральнее в политических и гражданских вопросах, начинал же вообще как фурьерист, даже был на заметке в жандармерии. Будучи консерваторами, мы можем иметь огромное разнообразие взглядов. Это источник внутренней дискуссии, поиска стимулов к развитию.

Консервативное мировоззрение – это не бизнес-проект. В подобном случае это был бы вульгарно либертариистский рационалистический подход, согласно которому всё, что не рентабельно, отсекается. В консервативной философии государство должно думать не только о том, что нужно и правильно, но о том, что должно и праведно. И когда мировоззрение учитывает это, его гораздо больше поддерживают люди, чем на счетах высчитанные утилитарные отношения ко всему, что принимается в обществе.

Нация – это преемственно живущий организм. Такому, консервативному, пониманию нации противостоит либертариистский подход, производный от антихристианской версии Просвещения, полной автономности человека от Бога и далее от всех ценностей – национальных, семейных, религиозных, групповых. Сегодня эта крайняя форма постмодернистских философий занесла меч и над ценностями, вытекающими из богоданной природы человека. Гомосексуальная тема стала трепещущей для европейских либералов не потому, что они хотят защитить вовсе давно никем не угнетаемые сексуальные меньшинства. Во всех законодательствах Европы есть нормы, которые обеспечивают им практически все экономические стороны и имущественные отношения брака. Дело в другом. Для либералов это бой за постмодернистскую идеологию, в которой человек должен быть освобожден от любых ограничений, в том числе своей богоданной природы. Квинтэссенция полной свободы – самому себе назначить систему ценностей. Но это энтропия свободы.

Небольшое терминологическое уточнение – либеральная идеология XIX века сегодня выглядит консервативной; в XIX веке мы все считались бы либералами, хотя сегодня причисляем себя к консерваторам.

Итак, свобода – древняя категория, не европейские правозащитники ее придумали. Эта категория идет из древнегреческой философии, а уж в христианстве это просто заложено. Мы говорим о свободной воле человека, но его физическое тело рождается совсем не свободным и поэтому находится в рабстве своей плоти. Мы зависим от узких параметров физической среды, от наличия кислорода, температуры. То есть физиология наша делает нас несвободными. И когда дух преодолевает плоть, тогда человек становится выше животного. Человек всегда ценил в себе способность духа управлять плотью, а не наоборот.

В консервативной философии обязательным аспектом свободы является для чего, а не только *от чего*. *От чего* – это как бы первая стадия, но для чего сразу влечет за собой вопрос о системе ценностей: для

того, чтобы творить что? Если нет проблемы для чего, а ставится только вопрос от чего, тогда рождается весьма своеобразная доктрина свободы. И вместо того чтобы сказать: «Я свободен, никто не может дать мне пощечину!» – рождается: «Я свободен, я каждому могу дать пощечину». Такая интерпретация свободы, находящаяся вне всякой системы ценностей – что есть Добро, что Зло, что есть грех, что есть добродетель, что есть красота, что есть уродство, – на Западе давно превратилась в свободу совершать любую мерзость и непристойность. Впрочем, инерция Добра так велика, что у Запада еще потенциала хватит на пару поколений. Но обозначенная тенденция очень опасна.

В консервативной трактовке свободы и явлений человеческих исканий понятны новые проблемы современного духа и творчества. Почему мы видим энтропию свободы и импотенцию культуры? Потому что мы понимаем, что свобода – это свобода воли, которая дана нам Господом, это дар Святого Духа, но она дана нам одновременно с умением и внутренне заложенным чувством, умением различать грань между Добром и Злом, и грехом. Отсюда метания грешного человека, не свободного от поползновения к греху, со свободной волей, но понимающего – *вот она грань*. Эта борьба между ощущением грани и поползновениями и породила исполинскую христианскую культуру, которая, конечно, не ограничивается литературой и искусством – это всё, что делает человек на Земле. К чему были бы монологи Гамлета и Макбета, если нет разницы, нет грани между Добром и Злом, грехом и преступлением. И гений Достоевского показал в «Бесах» два соперничающих искушения – «бесов коллективизма» и «демонов индивидуализма». Ставрогин, конечно, гротескный образ, это человек, не видящий грани между Добром и Злом, грехом и преступлением. Это проявляется даже в отсутствии у него всякого национального самосознания, он не хочет быть гражданином ничего, он гражданин мира и поэтому записывается гражданином кантона Ури. И кончает свою жизнь под этим грузом: «Гражданин кантона Ури висел...». Это гений Достоевского!

Энтропия свободы возникает, когда нет больше треугольника: ощущения добра, вызовов соблазнов зла, но и свободной воли. Именно в этих метаниях и родились исполинская человеческая культура и творчество. Если этих граней нет, то налицо импотенция, что на уровне земной жизни доказывает богословскую истину, согласно которой Зло несущественно, оно не имеет потенции ни к творению, ни к творчеству, и его псевдосуществование – в коррупции Добра.

В контексте либертаристской идеологии логично воспринимать и современную глобализацию. Естественный процесс глобализации подменен сегодня в пропаганде глобализацией политической – философией глобализма, глобального управления. Если на заре эпохи модерна глобализация была синонимом универсализации прогресса, предполагала, что втягиваемые периферийные круги начинают быстрее развиваться, то сейчас – это нечто обратное, переставшее быть синонимом прогресса. Втянутым в эти процессы глобального управления периферийным элитам внушается иллюзия сопричастности глобальной олигархии, а нациям – ложный идеал несопричастности к делам своего отечества в сочетании с антиконсервативной, либертаристской идеологией гражданина мира.

Продолжая обсуждение прикладных аспектов консерватизма, хотела бы подчеркнуть особую важность для нас политически активного класса. Мы хотим нащупать те внутренние рычаги и реперные точки, которые могут объединить нацию, подтвердить в ней чувство единого преемственно живущего организма, когда бедный и богатый, молодой и старый, образованный и необразованный чувствуют себя единым целым – как перед причастием в храме, а после причастия – особенно. Но у нас есть и актуальные внешние задачи.

Мой опыт работы с западным интеллектуальным сообществом, в том числе академическим, говорит о том, что наш резерв – это консервативная часть западного общества. У нашей элиты всегда была изумлявшая меня иллюзия, в частности в Думе по отношению к фракциям в Совете Европы: большинство полагало, что раз мы были коммунистическим государством, то лучше всего к нам будут относиться именно левые. Наоборот! Те левые на Западе, которых мы раньше поощряли как коммунистов, прекрасно влились в общелевое философское движение со своей универсалистской идеей построения униформного общества. Только раньше ключевым словом у них был «класс», а теперь «индивид». Среди них нам ожидать нечего. А консервативная часть западных обществ, которая ощутила опасность, исходящую от постмодернистов, стала самомотивировываться. Даже атеизированная Франция вдруг мобилизовалась и смотрит с надеждой на Россию. Среди поносимых западными либералами западных консерваторов меняется отношение к России. Произошла на глазах «демаргинализация» лояльного отношения к России, которая в глазах консерваторов осталась единственной державой, которая на государственном уровне и устами президента открыто встала на защиту традиционных ценностей.

Я навещала голодающую против политики Ф. Олланда Беатрис Бурж, основательницу движения «Французская весна». Окружающие Беатрис люди мне говорили: спасение придет от России. Так сегодня всё более смело говорят консерваторы. Они начинают задумываться: может быть, причина параноидального поношения России в западной либеральной прессе не в том, что Россия какая-то особенно варварская страна? А может, Россия – обыкновенная страна? Ведь и их, и нас поносят одни и те же люди, те самые, кто хочет, чтобы не было отца и матери, а были родитель № 1 и родитель № 2. Может быть, и Россию поносят за то, что она является какой-то альтернативой расчеловечиванию? Сегодня в дилемме «Россия и Европа» совершенно новое измерение. Главная дилемма – это «консервативная Европа против Европы постмодернистской», и Россия – на стороне консервативной Европы.

Если мы в общении с западными интеллектуалами не поддержим эту тенденцию, то упустим серьезный шанс.

**«Когда ломают статуи Ленина,
в этом есть что-то антирусское»**

С.С. Говорухин. Хочу предоставить слово Шахназарову раньше, чем я задумывал, потому что он умеет говорить очень коротко. Прошу, Карен.

Постараюсь быть кратким. Очень интересная дискуссия. Наталия Алексеевна глубокие мысли высказала. Наша страна потихоньку нащупывает путь к идеологии, которая нам нужна в той геополитической борьбе, которая ведется против России. Наличие идеи необходимо, чтобы удерживать позиции. Мне кажется, что президент сделал движение в эту сторону. Касательно термина «консерватизм» позволю себе высказать сомнения. Наталия Алексеевна, я согласен по существу с тем, что вы говорили. Но нет ли у вас ощущения, что сам термин не слишком выигрышный? Консерватизм, как бы о нем ни говорили, для большинства граждан, для молодежи не притягателен.

Когда ломают статуи Ленина на Украине, в этом есть что-то антирусское, антирусское. В той идее была притягательность для огромного числа людей в мире, для молодежи. За ней были партии, за ней было движение. Я не могу представить, чтобы слово «консерватизм» могло зажечь молодых людей. Все равно для них это нечто устаревшее.

Такие у меня опасения, хотя я понимаю, что смысл всей работы состоит не в консерватизме как таковом, а в том, что это традиционные, истинные ценности, человеческие ценности. Те ценности, которые нам предлагаются в современном мире, всё более становятся античеловеческими, они всё больше направлены против человека.

У меня возникает некоторое ощущение дискомфорта, когда слышу слово «консерватизм». Мне представляется, что это не сможет стать основополагающей идеологической основой. Как бы мы не оказались позади с этой идеей. Нужно сформулировать точную терминологию, которая будет привлекательна не только для нас, нам нужны союзники во всем мире. Мы должны убедить их в том, что предлагаемое нами необходимо всем. В этом аспекте вопрос терминов очень важен.

Консерватизм как стиль мышления и политическая повестка

Академик Гусейнов поставил вопрос о том, является ли консерватизм идеологией. И предварительно на него ответил – «нет», потому что в нем нет своей концепции общественного идеала. Это своего рода традиция в понимании консерватизма. Она респектабельная, ее многие придерживаются. Понимание консерватизма как антирадикализма, как полюса в любой идейной традиции, противостоящего радикальному прочтению любой идеологии. Консерватизм в этом смысле, несомненно, существует.

Однако можно говорить и о консерватизме как самостоятельной идеологической традиции, как об определенном идеологическом направлении, наряду с либеральной идеологией или семейством левых идеологий. Я согласен – у консерватизма в строгом смысле нет общественного идеала. Но это не единственный способ оценки вещей, это не единственный способ быть идеологией. У консерватизма нет общественного идеала, но есть своего рода миссия. Я бы назвал ее возобновлением истоков. Попробую пояснить...

История современной цивилизации, начавшей формироваться в Европе в Новое время, это не только история прогресса – в технологиях, в экономической эффективности, в сфере свобод и эмансипации человека от ограничений и угнетений. Но это и история некоей растраты. Растраты ресурсов, которые, возможно, являются невозобновляемыми, – ресурсов традиционного общества. Современная цивилизация выходит на арену, когда традиционное общество распадается. Это объективный, мучительный процесс. Повернуть его вспять невозможно, и консерваторы это понимают. Они понимают и риски, связанные с распадом традиционного общества.

Что это за ресурсы традиционного общества, которые, с одной стороны, жизненно важны для современной цивилизации, а с другой – ею размываются и уничтожаются? Это трудовая этика. Макс Вебер в известной работе «О протестантской этике и духе капитализма» сделал акцент на трудовой этике протестантских деноминаций как основе современного капитализма. Но по мере своего роста и развития, особенно при переходе к стадии массовых рынков, формировании потребительской цивилизации, капитализм эту трудовую этику разрушает. Это одна из проблем, о которой говорят социологи и философы. Это пример того, как ресурс традиционного общества, который мы унаследовали, разрушается современной цивилизацией, но при этом нужен ей.

Другой пример – семейная этика. Мы, современная цивилизация, унаследовали от традиционного общества определенную модель, как сейчас принято говорить, гендерных отношений. Эта модель позволяла долгое время поддерживать довольно высокую рождаемость. Когда современные технологии позволили сократить смертность, в течение какого-то периода происходил интенсивный рост населения. А потом имел место так называемый демографический переход, когда рождаемость резко начала снижаться. Современное общество оказалось перед проблемой старения. Ситуация, когда доля пожилого населения в общей совокупности постоянно растет, чревата целым рядом проблем и ставит не только вопрос об источниках наполнения пенсионных фондов, но и об эволюционной состоятельности современного человечества. И, в конце концов, кто будет потреблять на тех рынках, что создают современная цивилизация и современный капитализм? Современному технико-экономическому укладу не нужно много рабочих рук. Нас всё время пугают, что не хватит рук, нужна миграция – это не так. Современные технологии позволяют производить большой объем общественного богатства малым числом рабочих рук за счет трудозамещающих технологий. Но экономике нужно много потребителей. Это одно из противоречий современного капитализма. Непонятно, как мы можем рассчитывать на экономический рост, если мы вымираем?

То же самое можно сказать о христианской идее человеческой личности как некоем ресурсе, который мы наследуем от традиционного общества и который мы в каком-то смысле растрачиваем. Например, идея эмансипации – это идея, с которой современная цивилизация рождается, входит в Просвещение, эпоху борьбы идеологий. В ней нет ничего плохого. Это идея освобождения от гнета, от неких оков общества, это движение в сторону свободы человека. Но если мы посмотрим глубже, то заметим, что если этот процесс пойдет слишком далеко, начнет разрушаться сама структура человеческой личности. Потому что эмансипация предполагает не только освобождение от внешнего гнета, от внешнего принуждения со стороны общества, но и от своего рода внутреннего принуждения со стороны общества. Консервативная идея человека состоит в том, что каждый из нас, в той мере, в которой он является личностью, несет в структуре своей личности целый набор социальных институтов. Я – это не пустое «я», а член своего рода, семьи, носитель определенной национальной идентичности, наконец, я – это мужчина или женщина. Эмансипация в ее продвинутой фазе предполагает освобождение уже не только от внешнего принуждения со стороны общества, но и от тех ролевых моделей, которые вшиты в структуру человеческой личности. Поэтому в наиболее «продвинутых» странах прогрессоры, эмансипаторы приходят к детям в школу и говорят: «Это неверное представление, что раз вы рождены мальчиками, то должны следовать мужской этике поведения, а раз вы рождены девочками – то женской. Это всего лишь гендерные роли, то есть поло-ролевые модели, которые вы можете выбрать».

Всеми этими идентичностями, которые консервативная идея человека считает вшитыми в структуру человеческой личности, можно манипулировать, как конструктором. Наталия Алексеевна (Нарочницкая. – *Ред.*) совершенно права – когда сегодня повестка защиты сексу-

альных меньшинств или трансгендеров становится политически значимой и заряжает определенную часть европейской интеллигенции, будучи очень важной для нее, то дело не в собственно правозащитной деятельности – предмета для правозащитной деятельности уже нет. Дело в том, чтобы разрушить те ролевые модели, которые предписаны человеку от рождения. Потому что сам факт, что нам нечто предписано от рождения и что эти модели ограничивают нашу ложно понятую свободу, является вызовом для идеи эмансипации. Но тем самым она разрушает структуру человеческой личности.

Возникает парадоксальная ситуация. На старте идея эмансипации начинает развиваться только потому, что мы унаследовали от традиции христианскую идею человеческой личности и человеческой свободы и начали в европейской истории великий процесс ее институционализации – исходя из того, что права этой человеческой личности должны уважаться. А в какой-то момент мы приходим к тому, что сама структура человеческой личности, в ее христианском понимании, оказывается разрушенной и уничтоженной этим процессом. Где мы должны остановиться, чтобы реализовать творческо-созидательный компонент этого процесса и предотвратить саморазрушение антропоструктуры, структуры человеческой личности? Современные философы говорят о проблеме дегуманизации, о ее перспективе. Это одна из подспудных тем, которые очень волнуют современных консервативных мыслителей.

Это одна консервативная тема, которую я хотел затронуть. Есть и вторая, которая тоже является примером того, как консерватизм может ответить на вызов распада ресурсов традиционного общества в рамках современной цивилизации таким образом, чтобы их поддерживать и воспроизводить. Немецкий социолог Фердинанд Тённис предложил дихотомию, которая стала популярной в социологии, – «общность» и «общество». Общность – условно говоря, человеческое сообщество, мыслимое по образцу семьи, на основе неких органических связей. Общество – это приоритет договорных отношений. И предполагается, что линия развития современной цивилизации, основной трек, это переход от общества семейного типа общественных связей к преобладанию договорных связей. И Тённис, и другие социологи, которые об этом говорят, видят в этом риски. Потому что нарастает отчуждение, когда органическое соседское ощущение общины, что люди – твои братья, сменяется ощущением, что есть лишь расторгимые договорные отношения между людьми. Это рождает кризис солидарности, кризис норм. Неслучайно Эмиль Дюркгейм вводит такое понятие, как «аномия», то есть потеря авторитета норм, кризис ценностных регулятивов общества. Он размышляет о том, как преодолеть этот кризис, который рождается цивилизацией закономерным путем. Он предлагает идею корпоративизма, согласно которой социальные корпорации, социальные среды, построенные по профессиональному принципу, по принципу образа жизни, должны быть эрзац-общинами, заменителями традиционных общин в современном обществе. Эта идея отчасти реализовалась при построении корпоративных государств в первой трети XX века. Есть другая линия решения этой проблемы – создать в рамках современного массового общества, где люди атомизированы, элементы солидарности, элементы преем-

ственности поколений. Это идея национализма, который, в академическом смысле слова, подразумевает ориентацию на нацию как основную единицу общественной солидарности. Еще одна линия решения этой же проблемы поддержания органических взаимосвязей внутри современного массового общества – коммунитаризм, модная сейчас теория Чарльза Тейлора и Майкла Зайделя. Это способ органических взаимосвязей внутри малых общин и сообществ. Здесь всплывает и тема местного самоуправления. Это другой пример того, как консерватизм осуществляет некую стратегию даже не реакции – я согласен с академиком Гусейновым, что консерватизм реактивен, – но стратегию продуктивного реванша. В том смысле, что ресурсы традиционного общества в рамках массового общества можно воспроизводить и можно компенсировать атомизацию, дегуманизацию некоей контрстратегией. История консерватизма это и есть история такой контрстратегии, стратегии продуктивного реванша.

На мой взгляд, ее наиболее зримым воплощением является идея нации. С одной стороны, это одна из основных идей современной цивилизации, общества модерна. С другой – некое эхо традиционной модели социума. Это способ сохранить в современном массовом обществе те формы солидарности и органические взаимосвязи, которые были характерны для традиционного общества. И именно в контексте национальной идеи возникает осевая, на мой взгляд, политическая идея консерватизма. Это идея совместного наследия.

Если мы сравним между собой большие политические идеологии, то увидим, что у них не просто разные политические ценности, а разный источник политических ценностей. Для одних – это общественный идеал, идеал справедливого общества, во имя которого приносились революционные жертвы и затевались большие проекты переустройства человеческой жизни. Для других – идея индивидуальных прав и свобод, частной собственности. Так вот, на мой взгляд, для консерватизма таким источником политических ценностей является идея того, что мы как историческое сообщество, как нация, являемся обладателями сверхзначимого совместного наследия. Это то, что заставляет нас реализовывать совместные стратегии. Речь идет как о материальном наследии – земле, недрах, инфраструктуре, стратегических объектах, – так и о нематериальном – культуре, языке, исторических преданиях. Мы как члены этого общества, которое имеет коллективное наследство, гораздо богаче, чем как индивидуальные единицы. Потому что как членам этой общности нам принадлежит всё ее совокупное, накопленное поколениями богатство. И мы вправе и обязаны ставить вопрос, насколько оно продуктивно и рачительно используется, насколько мы адекватно реализуем свои права и обязанности наследников.

Одна из претензий, предъявляемых консерваторам, состоит во властепоклонстве, лоялизме по отношению к государству. Это подразумевается как бы по определению. Это несправедливо. Консерватор, по определению, куда более требователен по отношению к своему государству, чем либерал или марксист. В чем для либералов основание требовательности к государству? Мы платим налоги, дайте нам дороги. Это справедливо, но, что называется, от сих до сих. Наше государство

получает налоги преимущественно от крупных корпораций, поэтому в России такая логика требований к государству хромает. Не частные лица составляют бюджет, а корпорации. Марксистская же линия требовательности к государству состоит в том, что капитал присваивает прибавочный продукт, а государство является агентом капитала, то есть государство косвенно присваивает наш труд.

Основание же консервативной идеи требовательности по отношению к государству другое: государство – это распорядитель нашего совместного наследства, которое оставили нам предшествующие поколения, материального и нематериального. Отсюда вырастает практическая повестка консерватизма. В том, что касается материального наследства, вопрос номер один: «Как сделать так, чтобы стратегические объекты и активы работали на общественное благо?». Форма собственности может быть самой разной, но режим экономического использования стратегических объектов должен быть таким, чтобы они работали на общественное благо. Здесь мы говорим о проблеме недропользования, деофшоризации экономики, о тех вопросах, которые Сергей Юрьевич (Глазьев. – *Ред.*) поднимал в своем выступлении. В том, что касается нематериального наследства, вопрос номер один: «Как сделать так, чтобы это большое нематериальное наследие стало ресурсом воспроизводства человеческой личности и нации?». Консервативная идея образования отличается от либеральной тем, что мы видим в системе образования не только способ выработки профессиональных компетенций и навыков, но и систему, модель формирования нации. Именно так рождались современные системы образования в Европе в XIX веке. Потом эту функцию они стали утрачивать. Хотелось бы, чтобы мы эти истоки не теряли.

Итак, я представил две линии размышлений, две темы, важные для консерватизма. Первая тема – это то, что можно назвать традиционными ценностями семьи и христианским пониманием человеческой личности, то есть сопротивлением дегуманизации в ее современном виде. Другая тема – это совокупное наследство, материальное и нематериальное, которым мы должны эффективно распорядиться. Эти две темы представляют идеальную модель для распределения ролей государства и общества в консервативной политике. Если всё, что касается общественного наследия, это по преимуществу прерогатива государства и его прямая обязанность (и стратегические недра, и система образования), то всё, что касается политики защиты, актуализации традиционных европейских ценностей, – это задача общества. Здесь государство может сильно навредить, если будет насаждать это напрямую. В данном случае задача государства скорее оградить от зла, чем насадить добро. Условно говоря, не пустить в школы тех западных культуртрегеров, которые будут рассказывать детям, что есть родитель № 1 и родитель № 2, а гендерные идентичности можно свободно выбирать, в зависимости от вкусовых пристрастий. Не пускать этих людей в школы – задача государства. Но всё остальное – реализация позитивной стороны консервативной повестки – задача активного гражданского общества.

«Власть в школьном образовании принадлежит двум группам лиц»

Скажу несколько слов о том, о чем только что справедливо заметил коллега в своем докладе. Образование при любой трактовке понятия «консерватизм», хоть теоретической, хоть практической, это некий ключевой пункт, потому что образование создает каркас нации. Консерватизм уделяет значительное внимание преданиям, духовным традициям нации. А кто их передает? Из общественных институтов, без сравнения, важнейший – общая массовая школа. От того, как она поставлена, многое зависит в обсуждаемой сегодня области. С общей школой у нас беда. Эта система передачи отеческих преданий от поколения к поколению неизбежно ломается в годы слома.

Например, без малого сто лет назад, когда Отечество наше перешло из состояния Российской империи к состоянию РСФСР, наряду со многим другим была сломана общая массовая школа. В течение нескольких лет ее тяжело лихорадило. Там царствовали люди, похожие на тех, кто царствует в ней сейчас, – педологи всякие. Добрые большевики терпели их меньше десяти лет. В течение десяти лет они на всё это смотрели сквозь пальцы – видимо, у них были другие дела. А когда поняли, что проку не получается, педологи были разогнаны и в целом страна вернулась на траекторию школы, которую определила гимназия Российской империи. В чем-то эту траекторию улучшили, в чем-то ухудшили, но традиция продолжалась.

При сломае в 1991 году тоже могла бы капитально сломаться традиция массовой школы, но она не очень сломалась, прежде всего потому, что пришедшим к власти людям было абсолютно не до школы. И потому 1990-е годы, которые многие справедливо бранят за всякие беды, как раз педагоги вспоминают с каким-то странным восторгом. Школа была тогда в дикой нищете, денег им не платили практически вообще, но школа была абсолютно свободна. Поскольку тогда в школе было больше, чем сейчас, людей, которые любят детей, любят учить, саму идею школы, то, в общем, творилось много хорошего. Большинство замечательных школ, которыми мы гордимся и сейчас, возникли или окрепли в 1990-х годах.

Потом началась беда, начался слом, началась реформа. Большевики терпели все эти радости меньше десяти лет. Мы «реформируем» уже больше пятнадцати. Конца этому нет и, кажется, не будет. Школу, то есть институцию, созданную человечеством, чтобы передавать традицию каждому последующему поколению, трясет уже пятнадцать лет.

Это не лезет ни в какие ворота, и этому не будет конца, потому что сейчас полная власть в школьном образовании принадлежит двум группам лиц – и обе они категорически школе противопоказаны.

Первая группа – это идеологи реформы, профессиональные реформаторы. Они занимаются только реформой. В тот момент, когда слово «реформа» по каким-либо причинам станет неудобно произносить вслух, они лишатся рабочих мест. Эти люди полностью царствуют в идеологическом отношении. Разумеется, я выражаю здесь очень жесткую точку зрения и в чем-то сознательно обостряю.

Вторая группа, возможно, более страшная, – это чиновники. Такого дикого чиновничьего гнета, который сейчас испытывает школа, не было никогда. Не знаю, как в смысле международных сопоставлений, – может быть, в какой-нибудь державе, в Ботсване или, наоборот, в Гонконге, такое когда-либо было – в России же ничего подобного никогда не было, ни до Советов, ни при Советах. Невозможно. Чиновники задавили. Нет под рукой цифр – так ли их много, как кажется. Кажется, что их невероятно много. Эти люди не знают ничего об образовании, они все «эффективные менеджеры» и занимаются тем, что «контролируют». Они не занимаются образованием, они занимаются реформой образования и контролем образования. Поэтому всякий педагог, прежде всего в общей школе, но уже давно и в высшей школе, отдает дикое количество времени заполнению абсолютно бессмысленных бумаг. Количество этих бумаг возрастает в какой-то невероятной прогрессии. В школе кошмар. Проверяющий приезжает каждые полчаса, ты должен положить на стол несколько документов – написанный в августе план на год, поурочный, где, в частности, про каждый урок написана не только тема, которую ты будешь обсуждать с детьми, но и какие пробелы в их знаниях ты будешь закрывать. То есть ты в августе должен написать, какие пробелы, сложившиеся в марте, будешь закрывать на уроке в апреле. Приедет проверяющий, положит на стол этот план, классный журнал, дневники детей, и если что-нибудь с чем-нибудь не совпадет, если дата изучения какой-то темы в классном журнале на два дня разойдется с давним планом, ты вылетишь из школы с волчьим билетом. Что происходит?!

Школа продолжает быть нищей. Провозглашенный курс повышения заработной платы учителям до средней по региону – это прекрасно. Но курс этот не свободен от лукавства. Никто не говорит о том, о чем надо говорить, – что до средней по региону должна быть доведена оплата учительской ставки. Вместо этого говорят, что должна быть доведена заработная плата. Каждый год средняя загрузка учителя, даже измеренная только в учебных часах, растет. А ведь она должна быть умножена на три. Потому что помимо работы для уроков учителя пишут тонны бумаг. Об этом никто не говорит. Вы серьезно думаете, что какие-то лучшие люди пойдут учить детей? Поговорите с настоящими учителями – они вам скажут.

И всё это обернуто в плотный слой лганья. Существует такое развлечение – «эксперимент по-минообразовски». Всё, что они придумывают, они проводят через «эксперимент». Они объявляют, что нечто экспериментально будет опробовано в нескольких регионах – и опробуют. Но за всё время реформ никто не подвел цивилизованным образом

итоги ни одного такого «эксперимента». Не было не только независимого доклада, не было вообще никакого доклада о результатах – никогда. Всегда говорят «эксперимент прошел, мы внедряем». Кто прошел? Куда прошел? Помню, как я был потрясен – и не только я; это было, кажется, в конце инвеституры президента Медведева. На встрече с учителями Дмитрий Анатольевич сказал: «Сколько езжу по стране, не видел ни одного учителя, который против ЕГЭ». У нас у всех рты открылись: мы-то почти не видели учителей, которые «за».

Эта плотная завеса лганья, которая окружает реформирование образования, по-видимому, всех устраивает. На полемику они не идут. Есть такой великий педагог Сергей Евгеньевич Рукшин. Это единственный человек в мире, у которого в учениках сразу два филдсовских лауреата – знаменитый Перельман и менее знаменитый Смирнов. Ну, ты хотя бы иногда послушай, что Рукшин говорит. Вдруг он лучше тебя понимает в педагогике? Я видел, как с ним обращаются на конференциях. Я постеснялся бы так обращаться с дворовым псом. Если ему и дают иногда слово сказать, то ответа он не удостоивается ни-ког-да. «Кто ты такой? Мы реформаторы, мы передовые. А ты кто?».

Пример последних месяцев. С неба свалилась очередная концепция – на этот раз реформы педагогического образования. Когда только начинали мучить школу пятнадцать лет назад, все до одного умные люди говорили, что в школе плохо и надо исправлять положение, причем прежде всего надо заняться педагогическим образованием. Без этого всё остальное – паллиативы, которые не сыграют никакой позитивной роли. Не прошло и пятнадцати лет – послушались. Но как? Мы думали, что педагогическое образование надо серьезным образом улучшать. Минобр же за последние два года закрыл две трети существующих в России педвузов – что-то просто закрыл, что-то слил с университетами, то есть две трети – это ликвидированные учебные единицы. А теперь объявил реформу оставшегося педагогического образования, которая сводится к тому, что не надо перегружать будущих учителей теоретическими дисциплинами – дескать, это всё фигня, никому это не нужно. А нужно, чтобы они уже на студенческой скамье начали давать уроки – чтобы они в практике обучались. То есть, в сущности, остатки педагогических университетов и институтов перевести в состояние советских педтехникумов. (Это два-три года короткой натаски, практика по-быстрому – и иди в детский сад воспитателем.) Сейчас то же самое предполагается практически для всей школы. Никто никого ни о чем не спрашивает. Какой разумный директор школы позволит, чтобы в его школе ничего не умеющие детишки-студенты учили доверенных ему детей? Какие родители будут на это смотреть благосклонно, чтобы их детей в течение трети учебного времени учили недоучки?

Никто никого ни о чем не спрашивает. Уже объявлено, что будет эксперимент в течение двух лет, кажется, в семи регионах, а потом это будет внедрено. Тот же помянутый мною Рукшин волком воет. В центральную прессу он проникнуть не может. Его публикуют только в тех изданиях, где не боятся министра Ливанова. И что? Нет ни одного человека, нет ни одного успешного практического педагога, который одобрил бы эту реформу. Не по должности одобрил, а сам. Судьба ее известна:

как с ЕГЭ экспериментировали и одобрили, так и это будет экспериментировано и одобрено. И когда реформа педагогического образования, наконец, пройдет, это будет означать, что реформа школы завершена. И это единственное, что хорошо.

Конечно, результат не будет совсем уж похоронным потому, что до сих пор, при гигантском давлении, при страшных условиях, есть масса хороших школ в России. Если на них перестанут хотя бы с каждым днем всё больше давить, они оставят возможность для воскрешения массовой школы, когда и если до этого у кого-нибудь дойдут руки.

Россия и мир: консерватизм в российской внешней политике

Что такое консерватизм во внешней политике? Если говорить о периоде до 1917 года, то ответ очень простой. Политика российской власти была консервативной. Императоры следовали консервативной политической линии, за исключением коротких периодов, когда, например, Александра I одолевали некие либеральные идеи, распространявшиеся и на международную арену. В Советском Союзе присутствовали элементы внешнеполитического консерватизма, но они были далеко не главными, потому что Советский Союз был силой, поддерживавшей революционные перемены в мире, что является антиконсервативным принципом. В конце 1980-х – начале 1990-х годов, при Горбачеве и Ельцине, впервые в истории нашей страны были испробованы либеральные принципы внешней политики, основанные на принципах «нового мышления», «общеевропейского дома» и т.д. Это оказалось одной из причин распада Советского Союза и беспрецедентного ослабления позиций на международной арене. Возрождение консервативных принципов в постсоветской России связано прежде всего с деятельностью Евгения Примакова на посту главы МИД, а затем этот курс был закреплён во внешней политике Владимира Путина и продолжался в тот момент, когда Дмитрий Медведев был президентом Российской Федерации.

Каковы консервативные принципы внешней политики? Когда я начал думать об этом, готовясь к нашему круглому столу, я их вычленил – пятнадцать. Наверное, их может быть и больше, и меньше, но у меня сегодня получилось так.

Первый консервативный принцип: «Россия – великая держава». De facto она стала такой под Полтавой в 1709 году. И, как восхищался Николай Карамзин, «внешняя политика сего царствования достойна особенной хвалы: Россия с честью и славою занимала одно из первых мест в государственной европейской системе. Воинствуя, мы разили. Петр удивил Европу своими победами – Екатерина приучила ее к нашим победам. Россияне уже думали, что ничто в мире не может одолеть их, – заблуждение славное для сей великой монархини!»¹.

Речь шла, безусловно, о Екатерине II, в правление которой Россия не просто по факту являлась, но и стала вести себя, осознавать себя не просто как европейская, но и великая евразийская держава. Российская Федерация обречена на роль великой державы хотя бы в силу своего гео-

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 42.

политического положения, обречена действовать как великая держава, опирающаяся на величие российского духа, российских традиций. И нам не пристало заниматься самобичеванием, проявлять комплекс неполноценности. Идея величия России не менее обоснованна, чем величия Франции или американской мечты.

Второй консервативный принцип во внешней политике: гордость за свою страну и за ее политику. У нашего Отечества великое прошлое, это ветвь арийского племени, которая спустилась, вероятнее всего, с Карпатских гор, мирно заселила Великую Русскую равнину, дошла до Тихого океана, основала Форт-Росс в Калифорнии, впитала в себя богатейшие соки культур Византии, Европы, Азии, разгромила самого страшного врага человечества – нацизм, проложила человечеству дорогу в космос. «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие»¹, – уверял Александр Сергеевич Пушкин.

Третий принцип: антиреволюционность. Великая Французская революция, которая и положила начало консерватизму как реакции на нее, по словам британского историка Нормана Дэвиса, «погрузила Европу в самый глубокий и продолжительный кризис, который та когда-либо знала. Эта революция своими бунтами, войнами, нововведениями поглотила целое поколение»². Основателем антиреволюционной политики был все-таки Павел I, который видел свою миссию в том, чтобы быть восстановителем тронов и оскверненных алтарей. А Александр Суворов видел свою миссию, чтобы «выгнать из Италии безбожных, сумасбродных, ветреных французов, восстановить у вас и во Франции тишину, поддержать колеблющиеся троны государей и веру христианскую, защитить нравы и искоренить нечестивых»³. Александр I после победы над Наполеоном выступил инициатором создания Священного союза, который был призван хранить новый политический порядок в Европе. Акт о создании Священного союза он написал собственной рукой. Это было объединение христианских государств. Первоначально это Россия, Австрия, Пруссия, которые подчинялись «высоким истинам, внушаемым высшим законом Бога Спасителя». Позднее к союзу присоединились Англия, Уэльс, короли французский, шведский, норвежский, датский, нидерландский, сардинский, Обеих Сицилий, испанский, португальский, государи и вольные города Германии, Швейцарский союз. В 1820 году в Троппау был заключен союз России, Австрии и Пруссии, который современный американский аналитик Марк Мазовер называет подгруппой консервативных держав уже внутри концерта европейских держав. И вот этот европейский концерт обеспечил Старому свету самый мирный век в его истории. Мир поддерживался именно балансом сил, важным компонентом которого стала Россия, без которой, как тогда говорили, ни одна пушка в Европе не стреляла. И современная Россия, как мы знаем, также является сторонником стабильности, самостоятельного развития государств, не прерываемого разного

¹ Пушкин А.С. Собрание сочинений. Т. 6. Критика и публицистика. М.: ГИХЛ, 1962. С. 20.

² Дэвис Н. История Европы. М., 2004. С. 499.

³ Орлов Н.А. Поход Суворова в 1799 году. По запискам Грязева. СПб.: Столичное скоропечатание, 1898. С. 152.

рода «цветными» революциями, которые навязываются извне и несут людям гораздо больше бед, чем счастья.

Четвертый принцип: безусловный приоритет национальных интересов. Прочитую только одно изречение Александра III – то, что он начертал на донесении посла П.А. Сабурова: «Я понимаю одну политику: извлечение из всего всё, что нужно и полезно России, и меньше жениться для извлечения этой пользы, а действовать прямо и решительно. Никакой другой политики не может быть у нас, как чисто русская, национальная; никакой другой политики быть не может и не должно»¹.

Пятый принцип: Россия как самостоятельная цивилизация и самостоятельный центр силы. Либералы считают нас частью Запада, но консерваторы уверены, что Россия – это самодостаточный культурно-цивилизационный феномен, который может быть описан только в собственных терминах. Это огромный, целостный, уникальный мир со своим генетическим кодом, историей, системой архетипов социальности, культуры, духовности, с особым способом их проживания в истории. Россия не является ни западной частью Востока, ни восточной частью Запада, это стержневое государство, самостоятельная цивилизация, как бы мы ее ни назвали – российской, восточно-европейской, хотя европейская цивилизация нам наиболее близка. И традиционно к нам тяготеют те страны, которые принято называть ядром Содружества Независимых Государств. Путин в предвыборной статье 2012 года прямо говорил: «Мы будем последовательно исходить из собственных интересов и целей, а не продиктованных кем-то решений. Россию воспринимают с уважением, считаются с ней только тогда, когда она сильна и твердо стоит на ногах. Россия практически всегда пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику»². Потенциал для этого есть. Это постоянное членство в Совете Безопасности ООН. Мы – единственная евро-тихоокеанская держава. Мы – энергетическая, ядерная, космическая, ресурсная сверхдержава, которая внесла огромный вклад в развитие мировой цивилизации на протяжении последнего тысячелетия. Но, конечно, ресурс в качестве самостоятельного центра силы надо наращивать.

Шестой принцип: внешняя политика – это средство решения задач развития страны, создания благоприятных внешних условий для модернизации экономики, укрепления позиций России как равноправного партнера на мировых рынках. Консерваторы – да, они сторонники свободного рынка, – но уверены в необходимости установления твердого правового порядка для бизнеса. Отсюда, кстати, такая консервативная политика, предложенная Путиным, как деофшоризация нашей экономики, то есть возвращение крупнейших корпораций, конечными бенефициарами которых являются российские граждане, в нашу юрисдикцию.

Седьмой принцип: примат международного права, центральная роль Организации Объединенных Наций. Действительно, Россия настаивает на верховенстве права, на развитии дружественных отношений между государствами на основе равноправия и уважения суверенитета и территориальной целостности. И Россия выступает за реформу ООН, которая

¹ Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. М.: Наука, 1974. С. 198.

² Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февраля.

позволяет продвинуться к созданию механизма глобального управления именно на ее базе, и выступает за запрещение действий вне мандата Совбеза ООН или с расширительным его толкованием для осуществления военных операций, как это, например, имело место в Ливии.

Восьмой принцип: создание интеграционного объединения ценностей и интересов. Либералы, как вы знаете, настаивали на том, чтобы Россия сбрасывала с себя балласт. Сбросили мы балласт союзных республик, остались сами знаем с чем. Кроме того, создание интеграционного объединения – это обеспечение стратегической глубины России на самых разных направлениях. Конечно, то, что делается в русле интеграции на постсоветском пространстве, исключительно важно. Как подчеркивал Путин, именно опыт СНГ позволил нам запустить многоуровневую и разноскоростную интеграцию на постсоветском пространстве, создать такие востребованные форматы, как Союзное государство России и Белоруссии, Организация Договора о коллективной безопасности, Евразийское экономическое сообщество, Таможенный союз и, наконец, Единое экономическое пространство. Конечно, речь не идет о том, чтобы воссоздать СССР, – наивно пытаться реставрировать то, что осталось в прошлом. Но то, что нужно пытаться восстановить на новой основе интеграцию того, что возможно восстановить, – это бесспорно.

Девятый принцип: многовекторность. Либералы выступают за ориентацию исключительно на Запад и свет на Западе. Но еще Столыпин говорил, что российский орел двуглавый – если мы отсечем ему одну голову, он не станет одноглавым, он истечет кровью. Полицентричность современного мира предполагает и многовекторную внешнюю политику, позитивную повестку дня в отношениях со всеми основными центрами силы. Мы заинтересованы в сближении с Западом, и интерес этот связан прежде всего с потребностями модернизации России, привлечением инвестиций, новейших технологий. Запад при всех нынешних трудностях по-прежнему остается наиболее развитой и влиятельной частью планеты, хотим мы того или нет. Мы за партнерство, основанное на принципах неделимой безопасности, взаимного доверия, транспарентности и предсказуемости. Но Россия не готова идти на какие-то жертвы во имя евроатлантической интеграции, не испытывает комплексов от того, что не входит в какие-то альянсы или не является чьим-то младшим партнером – НАТО или Европейского союза. Императивы XXI века заставляют взглянуть на Российскую Федерацию не только как европейскую, евразийскую страну, но и как евро-тихоокеанскую. Эта геополитическая ориентация может оказаться весьма перспективной в мире, где центр тяжести смещается к Тихому океану. И нам пора избавиться от недооценки государств, которые расположены к югу от границ СНГ. Понимая, что оттуда исходит угроза безопасности, мы не должны разделять предубеждения Запада в отношении исламского мира и должны быть открыты к сотрудничеству с ним.

Десятый принцип: отрицание однополярности, поддержка принципов многополярного мира. Я опять процитирую Владимира Путина, на сей раз его мюнхенскую речь, где он говорил об однополярном мире. «Как бы ни украшали этот термин, он в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в

конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри. И это ничего общего не имеет, конечно, с демократией. Потому что демократия – это, как известно, власть большинства при учете интересов и мнений меньшинства»¹. Курс на многополярность проявляется в возросшем внимании к таким институтам, как Большая двадцатка, которая представляет основные центры цивилизационного притяжения, развитие партнерства в формате БРИКС, сотрудничества с Организацией Исламской конференции, Африканским союзом, АСЕАН, МЕРКОСУР, другими объединениями развивающихся стран.

Одиннадцатый принцип: коллективные усилия для противодействия глобальным вызовам в противовес унилатерализму США. Безусловно, необходимо содействие коллективным усилиям по противодействию глобальным вызовам и угрозам, как то: распространение оружия массового поражения, международный терроризм, наркотрафик, организованная преступность, региональные конфликты.

Двенадцатый принцип: внешняя политика строится на сильной обороне. Как и любое другое государство, Россия не имеет права сбрасывать со счетов фактор военной силы. Не ослабляя оборонных усилий, Россия может сохранить свободу рук и независимость в международных делах, не опасаясь силового давления и шантажа. Слабость – это всегда приглашение к агрессии. И консерватор никогда не будет допускать одностороннего разоружения, как это делали Горбачев или Ельцин.

Тринадцатый принцип: учет собственных сил и возможностей. Консерваторы исходят из реальности. Александра I очень сильно критиковали за Тильзит, и он пишет матери, что России нужен тайм-аут, «чтобы иметь возможность некоторое время дышать свободно и увеличивать в течение этого столь драгоценного времени наши силы и средства». Или вспомним, как после Крымской войны, когда Александр Горчаков, лицейский приятель Пушкина, министр иностранных дел Александра II, в первом циркуляре дипломатическим представителям 21 августа 1856 года написал свои знаменитые слова: «Россию упрекают в том, что она изолируется и молчит перед лицом тех фактов, которые не согласуются ни с правом, ни со справедливостью. Говорят, что Россия сердится. Россия не сердится. Россия сосредоточивается». И, накопив силы, уже через несколько лет покончили с Парижским договором. И вновь, уже Александр II обрел огромное политическое влияние и смог остановить франко-пруссский конфликт 1875 года лишь одним своим визитом в Берлин.

Надо воспринимать мир таким, какой он есть, а не каким мы его хотели бы видеть. По целому ряду параметров Россия оказалась в гораздо менее благоприятном геополитическом положении, чем СССР, ее международный вес заметно ниже. Консерваторы являются сторонниками максимально прагматичного подхода, опирающегося на принцип государственного интереса и на учет реальных возможностей страны.

Четырнадцатый принцип: святость территориальной целостности страны. Консерваторы исходят из того, что у нас лишней земли нет и быть не может. Территория страны при консерваторах увеличивалась. Консерваторы не отдают Крым, консерваторы не подписывают Бело-

¹ Путин В.В. Россия и меняющийся мир.

вежских соглашений. Консерваторы не отдадут Курильские острова, как это призывают сделать либералы. Территориальная целостность свята.

И последний, *пятнадцатый, принцип*: сопротивление внешним давлению, суверенитет во внутренних и внешних делах. Нельзя стараться всем и всегда нравиться. Николай I хотел всем понравиться и получил Крымскую войну. Горбачев хотел всем понравиться, и мы получили развал страны. У нас всегда будет плохой имидж на Западе, что бы мы ни делали. Он остается неизменным с 1520-х годов, со времен Василия III, когда очередной раунд попыток вовлечь Россию в западную систему в качестве вассала после падения ордынского ига завершился безрезультатно. Именно с этого времени на Западе формируется оставшийся неизменным образ России как варварского, безбожного, отсталого и враждебного государства. Такое восприятие России – часть западной матрицы. Страна наша выступала и выступает в роли того антипода, глядя на который Запад возвышает свою систему ценностей в собственных глазах. Отказаться от такого образа России для Запада означало бы потерю идентичности. Даже когда мы были союзниками в годы Первой и Второй мировых войн, политика Запада в отношении России была как минимум трехслойной. На первом, высшем, уровне всё могло выглядеть чинно, но даже союзников сдавали. Сдали Николая II, сдали Горбачева. На втором уровне – элитном – к России всегда относились плохо, считая русских полуварварским племенем. Отсюда во все времена ужасный образ России в западной прессе. О России хорошо писали только дважды – несколько месяцев в 1917 и 1991 годах, когда Россия распадалась. А на третьем уровне, общественно-политическом, осуществлялась поддержка оппозиции внутри нашей страны, причем у разных государств всегда были свои любимые оппозиционеры. Приветствовалась дестабилизация правительства, поощрялись антироссийские настроения на периферии. Российские революционеры, в том числе откровенные террористы, как, например, глава эсеровской боевой организации Гершуни, всегда чувствовали себя на Западе не только как дома – они там были героями, их на руках носили. Демократия – это когда политика строится в соответствии с волей собственного народа, а не под влиянием финансируемых извне организаций, преследующих интересы других государств. Отсюда, кстати, и наш закон об иностранных агентах.

Карамзин, первый наш историк и, по моему убеждению, первый наш консерватор-интеллектуал, писал: «Державы, подобно людям, имеют определенный век свой: так мыслит философия, так вещает история. Благоразумная система в жизни продолжает век человека, – благоразумная система государственная продолжает век государств; кто исчислит грядущие лета России? Слышу пророков близкогоконечного бедствия, но, благодаря Всевышнего, сердце мое им не верит, – вижу опасность, но еще не вижу гибели!»¹.

И сегодня Россию рано хоронить. Крайне важно, опираясь на знание прошлого, предложить образ достойного завтра, потому что российская цивилизация всегда была, есть и, я уверен, будет не воспоминанием о прошлом, а мечтой о будущем.

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. С. 109.

О.Х. Авдыш. Я хотел бы уточнения, Вячеслав Алексеевич. Вы говорите, всегда плохая Россия на Западе, и я в принципе согласен с этой позицией. Но в психологии известен феномен: если вы всегда сравниваете себя с кем-то, неважно в чью пользу идет сравнение, следовательно, вы от него и зависите. Получается, что сравнением Запада с Россией Запад привязывает себя к России больше, чем Россию к Западу. И наша святая обязанность во внешней политике этим пользоваться, мне так кажется.

В.А. Никонов. Хорошо если бы это было так. Но я не уверен, что Запад в большей степени зависит от нас. В свое время Александр Николаевич Яковлев, которого я никогда не уличил бы в консерватизме, сказал: мы самую плохую вещь сделаем для вас, для Запада – исчезнем как угроза. И затем мы исчезли как Советский Союз и этим Запад несколько напрягли, потому что спланированная сила советской угрозы исчезла и Запад начал больше рассыпаться на «старую» и «новую» Европу, между Европой и Америкой начались трения. Появились противоречия между Германией, Францией и США. То есть определенная зависимость их от того, что происходит у нас, имеется, и мы можем создавать некоторые проблемы. Но они нам могут создать гораздо больше проблем, и они их создают. Если бы у нас была «пятая колонна» в других странах, как это было во времена Коминтерна, тогда можно было об этом говорить. У Советского Союза возможностей влиять на Запад было гораздо больше. Россия эти инструменты утратила. Поэтому нам, безусловно, нужно там создавать свои инструменты «мягкой силы», но как мы это будем делать сейчас, я, честно говоря, не очень хорошо представляю. Потому что у нас в качестве инструмента «мягкой силы» за рубежом работают три-

четыре, максимум десять организаций. А в США только, не считая другие страны, их пятнадцать тысяч. И некоторые финансируются лучше, чем Министерство иностранных дел Российской Федерации. Поэтому говорить о том, что мы как-то сильно воздействуем на происходящее в мире, я бы не стал.

Л.В. Поляков. У меня не вопрос, а скорее небольшое дополнение к тому, что сказал Вячеслав Алексеевич. Четвертый принцип – приоритет собственных национальных интересов. Национальные интересы зависят от того, как мы сами понимаем себя. Приведу известный британский пример. Британия – родина консерватизма, рекомендую никогда об этом не забывать и чаще туда смотреть, при всём том, что Россия не Запад и никогда им не будет. У Великобритании нет постоянных друзей, нет постоянных врагов, у нее есть постоянный национальный интерес. Сказано это было еще в XVIII веке и означало только одно: не важно, у власти тори или виги или потом тори или лейбористы, важно следить за тем, чтобы на континенте никогда не возникла сила, превышающая по своей мощи Великобританию. То есть для англичан знаменитая чеховская краткая формула «англичанка гадит» означала только одно: англичане плели интриги против всех на континенте, кто с их точки зрения мог создать мощную коалицию, которая превосходила бы силу Британской империи. Просто и понятно.

С этим тесно связан вопрос о «мягкой силе». Настоятельно необходима выработка – прежде всего для внутреннего потребления – консервативного кредо, идеологии консерватизма. Эта идеология – один из трех защитных контуров, о которых мы вчера говорили: моральный защитный контур государственности, политический

защитный контур и идеологический контур. Если идеологического контура – собственного понимания себя с точки зрения консерватизма – не будет, то и проекция вовне всегда будет проседать. Пятнадцать принципов прекрасны, но если мы не знаем, кто мы и какой у нас консерватизм, проецировать вовне будет нечего. Это то самое оружие, которым располагают сегодня США, это тот самый запрос на идеологический консерватизм – при всем понимании его иной природы, отличающейся от либеральной идеологии и левой идеологии. Если мы внутри себя не поймем, кто мы, – а на этот вопрос может дать ответ только консерватор (потому как все остальные ответы будут импортированы), – значит, нам нечем будет наполнять эти пятнадцать принципов.

Архимандрит Тихон (Шевкунов). Спасибо, Вячеслав Алексеевич, за блестящий доклад. Может быть, я не дослышал, вы говорили о политических принципах, но, наверное, стоит упомянуть и об этическом принципе консерватизма, который, наряду с политическим, чрезвычайно важен. И вообще, примат этических ценностей – это основной признак настоящего, благородного консерватизма. Качества, которые были присущи в первую очередь русским консерваторам, – это честь, долг, верность, благодарность,

великодушие. И в этом смысле я очень благодарен академику Гусейнову, который подчеркнул, что консерватизм – для меня это было просто открытие – это не идеология, это политическая позиция, политические принципы, но не идеология. И это необычайно драгоценно, потому что таким образом в политику консерватизма могут войти и здоровые либералы, и консерваторы, о которых мы сейчас говорим, и люди разных религий и, в общем-то, разнообразных убеждений, но которые придерживаются высших этических принципов. Это необычайно важно. Это было для меня огромным созидательным открытием на этой конференции.

В.А. Никонов. Добавим, безусловно. Принципов будет больше, чем пятнадцать. Это – так, набросок. Этические принципы должны быть безусловно. У нас действительно великодушие проявлялось порой даже чрезмерное, когда мы прощали своих врагов. Ведь мы простили же немцев за то, что они сделали нашей стране. А кто простил японцев в Азии? Никто. И никогда не простит. У нас всегда было уважительное отношение к врагу. Чего, кстати, не было на Западе никогда. Я согласен, великодушие наряду с честью и чувством долга, наряду с верностью и благодарностью – это проявление высшей силы человеческой.

**«Когда услышу “российская литература”,
тогда, пожалуй, эмигрирую»**

Вы меня простите, но у меня возникло такое ощущение, что я не совсем туда попал. Тут сидят крупные ученые, эксперты. А я писатель, занимаюсь культурой, преподаю. Наверное, и ученый тоже, но, конечно, не такого уровня, как вы. Потому могу выступить лишь как писатель, увлекающийся в научном мышлении тремя направлениями. Это диалектика, это эволюционизм, это этология.

Мне очень нравится слово «консерватизм». Вот я люблю Шахназарова и, когда он выступал, я полностью с ним согласился в том, что слово надо менять, потому что молодежь оно не привлечет. Но когда Шахназаров ушел, я освободился от этого гипноза и подумал: а почему это оно не привлечет молодежь? Молодежь у нас разная, есть и очень талантливая.

Мне очень нравится слово «консерватизм». Но следует учесть, что я диалектик, а это – западное влияние (в России диалектику традиционно плохо понимали, здесь действуют другие механизмы; в России если диалектика и имела место, то противоборствующего типа). Поэтому я могу лишь поделиться своими ощущениями по поводу того, что возникло в моем творческом сознании после того, как я услышал слово «консерватизм» в блестящем выступлении В.В. Путина. У меня возникло чувство, что наконец и обо мне вспомнили, и о детях моих, и о школе вспомнили, и о будущем подумали, потому что оно может быть очень мрачное. Есть такая точка зрения, опирающаяся на Тойнби и на младшего Гумилева, о том, что национальные организмы живут максимально 1200 лет. Я посчитал: 862-й плюс 1200, получается, что в 2062-м будет конец нации. Но это я вас провоцирую, потому что в России в действительности имеет место намного более сложное движение.

Девять пунктов у меня, и постараюсь очень кратко выступить, потому что основные мысли уже прозвучали. Под замечательными пятнадцатью пунктами я готов подписаться, за исключением, пожалуй, пятого – о том, что Россия это самостоятельный центр цивилизации. Я его дополнил бы. Безусловно, мы самостоятельные, но наша основная функция заключается в том, что мы мост. Мы посредники, послы между двумя колоссальными метатрадициями.

В.А. Никонов. *А вы пробовали жить на мосту?*

Ю.П. Вяземский. *Это зависит от того, кто его охраняет и как он построен. И действительно ли он мост или только прикидывается, что мост и что мы сами по себе.*

Я уже сказал, что являюсь эволюционистом. Вы все ученые люди, и вам не надо объяснять, что такое филогенез – генетическое наследование. Это как река, тут мало что можно контролировать. Геббельс пытался контролировать и выращивать нацистскую германскую нацию – кончилось всё плачевно. Американцы наблюдают за этим очень внимательно, но активно не вмешиваются. Они вообще так устроены – в Америке непрестанно идет обновление филогенеза. Но помимо филогенеза есть колоссально важная для нас сфера – онтогенез. То, что не передается по наследству, то, что наследуется после того, как существо появляется на белый свет. Здесь и школа, и культура. Здесь закладывается то, что я назвал бы культурно-историческим кодом. Это наше, человеческое, лицо. Потому как филогенез хорошо работает и у животных. У них он работает намного лучше, чем у нас. Там есть и тормозы различные, которые спасают от трагедий. А человек все-таки существо более свободное.

Теперь второе наблюдение. Александр Николаевич Привалов замечательно выступал – нарисовал такую картину, что я готов был аплодировать, и улыбался, и смеялся. Для меня это была сатира на наше образование. Очень острая, очень циничная, очень односторонняя и очень правильная. Как сатира. Итак, второе мое наблюдение заключается в том, что образование и воспитание должны соединяться, так как по своей сути они неразрывны. Я посмотрел латинско-русский словарь: «эдукацию» – это не образование, это именно воспитание. То есть римляне плохо различали, как можно воспитывать и не образовывать. На эту тему надо подумать, потому что речь идет не только о гуманитарной сфере, а должно быть и математическое воспитание, и физическое воспитание, и химическое воспитание. Потому что без этого воспитания не вырастить даже хорошего специалиста.

Третье, на что хочу обратить внимание. Об этом часто забывают. В свое время гениальный психолог Зигмунд Фрейд впервые заговорил об этих трех слоях человеческой психики. Потом мой отец, Павел Васильевич Симонов, стал немного Фрейда уточнять. При воспитании, при образовании, при культуре мы очень часто забываем, что сознание у нас – это всего лишь небольшой слой, а громадный слой – это наше бессознательное, туда мы, слава Богу, не можем вторгнуться, оно живет по своим законам и нам ничего о себе не говорит. Но есть очень интересный в воспитании слой, который называется предсознание, по Фрейду. Американцы потом это всё переверли и назвали подсознанием. Это не только подсознание, это еще и предсознание. И чрезвычайно велика роль подражательного обучения, не только поведения, но и обучения. Я в своих учениках видел, что самые способные не столько записывали мои лекции, сколько пытались мне подражать. Подражать в чтении лекций, в каких-то других вещах. Я сначала этим очень гордился, но потом увидел, что они, к сожалению, подражают не только тому, что во мне хорошего, но и быстро перенимают

то, что плохое. При устройстве образования, при развитии культуры образования на это надо обращать внимание.

Четвертое мое ощущение: образование, культура образования – это непрерывный процесс. Он должен состоять из органического соединения минимум трех стадий. Главная стадия – семья. Потому что именно там всё закладывается. Там закладывается речь, там закладывается культура, там закладываются ценности. Когда я недавно смотрел, как мои маленькие внуки в церковном хоре поют, то понял, что там уже присутствует система координат, уже заложен культурно-исторический код. И попробуй его сломай. А если он не заложен, в них может что-то другое поселиться. Среди умников одна треть, а иногда и половина – это неполные семьи. Так у нас основной образовательный центр страдает. Значит, школа должна помочь.

Александр Николаевич Привалов правильные вещи говорил – школе очень трудно. Я когда-то занимался конкуром, на лошадях, поэтому школу готов сравнить с конкуром. Ставится препятствие, а ты его должен преодолевать. И так неожиданно ставится – почти как в электронных играх, – директор не ожидает, какое ему препятствие поставят. С одной стороны, это, конечно, безобразно, с другой – довольно положительно, потому что выживают те школы, где директора и учителя умеют преодолевать препятствия. Хорошо развивается интеллектуальный школьный конкур. Возникло препятствие – ты его берешь. Если у тебя есть единение с лошадью.

Мы вчера разговаривали с политологом Марковым, разрабатывали специальные термины, такие, как «агора». Потому что не хочется говорить «майдан». Эта система – семья, школа, вуз, причем вуз для меня менее значим, чем школа и тем более чем семья, – она еще должна учитывать все внешние воздействия, которые идут и со стороны площади (агора), чтобы дети с площади не перешли на майдан. Естественно, это связано с политикой, с различными объединениями – детей надо к этому готовить, а система должна с ними взаимодействовать. У нас, к сожалению, сама эта система сейчас совершенно разрушена.

Пятое ощущение. Сверхзадача для всякого воспитателя – определить две вещи. Во-первых, для чего ребенок появился на Божий свет – что в нем главное. Мой отец называл это «доминанта жизни». То есть – кто он? Во-вторых, к чему у него есть способности. Потому что часто бывает, что человек чем-то очень интересуется, но у него для этого нет никаких способностей, а там, где способности есть, ему неинтересно. И основная задача воспитателя, начиная с первого звена и до последнего, помочь юному существу, потом отроку, а иногда и студенту определить свой главный интерес и вооружить способности, если они есть. Для этого, в общем, всё и существует.

Шестое ощущение – решить, кто нам нужен. Я когда-то разговаривал с Фурсенко и понял из нашего разговора, что его больше всего интересует потребитель знаний... Я прекрасно понимаю, что мир устроен так, что есть художники, те, которые развивают мышление, развивают науку, развивают культуру, всё развивают. Но их довольно мало. Есть мастера. Их должно быть больше. Есть Шахназаров, а есть другие режиссеры, которых должно быть много, которые производили бы средние,

но хорошие фильмы. Таких же, как Шахназаров, мало. Они рождаются в небольших количествах. И, наконец, нужны, я тут с Фурсенко совершенно согласен, потребители. Грамотные, образованные, воспитанные. Это колоссальная задача. Но при этом ни в коем случае нельзя забывать, что существует три разряда людей. Эти три разряда генетически совершенно разные. И потому их совершенно по-разному надо готовить.

Вспоминаю беседу с одним интересным человеком. Когда-то он переквалифицировался и стал ученым, потом в 1943 году воевал в американской армии. У него был маленький взвод, у него был самолет, у него был джип. И с этим взводом была высадка в Италии. Ему была поставлена задача – перед тем как американские войска войдут в город, начнут его освобождать, он должен был по своей картотеке найти самых интересных ученых, художников и вообще талантливых людей, вывести их из-под обстрела. Джип. Самолет. The beautiful United States of America. Где для этой прослойки созданы идеальные условия. Где верхняя прослойка творцов и художников работает великолепно. Я горжусь Россией, но нобелевские лауреаты в основном не у нас. Они умеют их выращивать, а мы нет. И когда я слышу, что нужны потребители, потребители и потребители... Я за ЕГЭ. Это хорошее дело. Но это третий уровень. Так, проверить кое-что. Помимо ЕГЭ должны быть и другие уровни проверки, другие экзамены. А иначе мы дойдем до того, что, отвечая на вопрос «Что такое скрипка – щипковый инструмент, струнный инструмент, ударный инструмент, духовой инструмент?», я пишу «струнный» и поступаю в консерваторию. Но надо же еще отличать «ре» от «до» и «до» от «ля».

Седьмое. Готовить надо прежде всего учителей-воспитателей. Для меня главная фигура во всей этой системе подготовки, конечно, директор. Когда хороший директор, тогда работает школа. Директор – это главнокомандующий, потому что он собирает состав учителей. У нас тяжелое положение в школе. И подготовить миллион хороших учителей – а нам нужен миллион хороших учителей – невозможно, это бешеные деньги и колоссальные временные затраты. Но помочь хорошим, успешным, продуктивным директорам намного проще. И найти школе по крайней мере воспитателей, которые бы учили и воспитывали... Раньше это называлось «классный руководитель». Что такое классный руководитель? Это воспитатель, которого никогда не убьет его ученик, как недавно произошло...

Восьмое – консервативные традиции. Россия удивительно консервативная страна, что бы там ни говорили. Ну, с Ивана Грозного – это точно. Иногда просто вздрагиваешь: Господи, это ведь всё было уже. И это есть, и это есть, и менялось то, менялось это, а всё равно поведение, культурно-исторический код остаются теми же самыми. У нас есть великие традиции. Традиции, которые отличают нас от других народов. Я в этом всё больше убеждаюсь, особенно когда работаю с иностранцами и заставляю их писать различные провокационные тексты, где сравниваю русский национальный характер (понимаю, что термин условный) с другими характерами. И вижу, что они выделяют в качестве отличий от других характеров. Все одинаково выделяют наши положительные свойства и также одинаково – отрицательные.

Консерватизм – это замечательнейшая вещь, но давайте подумаем, что в своем культурно-историческом коде нам следует сохранять, а что – не следует. Потому что, например, такая антиценность, как воровство, это у нас самая что ни на есть консервативная ценность, которая пришла еще от древних викингов («вейцле» – то же, что «кормление»). Я сначала немного вздрагивал, а потом привык, когда Путин и Медведев стали бороться с коррупцией, потому что был убежден, что у нас такого явления нет. Что мы еще до коррупции не дошли. Это свойственно более развитым демократическим обществам или, наоборот, более испорченным демократией обществам. Я демократию очень не люблю, она в 399 году ни за что убила моего любимого учителя Сократа. Вначале убила, а потом рвала на себе волосы и свирепствовала в отношении тех, кто обвинил Сократа, потому что они не хотели убивать, но вынуждены были, по демократическим традициям, убить. Там закон был такой совершенно черный...

Что же касается коррупции, то у нас вместо нее есть одна традиция – кормление. Назначают чиновника и платят ему мало денег. Он должен как-то работать, у него есть семья. Вот замечательный пример: матушка Екатерина Великая получает письмо от одного полковника: «Матушка дорогая, не вели казнить, вели миловать! Семью содержать не на что, столько-то детей...». Она вызывает Храповицкого, своего секретаря, спрашивает: что это за дурак? Я ему полк дала, а он семью накормить не может. Быстро снимай его с полка... Матушка очень хорошо всё понимала. У тебя же полк. Ты же в России. Еще одно наше явление, вообще неистребимое, это протекция, тут денег нет, вообще не поймешь.

Хорошо бы понять, какие традиции стоит сохранять, а какие надо иссекать, истреблять, выдавливать по капле. Мы удивительно традиционное общество. И потому надо действовать осторожно. Мы за десять лет не победим воровство. Оно будет, потому что оно в нашем национальном характере, и мы даже не понимаем, что ворует. Но надо как-то так вести дело, чтобы воровство остановилось на уровне 10% и нельзя было воровать, как раньше.

Я хотел бы еще сказать о целях, которые сегодня стоят перед российским консерватизмом. У меня их получилось пять. В первую очередь нужно сохранять культурно-исторические традиции, составляющие основу национального характера и национальную идентичность России в экономической, политической и гностической (наука, искусство, религия, философия) областях.

Вторая цель – защищать наши экономические, политические и гностические культурно-исторические традиции от явлений, чуждых нашему культурно-историческому коду и могущих ущемить, нарушить и в длительной перспективе разрушить если не всю нашу культурно-историческую идентичность, то некоторые ее важные сегменты. Говоря словами Достоевского, традиционная особая русская переимчивость не должна вырождаться в обезьянничанье. Тем паче, если это обезьянничанье наносит урон нашему культурно-историческому иммунитету.

Третье – очищать наши экономические, политические и гностические культурно-исторические традиции от непродуктивных и вредных для нашего культурно-исторического кода явлений, присущих русскому национальному характеру и российской действительности в широком

смысле. Примеры широко известны, описаны в русской классической литературе и сочинениях российских философов.

Следующая цель – это развивать наши экономические, политические и гностические культурно-исторические традиции применительно к изменяющимся историческим условиям. В этом прежде всего заключается продуктивность предлагаемого консерватизма, который, опираясь на достижения прошлого консерватизма, ни в коем случае не ограничивается ими, а представляет собой движение вперед, «на плечах гигантов», диалектически сочетая в себе охранительное и прогрессивное начала, тенденции сохранения, возрождения, развития и открытия нового.

Наконец, пятая цель – сотрудничать с различными течениями и идеологиями, беря от них то, что не противоречит нашим культурно-историческим ценностям, обогащает, развивает и разнообразит наш культурно-исторический код.

И последнее. Глубоко убежден, что основа нашей культуры, ее основное достижение – это русская литература и наш язык. С точки зрения мировой арены, нигде мы не достигли таких вершин, как здесь. И это надо хранить как основное достоинство. Долгое время президенту морочили голову, говорили, что основное – это экономика, экономика, экономика. А в науке – это прикладная наука. И нет рядом мудрецов, которые объяснили бы, что прикладная наука вытекает из фундаментальной, а фундаментальная наука, в том числе даже физическая, – из общего культурного объема человека, его ориентации в пространстве. Один из трех гениальных физиков, Нильс Бор, утверждал, что вышел на принцип дополнительности, читая Сёрена Кьеркегора – литератора, мистика, философа. Догму о троичности он изучал по Кьеркегору, и из этого родился принцип дополнительности. Нельзя это всё расчленять. И это тоже консерватизм и сохранение нашего богатейшего культурно-исторического кода. Иначе мы не выживем, разрушимся, у нас появится акцент...

А.В. Будяк. Подпишусь под каждым словом, которое сказал уважаемый Александр Николаевич (Привалов. – *Ред.*) о вопросах школьного образования. Я работаю директором школы. Школа достаточно успешная, порядка 90 миллионов годовой бюджет. Более шести миллионов мы зарабатываем дополнительными платными услугами. Шесть активных иностранных языков. Серьезная военно-патриотическая работа, кадетские классы под патронатом Следственного комитета. Из выпускников 2013 года шестеро – ваши первокурсники, по итогам ЕГЭ и внутреннего экзамена МГИМО. Средний балл ЕГЭ по русскому языку у нас высший в Ставропольском крае – 86 баллов. Вы сказали, что хорошо относитесь к ЕГЭ. Мы боремся с коррупцией, и чем глубже в регионы, тем борьба идет, скажем так, острее. В этом году ожидаются: камера видеонаблюдения в каждой аудитории, металлоискатели и милиция. Вопрос о разрушении нашего генофонда. Как ребенок будет себя чувствовать в этих условиях? За что наказывают наших детей? Мы боремся со взрослыми, а отвечают дети.

Ю.П. Вяземский. Вы меня, видимо, не совсем поняли. Я к ЕГЭ не могу хорошо относиться. Я просто хотел подчеркнуть, что поскольку столько сил уже затрачено... Когда все сконцентрированы на ЕГЭ, меня это убивает, мне это напоминает ситуацию с «Титаником»: наверху этот ЕГЭ, под ним колоссальный айсберг, на котором мы все потонем. Пускай оно где-нибудь будет это ЕГЭ, коль столько сил на него потратили, пускай это будет некий IQ-тест или еще что-нибудь. Но нельзя, например, в МГИМО принимать по ЕГЭ. Нельзя. Я собственными глазами видел юношу, очень симпатичного, не буду называть республику, – 100 баллов по русскому языку. В слове «заявление» две ошибки.

Я против того, что у нас ЕГЭ стало мерилom всего. Но, с другой стороны, понимаю, что это Россия, – я уже извинялся за то, что я диалектик. Для России нехарактерна диалектика – мы уж если берем крен направо, то направо, если налево...

В.А. Никонов. Я как председатель Комитета по образованию Государственной Думы тоже скажу... Я в ЕГЭ вижу только один большой смысл – сразу шесть ваших выпускников никогда не поступили бы в МГИМО. Это шанс ребятам из глубинки поступить и учиться в лучших вузах. Количество людей не из Москвы, поступающих в московские вузы, в последние годы увеличилось в три раза, и это благодаря ЕГЭ. Если говорить об отрицательных сторонах ЕГЭ, главные отрицательные стороны – это то, что система ЕГЭ не стимулирует детей изучать весь набор предметов. Они изучают математику и русский и что-то еще (один или два предмета). Недостаток и то, что нет стимулов учиться ни говорить, потому что ЕГЭ весь письменный, ни реально писать, потому что сочинения не было. Сейчас общая линия направлена на совершенствование системы ЕГЭ, и заменять эту систему было бы безумием. Правильно ведь?! ЕГЭ – плохо, но отмена ЕГЭ – еще хуже. Значит, сочинение возвращается, да?! Скорее всего будет портфолио, где будет средний балл аттестата, что дает стимул изучать не три-четыре предмета, а все. Плюс к этому – введение устного компонента в экзамен по языкам: по иностранному и, возможно, по русскому. И в содержательном плане ЕГЭ будет лучше работать. Что же касается вашего вопроса по поводу стресса у детей, ну да, это стресс, наверное, если камера будет. Кстати, вот в Китае это всё давно есть. И там помимо этого еще в каждой школе установлена глушилка, которая

мобильную связь глушит в окрестностях. Понятно, что это более стрессовая ситуация, но, на мой взгляд, это шаги в правильном направлении. Потому что сокращается возможность для злоупотреблений, для коррупции.

Ю.П. Вяземский. В консерватории, когда будут на скрипках играть, тоже глушилки установят.

В.А. Никонов. Насчет консерваторий. Правильно вы сказали, что нельзя в МГИМО и МГУ принимать по ЕГЭ. Есть возможность введения дополнительных испытаний, так же как и в консерватории.

Ю.П. Вяземский. В творческих вузах возникла колоссальная сложность – должен вам доложить как председателю Комитета. Они идут на подлоги, когда хотят взять талантливого человека, а у него с ЕГЭ безобразия. Они вынуждены выкручиваться, чтобы его взять. То есть он рожден актером, а его взять почти невозможно, потому что у него ЕГЭ плохой.

В.А. Никонов. Ну, это и раньше нельзя было взять, и натягивали. Введите дополнительное испытание, я тоже декан факультета в МГУ, факультета государственного управления. У нас дополнительное испытание по математике. Вот и всё, ребята со стобалльными аттестатами просто не проходят.

О.Х. Авдыш. Прошу прощения, хотел задать вопрос Юрию Павловичу и отреагировать на ответ, на то, что сказал Вячеслав Алексеевич по поводу ЕГЭ. Я не педагог и к преподаванию имею весьма опосредованное отношение, но целеполаганий при введении ЕГЭ было два – борьба с коррупцией и социальный лифт. Это всё равно... как моряк могу

сказать так: секстаном можно орехи колоть, но лучше все-таки поправку на солнышко брать. Коррупцией должно заниматься МВД, а социальными лифтами – Минсоцразвития или какая-то другая система. Конечно, можно и при помощи ЕГЭ поднимать социальный лифт, но, мне кажется, это не его функция. Если мы говорим о том, что функцию обучения и воспитания нужно вернуть в школу, то по итоговым результатам ученика можно понять, на каком он уровне находится, а не социальный лифт ему организовывать и бороться с коррупцией. Просто инструментарий не тот для решения важных проблем.

И вопрос Юрий Павловичу. По поводу русской культуры и русского языка вы очень хорошо сказали. Мы вчера говорили о русскости, о том, что русская цивилизация впитала много других языков, народностей. Сейчас почему-то о русскости говорить становится стыдно, и мы, нерусские, очень часто ставим вопрос о том, что русский народ должен быть государствообразующим. И если мы потеряем государствообразующую роль русского языка и русской культуры, мы потеряем то государство, которое они образуют. Почему Европа говорит на английском – немецкая Европа, французская Европа, – нормально говорит, и никто этого не стесняется, а Украина и Казахстан не хотят говорить на русском, и мы стесняемся продвигать этот язык?

Ю.П. Вяземский. Русская нация является образующей, и что бы там ни говорили и как бы ни выступали, это так и есть. Некоторые народы очень амбициозны, некоторые – просто маленькие. Чего их обижать и говорить «русская, русская, русская»? Мы и так есть. Об этом уже замечательно написано. Вот когда я услышу «российская литература», тогда я, пожалуй, эмигрирую туда, где будут

говорить «русская литература», потому что «российской литературы» нет, есть великие русские писатели и поэты. Среди них я могу назвать таких людей, как Пастернак, Мандельштам, Бродский. Великий русский поэт. Если бы он был великий еврейский поэт, он писал бы либо на идиш, либо на хибру. А он мыслил, он жил там, у него строки пропитаны этим. Так же как великий русский писатель был Гоголь – он на русском писал.

Н.Г. Куликовских. Даже не знаю, как сформулировать вопрос, потому что вы говорили, Юрий Павлович, о традициях, о воспитании. А как вы смотрите на то, что у нас в России уже давно всё воспитание очень женское? Неполные семьи, детские сады, школы. Наверное, в вузах чуть получше. Но вообще воспитание – абсолютно женское.

Ю.П. Вяземский. Замечательно, я радуюсь этому. Это женская страна, и масса философов меня поддержит. В современном контексте, это так хорошо, что не воспитывают родитель № 1 и родитель № 2. Женщина все-таки – мать. Для России это чрезвычайно важно, потому что Россия прежде всего художественная страна. Это наше основное, художественное, лицо, в отличие, например, от германской культуры – там рациональные люди. Мы – художественные и мы – от сердца. А самый мудрый пол – это, конечно, русская женщина, сердечно мудрая.

Н.Г. Куликовских. Ну, за это бесконечное спасибо от всех нас, но, с другой стороны, все-таки мальчики с шестнадцати-семнадцати лет надо чтобы мужами становились, имея пример для подражания.

Ю.П. Вяземский. С мужиками сложно.

О.Ю. Васильева. Я могу обратиться, отец Тихон, к вам?

Архимандрит Тихон (Шевкунов).

Я уже сказал об этическом примате в консерватизме. Просто напомним об этом: все-таки дух творит себе формы. И весь политический консерватизм, и общественный консерватизм должен выходить в первую очередь из силы привитых народу, воспринятых полностью этических ценностей.

Была небольшая дискуссия по поводу термина «консерватизм». Я посмотрел, что есть по поводу консерватизма в словаре синонимов. И вот какие слова... Мне тоже нравится слово «консерватизм». Но давайте посмотрим: косность, рутина, закоснелось, затхлость, рутинность, рутинёрство, твердолобость. Не обращать на это внимание нельзя. Просто оставить этот термин было бы преждевременно. Или его надо максимально раскрыть, чтобы люди поняли, что это такое, и полюбили его, и увидели его высоту так же, как видим мы. Или снизить всё же до того, что не только наша песочница существует. И думать, и думать, и думать еще.

**«Консерватизм – это блистательное
интеллектуальное направление»**

Я представляю Центр изучения консерватизма, который уже свыше десяти лет активно действует на историческом факультете Воронежского государственного университета. Авторами нашего центра выпущены около двух десятков монографий и научных сборников, рецензии на которые опубликованы в ведущих исторических журналах России и в ряде престижных западных журналов по славистике.

Хочу подчеркнуть, что ни в коем случае нельзя отказываться от термина «консерватизм». Какие бы негативные ассоциации он ни вызывал, тем не менее можно и нужно заявлять прямо противоположное. Консерватизм – это блистательное и интеллектуально мощное направление русской и европейской мысли, представленное знаковыми в истории культуры и общественной мысли именами, начиная с его «отцов-основателей» – Эдмунда Бёрка, Жозефа де Местра, Хуана Доносо Кортеса и гениальных, основоположников русского консерватизма – Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, его продолжателей и апологетов – зрелого А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, Н.В. Гоголя, М.И. Глинки, Ф.М. Достоевского, Д.И. Менделеева, П.А. Столыпина, В.М. Васнецова, о. Павла Флоренского, И.А. Ильина, А.Ф. Лосева, С.С. Аверинцева, А.И. Солженицына и сотен других не менее масштабных фигур из национального русского пантеона.

Консерватизму нечего бояться своей репутации и зависеть от стереотипов массового сознания. В конце концов, все те негативные определения, которые связаны с консерватизмом, – это результат более чем двухвековой работы – «чёрного пиара», или, если хотите, «военной пропаганды» оппонентов и противников консерваторов, как западноевропейских, так и российских. Ими традиционно выступали радикальные либералы и представители социалистического лагеря. Наличие подобной «чёрной легенды» предполагает необходимость терпеливой разъяснительной и просветительской работы, но она даст результаты лишь спустя годы – когда образ консерватизма будет «отмыт» от негативных коннотаций.

Не стоит переживать и из-за того, что значительная часть молодежи невосприимчива к консервативным ценностям. Мне кажется, что в целом молодежь просто в силу возрастных особенностей исходно запрограммирована на поиск принципиально нового, именно поэтому она так легко попадает под воздействие радикальных доктрин, гарантирующих

заманчивую новизну, «драйв» и пр. К консервативным убеждениям, как правило, приходят уже в зрелом возрасте, часто пережив бурное увлечение мировоззренчески прямо противоположными учениями. У молодых людей отсутствует желание жить в тысячелетнем ритме традиции. Они еще не в состоянии принять ее богатство и налагаемые ею аскетические ограничения: моральные, эстетические, интеллектуальные... Чтобы прийти к консервативным ценностям, надо многое пережить, узнать, побывать на краю экзистенциальной бездны, пережить заживо смерть, выработать волю к подлинной любви, свободе и порядку, приобрести жизненный опыт, которого у молодежи не может быть по определению.

Есть четко прослеживаемая закономерность: подавляющее большинство видных идейных консерваторов начинали как левые радикалы или левые либералы. Наиболее яркими примерами в этом смысле выступают бывшие ультралибералы: фюрерист Достоевский и идеолог террористической «Народной воли» Л.А. Тихомиров. В то же время какая-то часть современных молодых людей изначально вполне восприимчива к консервативной системе ценностей: православная молодежь, причем весьма значительный ее сегмент, в гораздо меньшей степени – студенты-гуманитарии. Правда, это явное меньшинство, составляющее в лучшем случае несколько процентов. В обществе, где отсутствует жесткая регламентация поведения традицией, это неизбежно. Убежден, что роль и значимость такой молодежи будет возрастать по мере того, как роль консервативных ценностей будет становиться весомее в этом brave new world. Ибо чем сильнее вызов этим ценностям, тем ярче и убедительнее будет обратная реакция.

С 1917 года заветными понятиями в тезаурусе левой идеологии являлись «справедливость» и «равенство». Идеи «Манифеста коммунистической партии» Маркса или «Государства и революции» Ленина, посвященные созданию общества всеобщего равенства, звучали для многих завораживающе. Для достижения «равенства» и «справедливости» необходимо было ликвидировать частную собственность, порождающую отношения эксплуатации, господства и подчинения, и, соответственно, основные последствия частнособственнических отношений – государство, право, религию, семью. На практике попытка реализации этих идей обернулась страшным насилием над действительностью, миллионами жертв, уничтожением целых классов, насильственной коллективизацией, ГУЛАГом и т.д. Все эти особенности советского периода вытекали из глубинной логики леворадикальной идеологии. В итоге грандиозный левацкий эксперимент завершился саморазрушением советского государства в конце 1980-х – начале 1990-х годов и естественным образом изжил себя.

С 1991 года в нашем государстве и обществе начала безраздельно господствовать либеральная идея, ключевым словом которой является «свобода». Либеральный эксперимент в сравнении с советским, безусловно, расширил сферу экономических, политических и личных свобод. Однако качество этой свободы, не ограниченной моралью и традицией, оказалось чудовищным. Цена, которую государству и обществу пришлось заплатить за нее, оказалась непомерно высока: распад государства – крупнейшая геополитическая катастрофа XX века, расчлене-

ние русского народа, обнищание огромного числа людей, колоссальное социальное неравенство, возникновение олигархата, нравственная и интеллектуальная деградация, демографический спад и пр.

В силу того что левая и радикал-либеральная идеи оказались на практике скомпрометированными в сознании народа в самых разных социальных слоях, снизу доверху, всё настойчивее стал появляться интерес к консерватизму как альтернативному проекту. Сейчас, как представляется, оформился достаточно мощный запрос части элит и масс на идеологию и систему ценностей, которые обеспечивают стабильность и порядок, без потрясений и революций, и которые в то же время не исключают свободы и прогресса. И при этом опираются на позитивные традиции прошлого. Государство и общество начали неуклонное движение к той мировоззренческой системе, в которой ключевым понятием является «традиция». Именно традиция является системообразующей в мировоззрении, философии и политической идеологии консерватизма.

Немного истории. Первоначально консерватизм появился в конце XVIII века как реакция на рационализм и индивидуализм Нового времени, теорию прогресса (которая ассоциировалась с уверенностью в постоянном увеличении в мире свободы, знаний, богатства, порядка, нравственности), воплощением которых стала так называемая Великая Французская революция. Он заявил о себе как идейное течение, ставящее своей целью актуализацию позитивных традиций и ценностей прошлого, обеспечивающих органическую непрерывность развития общества. Одной из важнейших ценностей для консерватизма является культ трансцендентного начала, религия, которая, согласно воззрениям консерваторов, придает смысл истории и отдельной человеческой личности.

Для России главенствующей религией, оказавшей огромное влияние на складывание государственности, культуры и национального самосознания, является Православие. Религиозное мировосприятие предполагает признание необходимости общественной иерархии (в обществе всегда будут «верхи» и «низы», всегда будут отношения господства и подчинения, принуждения и насилия). В силу признания объективного факта естественного неравенства для консерваторов характерен поиск технологий, которые позволяли бы сформировать качественную элиту, сориентированную на решение общенациональных задач, а не на удовлетворение собственных узкоэгоистических интересов или создание утопического общества всеобщего равенства без элиты.

Религиозная составляющая консерватизма обуславливает гносеологический пессимизм, определенное скептическое отношение к Ratio, неприятие абсолютизации его возможностей, крайне осторожное отношение к кабинетным схемам радикального переустройства человеческого общества, а также антропологический пессимизм – понимание ограниченности и несовершенства человеческой природы, ее одержимости силами зла и, соответственно, принципиальной неосуществимости в земных условиях идеального общества. Для европейского континентального консерватизма всегда характерна высокая оценка сильного государства, приоритет его над интересами индивида. С точки зрения большинства консервативных доктрин главенствующее значение имеют интересы целого, а не отдельной личности. Важны

прежде всего надындивидуальные ценности (Бог, государство, нация, церковь, общество, семья и т.д.).

Для консерватизма всегда был характерен культ школы, армии, патриотизма, самобытной национальной культуры, исполнительности, дисциплины и порядка, права, то есть тех общественных институтов, традиций и явлений, которые выступали основными проводниками и хранителями традиции. Сюда же можно добавить и такую черту консерватизма, как понимание конкретно-исторической обусловленности уровня прав и свобод.

Консерватизм при этом противостоит идеологиям, в основе которых лежат ценности противоположного порядка: атеизм, материалистическая ориентация политики, моральный релятивизм, культ рассудка, антитрадиционализм, универсализм, космополитизм, приоритет интересов индивида над интересами государства, индивидуализм, равенство, культ личных прав и свобод, приверженность теоретическим моделям, культ перемен, революция. В случае необходимости социальных перемен консерватизм требует при их осуществлении чрезвычайной осторожности и постепенности. При этом было бы неверно трактовать консерваторов как противников всего нового. Они выступают лишь против абсолютизации принципа новизны, заведомого примата нового перед уже проверенным старым, что обычно характерно для радикального либерализма и еще более левых течений.

Необходимо констатировать, что в нашем обществе, которое за XX век пережило сильнейшее «красное смещение» в политическом спектре, традиционные ценности и институты оказались в значительной степени скомпрометированы. Произошла его атомизация. Оказалось разрушено в значительной мере национальное самосознание, подорван авторитет государства и закона, в значительной мере разложена и традиционная семья, с очень сильным сомнением можно говорить о прочности массового патриотизма.

В этих условиях необходимо наметить систему тех первичных шагов, которые сделали бы доминирование консервативных ценностей, их влияние на жизнь общества и государства реальными. Исключительную роль в формировании такой системы ценностей играют в Новое время два института – это, в самом широком смысле, школа и средства массовой информации. Именно они транслируют систему ценностей, которая создает и поддерживает традицию. Но мы видим, в каком катастрофическом положении, к сожалению, пребывают и наша школа, и наши университеты. Система образования разрушается со всех сторон. Ее характерные черты: нищенское финансирование и соответствующие зарплаты, бездарные учебные программы и учебники, необходимость предоставлять гомерическое количество отчетов, справок, графиков, планов, не дающих времени и сил учителям проводить занятия, перегруженность школьников ненужными предметами, невозможность соблюдать элементарную дисциплину, отсутствие возможности ставить объективные оценки – за неудовлетворительные оценки учителей наказывают, система ЕГЭ привела к тотальной коррупции и разрушению образованности как таковой. Всё больше и больше школьников старших классов просто не умеют удовлетворительно читать и писать и в жизни не прочитали

ни одной книги. История России и ее культуры в учебниках, созданных авторами либеральной и лево-интернационалистской ориентации, подается как история некоей многовековой болезни, которую надо лечить радикальными модернизационными средствами по западноевропейским рецептам. Затем подобный контингент поступает в вузы, у которых также возникают системные проблемы, по своей остроте и качеству мало чем отличающиеся от проблем средней школы: резкое ухудшение качества абитуриентов и студенческой массы, нищенское финансирование, унижительно низкие зарплаты профессорско-преподавательского состава, стремительное старение основной массы преподавательского корпуса и много другое. Никакого здорового национального самосознания, вкуса к традиционным ценностям нынешние школа и университет по определению не могут сформировать. В этой сфере нужны серьезные изменения, поворот к действенной модели национального образования и воспитания.

Что касается средств массовой информации, которые должны способствовать проведению адекватной национальной политики, то очень значительная их часть по-прежнему занимает ультралиберальную позицию, сформированную в 1990-х годах. По сей день в них явно доминирует убеждение, согласно которому «термин “русский” нас разъединяет», а «принятие Православия – трагедия для России», зачастую демонстрируются откровенно русофобские умонастроения. В сфере культуры, как массовой, так и «элитарной», мы наблюдаем «апофеоз» пошлости, навязывание образцов, предполагающих пропаганду порнографии, различных форм девиантного поведения, введение ненормативной лексики в культурное пространство, пропаганду различных форм нетрадиционной сексуальной ориентации и т.д. Вряд ли СМИ в том виде, в каком они функционируют сейчас, могут транслировать систему традиционных ценностей, скорее наоборот.

И тем не менее мы видим в последнее время, что государство – а оно является главным субъектом возрождения традиции – всерьез озабочилось деятельностью этих институтов. Исключительную роль здесь призваны сыграть гуманитарные науки – история, литература, русский язык, философия. Можно было бы назвать и ряд других, но я назвал ключевые дисциплины.

Как историку мне ближе всего история. К сожалению, нынешний правящий слой историю как школьную дисциплину и как науку пока в целом игнорировал и игнорирует. Очевидно, догматы экономического материализма, убежденность в том, что определяющими в решении всех значимых проблем выступают социально-экономические факторы, являются по сей день определяющими в сознании значительной части нашего правящего слоя. История и филология воспринимается им как некие артефакты, подлежащие максимальной финансовой и кадровой оптимизации, что на практике приводит к разрушению преподавания и изучения этих дисциплин.

Когда мы говорим об истории, которая должна формировать здоровое, то есть консервативное, национальное сознание, речь идет о науке, которая не пропагандирует социальное разделение и классовую борьбу и в принципе не сосредотачивается почти исключительно

на негативных аспектах русской истории. Нынешняя школьная версия истории назойливо внушает представление о вечно отсталой стране, постоянно балансирующей на грани распада и бунта, и которой постоянно необходима «догоняющая модернизация» по западноевропейским лекалам. Она скучна и непривлекательна, почти полностью деперсонифицирована. Следует избавиться от обилия социально-экономических трактовок и схем в учебниках – они несут очевидную мировоззренческую нагрузку, формируя прежде всего материалистическое и атеистическое сознание, то есть соответствуют прежде всего критериям и запросам леворадикальной и ультралиберальной идеологий. Историческая наука в национально-консервативной интерпретации предполагает создание национального пантеона, системы образов и символов, апеллирующих к патриотическому сознанию каждого человека, – широкую и красочную панораму героев и ключевых событий национальной истории, которые формировали государственность, национальный характер народа, его самобытную культуру, особенности русской цивилизации в целом. Эта система образов и символов должна стимулировать патриотические мотивации, а не подавлять их, способствовать формированию духовно здорового социума.

Подобного рода подход в образовании и воспитании можно реализовать только при поддержке государства, при наличии четкой программы действий. Если говорить об академической науке, то государство, заинтересованное в стабильности, должно поддерживать те направления, которые способствуют внедрению в сознание граждан определенной системы ценностей, в данном случае – системы консервативно-патриотических ценностей. Следовательно, необходима детальная разработка тех историографических направлений, которые в русской исторической мысли были связаны с государственным, державным, патриотическим подходом. Речь идет об обращении к традициям Н.М. Карамзина, С.Ф. Платонова, Д.И. Иловайского, С.С. Ольденбурга, вплоть до Л.Н. Гумилева, А.Н. Боханова и других историков, принадлежащих к консервативной отечественной историографической традиции.

Внедрять государственные, патриотические, консервативные ценности в гуманитарные дисциплины невозможно без реализации ряда четко артикулированных проектов, например, изучения русского или западноевропейского консерватизма. В школьные и в университетские программы должна быть введена такая дисциплина, как история христианства, история христианской церкви. Я апеллирую к опыту университетов дореволюционной России, где в 1869 году на историко-филологических факультетах была введена история церкви. Развертывание ее преподавания и научной деятельности в этой сфере готовило почву для русского религиозного возрождения, которое состоялось, когда большая часть национальной элиты оказалась за пределами страны, в эмиграции.

К сожалению, нынешняя ситуация во многом напоминает ту, которая существовала в Российской империи. Со времени радикально-западнических реформ Петра I российская государственность была отнюдь не консервативной по своей природе. Ее космополитические и западно ориентированные верхи, в том числе династия Романовых, ча-

сто делали всё, для того чтобы ограничить и свести на нет как консервативные политические движения, так и деятельность консервативных идеологов и деятелей культуры. В частности, абсолютное большинство в русской печати второй половины XIX века представляли газеты и журналы леворадикального и либерального направлений. Консервативные издания владели жалкое существование, подвергались диффамации, моральному (и не только!) террору и травле, в том числе на высшем уровне, и, по сути, были маргинализированы. Это сейчас мы изучаем их авторов как великих мыслителей, но в реалиях тогдашней жизни им приходилось крайне тяжело.

Дореволюционная власть апеллировала к русской традиции, русской идентичности лишь тогда, когда имел место цивилизационный вызов, угрожающий самому существованию империи. Например, русский консерватизм окончательно оформляется как течение общественной мысли в огне войны 1812 года, когда на первый план выдвинулись выдающиеся деятели этого направления. Так, государственный секретарь А.С. Шишков стал официальным идеологом Отечественной войны, а Ф.В. Ростопчин возглавил древнюю столицу – Москву, создав необходимые условия для разгрома наполеоновской армии. Тогда русский консерватизм впервые артикулировал себя, одержал блистательную идейную победу и способствовал грандиозной военной победе над одним из величайших полководцев в мировой истории. Русские консерваторы временно спасли власть в 1905–1907 годах, когда Россия уже погружалась в красную Смуту. Но после того как произошла частичная стабилизация, либеральная бюрократия, при пассивном отношении монарха, расколола русское консервативное движение и сделала всё для его компрометации. В феврале 1917 года государство защищать было уже некому.

С очень большими оговорками можно указать и на частичный консервативный ренессанс, имевший место в СССР к 1934 году, когда сталинское руководство, принимая в расчет события, произошедшие в Германии в 1933 году, частично, в редуцированном, очень ограниченном виде вернуло в публичное культурное поле имена Пушкина, Александра Невского, Дмитрия Донского, адмирала Ушакова. Обращаться к каноническим для марксистов образам Маркса, Энгельса, Ленина, Клары Цеткин или Розы Люксембург в преддверии большой войны было самоубийственно. Наконец, в феврале – декабре 1991 года тогдашние советские консерваторы были блокированы как властью, так и мощными либеральными силами общества.

Исторический опыт показывает, что парадигма верховной власти, которая обращается к консервативно-патриотическим ценностям лишь в моменты смертельной для нее опасности и, напротив, максимально их ограничивает, а то и подавляет в относительно спокойные для нее периоды, глубоко порочна и опасна, более того, в определенных условиях чревата социальной и национальной катастрофой. Неужели, чтобы эти ценности были актуализированы и востребованы, необходима угроза революции или большой войны?

«Мы – в начале пути»

Подводя итоги семинара, хотел бы обсудить вопрос о том, на каком этапе мы, люди, занимающиеся практическим делом, в том числе политикой – в рамках Народного фронта или собственной гражданской позиции, – на каком этапе мы находимся, имея в виду обсуждаемую идею – консерватизм.

Конечно, я не столь глубоко погружен в историю русского консерватизма, как Аркадий Юрьевич (Минаков. – *Ред.*), но я согласен с его утверждением, что судьба консерватизма в нашей стране сложна и противоречива – незавидная судьба. И проблема, на мой взгляд, состоит в следующем. Россия как страна с момента своего появления, конечно, глубоко консервативна. Консерватизм она пронесла на протяжении всей своей тысячелетней истории. Это является базой современного российского консерватизма. Мы ничего не придумываем – мы берем то, что исторически, имманентно, органически присуще стране, в которой мы живем, и народу, который ее населяет. А вот политический класс нередко традицию разрушал, в силу разных причин. Тот же Петр I, который в чем-то наверняка был приверженцем консервативной традиции, он одновременно нес сюда и западную традицию, делая это ценой немалых жертв и полагая, что тем самым он привносит прогресс и цивилизацию в лапотную, нищую и убогую страну. Возьмите XIX век, когда страна жила предреволюционными ожиданиями. Консерваторы появились не только потому, что они отражали российские традиции. Это была охранительная, защитительная идея. Они понимали, чем грозят России западничество и неверие в собственные ценности. Они понимали, что революционный зуд разрушит Россию. Этим и кончилось – Россия была разрушена. Сейчас было сказано о тридцать четвертом годе. Это были тактические ходы власти, чтобы привлечь традицию, историю для решения сиюминутных задач. А вообще – что такое те семьдесят лет? Нет у революции начала, нет у революции конца. Что такое семнадцатый год? Это революция, кардинальная ломка всего и вся, отказ от всего, что было до тебя. Что такое коллективизация? Это революция. Что такое индустриализация? Это революция. Мы жили в революционном тренде, который абсолютно не соответствует консервативной традиции. Он ее антипод. Страна жила в этом тренде целых семьдесят лет. А что произошло в приснопамятном девяносто первом году? Это очередной слом, очередная революция, очередной отказ от того, что было до тебя. И теперь представьте себе:

у нас через три года будет столетие «Великого Октября». По моим представлениям, мы восемьдесят лет из этого столетия, а может быть и все девяносто, жили в духовной и политической атмосфере, категорически противопоказанной консервативным ценностям и традициям.

[Обращаясь к архимандриту Тихону. – *Ред.*] Откуда в нашей семантике такое негативное отношение к слову «консерватор»? Вы приводили синонимы из словаря. Интересно, как появились эти синонимы? Но есть ведь и другие синонимы: устойчивый, основательный, осторожный. Почему в тех словарях, на которые вы ссылаетесь, нет этих синонимов? Я найду вам массу слов в русском языке, которые гораздо ближе к понятию «консерватизм», чем «косный». Вот «ретроград» – это совсем другое слово. Оно обозначает антипрогресс. Но консерватор – это не антипрогресс. Консерватор – это человек, который делает хорошо продуманный шаг вперед. Есть бездумное стремление к прогрессу, а есть основательное, основанное на традиции, с пониманием, для чего я делаю этот шаг, что для меня прогресс, куда я иду.

Я поборолся бы вместе с вами за термин «консерватизм». Это понятие вполне российское, и его можно сделать полностью позитивным. Конечно, это моментально не получится. У «Единой России» это не получилось. Я сам писал манифест «Единой России» в 2002 году – здесь присутствуют люди, которые его читали, рецензировали. Это консервативный документ. Там сказано, что наша идеология – это идеология социального консерватизма. Не прижилось. Юрий Михайлович Лужков меня долбал на всех наших партийных мероприятиях: что ты, мол, лезешь со своим консерватизмом? Дескать, нельзя в России использовать этот термин – это плохо для российского уха.

А вот Путин не боится говорить, что мы страна с консервативными ценностями. Нам нужно сейчас закладывать эту традицию. Если мы честны, если мы это делаем не потому, что нас кто-то туда толкает, если это есть наше убеждение, если мы понимаем, что это базовые ценности для правильного, эффективного развития нашей страны, то тогда эти ценности должны стать ценностями не только узкой части политического класса, но они должны стать ценностями большинства наших сограждан, наших сторонников, тех, кто нас поддерживает, кто поддерживает нашего президента – его рейтинги сегодня зашкаливают за все мыслимые и не мыслимые... 69%, я не знаю, есть где-нибудь в мире аналоги этому? Думаю, что нет. Это уникальное явление для демократического общества. Это ведь не СССР, не сталинские времена – мы живем в демократической стране, и люди вольны говорить так, как они считают нужным. Тем не менее такой уровень доверия к человеку, который давно находится во власти, – это многого стоит. Потому он и говорит, что наша идеология – это идеология консерватизма и мы должны исходить из тех ценностей, которые действительно присущи нашей стране.

Это те самые ценности, о которых говорил Вячеслав Алексеевич (Никонов. – *Ред.*) применительно к внешней политике. Это те ценности, о которых говорил Юрий Павлович (Вяземский. – *Ред.*) применительно к образованию, к духовной сфере. Это те ценности, о которых говорил Глазьев, присущие нашей экономической стратегии. Консерватизм – это то, что пронизывает все сферы нашей жизни. Я для себя сформулиро-

вал, в чем главное отличие консерватизма от либерализма. Что происходит в Европе? Мы сегодня об этом говорили. Почему мне кажется, что там беда, в Европе? Там утвердилось понимание того, что норма права, любая бумажка, где записаны некие правила, – выше, чем мораль. Пример с жирафом (в зоопарке Копенгагена. – *Ред.*) – стопроцентное доказательство того, что Европа сошла с ума. Потому что норма, написанная в циркуляре, становится выше понятной каждому ребёнку ценности жизни – не только человеческой, но и этого несчастного существа, которое резали на глазах у детей. Потому что есть правила, в которых резать предписано.

Мы не можем жить по таким правилам. У нас есть нравственные ценности: добро, справедливость, благородство, взаимопомощь и более политизированное, но тоже важнейшее понятие – гражданская солидарность. Мы можем быть солидарны вокруг каких-то ценностей, которые мы защищаем, отстаиваем, которые мы считаем правильными и справедливыми. Нам как своего рода идеологам проекта «Народный фронт» надо в регионах собирать вокруг себя актив, тех людей, которые будут действовать вместе с нами на одной волне. Это тоже наука, это тоже история, которую нужно прожить и пройти. Недостаточно прослушать умную лекцию. Такие лектории вы сможете организовать у себя в регионе и найдете благодарную аудиторию. Но должны появиться люди, которые являются публичными носителями наших ценностей. Способные полемизировать, способные обогащать наших сторонников идейно и привлекать к нам новых людей.

Мне представляется особенно важным то, о чем говорил Юрий Павлович. Поколение, которое сейчас приходит, через десять – пятнадцать лет будет управлять страной. Это так! Сегодня они оканчивают вуз, им двадцать два – двадцать три года. Прибавьте десять – пятнадцать лет – это те люди, которые завтра придут. Они будут министрами, губернаторами, они будут учителями в школах, преподавателями в вузах. Если мы сегодня передадим им правильный сигнал, как должна развиваться страна, на каких ценностях она должна основываться, – мы повлияем на то, какой будет послезавтрашняя Россия. А если не дадим, то мы можем лишиться своих корней. А когда страна лишается корней, она обречена.

Поделюсь с вами одним своим наблюдением. Кто сегодня главные игроки в мире? Соединенные Штаты, которые претендуют на однополярный мир. Это максимально идеологизированная страна: наши американские ценности – самые лучшие в мире; я держусь за сердце и пою американский гимн; я говорю, что у нас самая лучшая в мире демократия; мы самые свободные, мы самые эффективные... Ребенка еще еле-еле из-за стола видно, а он уже этими ценностями пропитан. Он живет на три доллара в день где-нибудь в негритянском гетто, но говорит: я – американец, я живу в самой свободной стране.

Что такое Китай как следующий центр силы, гигантский центр силы в современном мире? Это максимально идеологизированная страна, которая всеми силами борется за те ценности, которые она считает для себя базовыми. И без этого Китай сегодня невозможен. Уберите эту опору, оставьте только административный и политический ресурс, и страна рухнет. Они прекрасно это понимают.

Что такое Европа сегодня? Это идея европоцентризма. Все вступайте в Европу, потому что у нас здесь всё правильно. У вас всё неправильно, а у нас – правильно. Идите все к нам. Разве это не идеологема? Разве это не идеология, которой пропитывают сознание граждан?

А нам говорят – вам не надо, чтобы у вас была какая-нибудь идеология. У вас и в Конституции так написано. Правильно написано – нам не нужна государственная идеология, которая была во времена товарища Сталина. Но нам нужны идеи и ценности, которые являются для нас базовыми и на основе которых мы будем проводить и экономическую политику, и внешнюю политику, и внутреннюю политику. Без этого мы не можем быть державой, единым обществом. Не сможем тот стержень сохранить, о котором вы говорили и которым является государствообразующий русский народ, а также русский язык, формирующий наш социум. Без этого мы исчезнем, нас размоют, нас разнесут по кирпичику. Мы живем не просто в конкурентном мире, мы живем в мире, где мы, сильная держава, самая богатая ресурсами держава, обладающая к тому же ядерным оружием, – мы никому такие не нужны. В современном мире конкуренция лишь обостряется, и по-другому не будет никогда. Либо мы конкурентоспособны и можем существовать как самостоятельный социум, – тогда мы игроки. Либо нет – тогда нас нет, на щелчок – нет. И мы были к этому близки. Почему в 1990-х годах мы были к этому близки? Как вы думаете? Потому что у нас развалилась экономика? Нет! Потому что были потеряны все идейные, нравственные ориентиры. Когда общество остается без корней, без ориентиров – бери его голыми руками, и оно будет, как пластилин, из него всё что угодно можно сделать.

Поэтому перед нами стоит большая задача – вернуться к тем ценностям, которые мы понимаем единообразно и которые будем транслировать как крупная общественная и политическая сила. У нас есть лидер, который является носителем этих ценностей и который эти ценности провозглашает. Два последних послания Путина – это максимально, в хорошем смысле, идеологические документы. Не было таких президентских документов за последние двадцать лет. Путин дважды в своих посланиях Федеральному Собранию говорил не столько о том, как мы будем развивать экономику, сколько – на какой основе мы будем это делать. На основе каких ценностей мы будем это делать.

Мы с вами только начинаем этот процесс, даем ему старт. Мы должны втянуть в него как можно больше сторонников, которые будут говорить на одном языке с нами и с нашим президентом. Вот та задача, которую мы с вами должны решать.

А.Ф. Соломаха. Олег Викторович, извините, при всем уважении, но вы не выполнили задания Ольги Юрьевны (Васильевой. – Ред.). Пользуясь термином «консерватизм», вы прилагательного ни разу не употребили. А здесь было такое задание: какое прилагательное использовать?

О.В. Морозов. С гордостью могу сказать, что автором термина «социальный консерватизм» являюсь я! Столблю! У меня была статья еще в 2001 году, где я впервые попытался объяснить, что такое социальный консерватизм. Потом появился Социально-консервативный клуб в «Единой России». Но, повторяю, термин не прижился, хотя он мне нравится. У меня нет готового решения. Давайте вместе искать. Вы же вчера «штурмовали», и у вас были разные предложения. Поиск обогащает идею, обогащает стратегию. Давайте вместе еще подумаем о том, что можно поставить рядом со словом «консерватизм». А, может быть, ничего и ставить не надо.

Ю.П. Вяземский. Олег Викторович, быть может, сказать «продуктивный консерватизм» – как альтернатива разрушительному либерализму?

О.В. Морозов. Вообще-то, либерализм бывает не только разрушительный.

Ю.П. Вяземский. Я имею в виду именно разрушительный...

О.В. Морозов. Хочу поделиться еще одним наблюдением. Долгое время у нас

в стране был абсолютный крен в сторону либеральной повестки – политической, идеологической, медийной, творческой, какой угодно. Это совершенно не соответствует нашим традициям – корневым традициям, не политическим. Это и по определению плохо – потому что отсутствует другая, уравнивающая точка зрения. Даже человек со стойкими политическими взглядами может быть сбит с толку подобным засильем одной точки зрения. Что же говорить об обществе в целом... У нас доминировала эта политическая линия. Постепенно она стала вырождаться в агрессивную, разрушительную. Если бы она просто существовала как некий взгляд на мир, то и Бог с ней. Среди либералов есть очень уважаемые люди, которые исповедуют патриотические взгляды. И очень хорошо, что такие есть. Если они патриоты, если они за страну, но по-другому понимают принципы экономической политики, или внутренней политики, или внешней политики, – это приглашение к дискуссии, к диалогу. Но когда имеет место разрушительный процесс, это плохо. А было так.

Вот поэтому я говорю, что мы с вами только в начале пути.

А.И. Бочаров. Уважаемые коллеги, давайте поблагодарим наших товарищей за проведенную работу, за начало пути, как сказал Олег Викторович. Эти два дня прошли продуктивно. Мы и дальше будем работать в том же направлении.

{ Участники семинара }

АВДЫШ

Олег Хавшабович

сопредседатель Регионального штаба ОНФ в Калининградской области, заместитель председателя президиума РОО «Совет национально-культурных сообществ Калининградской области», заместитель директора по развитию компании «Дана-Балт»

АТЛАСОВА

Алёна Николаевна

сопредседатель Регионального штаба ОНФ в Республике Саха (Якутия), народный депутат Республики Саха (Якутия), сопредседатель регионального отделения Общероссийской общественной организации «Деловая Россия»

БАДОВСКИЙ

Дмитрий Владимирович

кандидат политических наук, председатель совета директоров Некоммерческого фонда — Института социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ)

БАТАЛОВА

Сажиды Растамовна

сопредседатель Регионального штаба ОНФ в Республике Бурятия, заведующая инновационным консалтинговым центром «Культура +», доцент кафедры педагогики и психологии Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, председатель Ассоциации национально-культурных центров – Дом Дружбы, первый заместитель председателя Общественной палаты Республики Бурятия

БОЧАРОВ

Андрей Иванович

член Центрального штаба ОНФ, руководитель Исполкома ОНФ, Герой России (со 2 апреля 2014 года – временно исполняющий обязанности губернатора Волгоградской области)

БУДЯК

Александра Владимировна

сопредседатель Регионального штаба ОНФ в Ставропольском крае, директор МБОУ Гимназия № 24 г. Ставрополя

ВАСИЛЬЕВА

Ольга Юрьевна

доктор исторических наук, профессор, заместитель начальника Управления Президента РФ по общественным проектам

ВЯЗЕМСКИЙ (СИМОНОВ)

Юрий Павлович

кандидат исторических наук, заведующий кафедрой мировой литературы и культуры МГИМО (У) МИД России

ГЛАЗЬЕВ

Сергей Юрьевич

доктор экономических наук, профессор, советник Президента Российской Федерации, академик РАН

ГОВОРУХИН

Станислав Сергеевич

сопредседатель Центрального штаба ОНФ, председатель Комитета ГД ФС РФ по культуре, кинорежиссер

ГУСЕЙНОВ

Абдусалам Абдулкеримович

доктор философских наук, профессор, академик РАН, директор Института философии РАН

ИЛЬЯНОВА

Надежда Павловна

сопредседатель Регионального штаба ОНФ в Республике Калмыкия, председатель Торгово-промышленной палаты Республики Калмыкия

КАШТАНОВ

Олег Александрович

сопредседатель Регионального штаба ОНФ в Республике Мордовия, главный редактор общественно-политической газеты «Известия Мордовии», сопредседатель Общественной палаты Республики Мордовия, президент регионального отделения Общероссийской общественной организации работников СМИ «Медиа Союз»

КИСЕЛЁВ

Дмитрий Константинович

генеральный директор Информационного агентства «Россия сегодня»

КУЛИКОВСКИХ

Нина Германовна

сопредседатель Регионального штаба ОНФ в Смоленской области, директор Смоленского областного государственного казенного учреждения «Центр патриотического воспитания и допризывной подготовки молодежи «Долг»

ЛОКТИОНОВ

Сергей Павлович

сопредседатель Регионального штаба ОНФ в Курской области, генеральный директор ОАО «Торговый дом «Курская Коренная ярмарка»

ЛЫСЕНКО

Татьяна Петровна

сопредседатель Регионального штаба ОНФ в Тульской области, проректор по развитию и внебюджетной деятельности Института повышения квалификации и профессиональной пере-

подготовки работников образования Тульской области, руководитель Тульского регионального отделения общественной организации «Союз женщин России»

МЕТЁЛКИНА

Татьяна Вячеславовна

сопредседатель Регионального штаба ОНФ в Нижегородской области, главный редактор газеты «Нижегородская правда»

МИНАКОВ

Аркадий Юрьевич

доктор исторических наук, директор Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета

МИХАЙЛОВ

Максим Владимирович

сопредседатель Регионального штаба ОНФ в Республике Башкортостан, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой права и обществознания Башкирского государственного педагогического университета

МОРОЗОВ

Олег Викторович

кандидат философских наук, начальник Управления Президента РФ по внутренней политике

НАРОЧНИЦКАЯ

Наталья Алексеевна

доктор исторических наук, президент Фонда исторической перспективы

НИКОНОВ

Вячеслав Алексеевич

доктор исторических наук, профессор, член Центральной ревизионной комиссии ОНФ, председатель Комитета ГД ФС РФ по образованию

ПОЛЯКОВ

Леонид Владимирович

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей политологии НИУ «Высшая школа экономики»

ПРИВАЛОВ

Александр Николаевич

кандидат экономических наук,
научный редактор журнала «Эксперт»

РЕМИЗОВ

Михаил Витальевич

кандидат философских наук, президент Института национальной стратегии

СОЛОМАХА

Анатолий Фёдорович

сопредседатель Регионального штаба ОНФ в Ленинградской области, председатель правления Благотворительного фонда «Возрождение Православия». Участковый терапевт Центральной медико-санитарной части № 38, г. Сосновый бор Ленинградской области

ТИМОФЕЕВА

Ольга Викторовна

сопредседатель Центрального штаба ОНФ, депутат ГД ФС РФ

ШАХНАЗАРОВ

Карен Георгиевич

член Центрального штаба ОНФ, генеральный директор киностудии «Мосфильм», кинорежиссер

**Архимандрит Тихон
(ШЕВКУНОВ)**

наместник Сретенского ставропигиального мужского монастыря, председатель Патриаршего совета по культуре, ректор Сретенской духовной семинарии, руководитель издательства Сретенского монастыря и интернет-портала Православие.ru, член Общественного совета при Министерстве культуры РФ

Альманах Фонда ИСЭПИ
Тетради по консерватизму
№ 1 2014

Стенограмма семинара
**«Базовые ценности консерватизма
История и современность»**
в штаб-квартире
Общероссийского народного фронта

Редактор
Е.М. Кострова

Художественное оформление
В.И. Кучмин

Компьютерная верстка
А.В. Талалаевский

Издатель
*Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических
и политических исследований (Фонд ИСЭПИ)*
www.isepr.ru

Подписано в печать 31.05.2014. Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 15,0.
Тираж 1000 экз. Заказ 705

Отпечатано в ООО «Богородский полиграфический комбинат»
142400, Московская обл., г. Ногинск, ул. Индустриальная, д. 40б